

СОЧИНЕНИЯ
ФИЛАРЕТА,
МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО И КОЛОМЕНСКАГО

СЛОВА И РЕЧИ

ТОМ I

1803 – 1821

ОГЛАВЛЕНИЕ.

От издателей

Послужной список Высокопреосвященнейшаго Филарета

ОТДЕЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Слова и речи, избранные самим проповедником

для изданий 1844, 1848, 1861 годов.

1811 год	Слово в день Пятидесятницы Слово в неделю четвертую по Пятидесятнице Слово на Рождество Христово
1812 год	Беседа о молитве Господней
1813 год	Слово в Великий пяток Слово пред погребением тела светлейшаго князя Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова-Смоленскаго
1814 год	Слово о гласе вопиющего в пустыни и на воспоминание происшествий 1812 года Слово в день сошествия Святаго Духа Слово в неделю двадесять-четвертую Слово на второй день праздника Рождества Христова
1816 год	Слово на Великий пяток
1820 год	Слово на Преображение Господне

ОТДЕЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Слова и речи, напечатанные при жизни проповедника, но не внесенные в собрания 1844, 1848 и 1861 годов.

- 1806 год Слово на день торжества освобождения обители Преподобного Сергия от нашествия врагов
Слово в Великий пяток
- 1808 год Слово на освящение храма Святыя Троицы в Махрицком монастыре
- 1810 год Слово в день Благовещения
- 1811 год Слово в день Святыя Пасхи
Слово по освящении в Казанской соборной церкви придельного храма во имя Рождества Пресвятыя Богородицы
Слово при отпевании тела действительного тайного советника 1 класса графа Александра Сергеевича Строганова
Слово в неделю двадесять-четвертую по Пятидесятнице, по случаю поминаения покойного действительного тайного советника 1 класса графа Александра Сергеевича Строганова в четырехдесятый день по его кончине
- 1812 год Слово при отпевании тела действительного тайного советника графа Петра Васильевича Заводовского
Слово во Святый и Великий пяток
Слово на освящение храма во имя Св. Живоначальных Троицы, в доме Святейшаго Правительствующаго Синода г. обер-прокурора и кавалера князя Александра Николаевича Голицына
Слово на Рождество Христово
- 1814 год Слово на день торжественного венчания на царство и священного миропомазания Благочестивейшаго Государя Императора Александра Павловича
Беседа из псалма 83, по освящении храма Пресвятыя Богородицы, в память явления всечестныя иконы Ея Казанския, устроенного в доме его сиятельства гр. Виктора Павловича Кочубея
Слово на день Введения во храм Пресвятыя Богородицы
- 1815 год Беседа в Великий пяток
- 1816 год Слово по освящении храма Воскресения Христова, устроенного при доме его сиятельства графа Алексея Кирилловича Разумовского
- 1817 год Слово в Великий пяток
Речь по освящении храма во имя праведных Елисаветы, устроенного при сиротском училище 1812 года, находящемся в ведении Санктпетербургскаго женскаго Патриотическаго Общества
Слово пред погребением тела генерал-лейтенанта графа Павла Александровича Строганова

1818 год	Слово пред приведением к присяге Санктпетербургскаго дворянства и граждан для избрания судей
1820 год	Слово по освящении соборнаго Христо-Рождественскаго храма, воздвигнутаго тщанием ея превосходительства Агафоклии Александровны Полторацкой
	Приветственное послание к Ярославской пастве

ОТДЕЛЕНИЕ ТРЕТИЕ.

Слова и речи, не напечатанныя при жизни проповедника.

1803-1808
гг.	Слово на день Преподобнаго Сергия
1806-1808
гг.	Слово в день Рождества Богородицы
	Слово на день обретения мощей Преподобнаго Сергия
	Слово в неделю 19-ю по Пятдесятнице
	Слово в неделю 28-ю по Пятдесятнице
	Слово в неделю Мясопустную

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ.

Издание сочинений московскаго святителя Филарета мы начинаем проповедническими его трудами. В таком выборе для начала мы руководимся сколько обширностию этих трудов, представляющею всю полноту и разнообразие воззрений святителя на предметы веры и нравственности христианской, столько и последовательностию в развитии великаго ума, какая с большею ясностию выразилась в трудах проповедника, проходящих чрез все время служения его Церкви и Отечеству. Без сомнения, эти же побуждения, при сознании вообще высоких достоинств проповедника, руководили и заявлениями общества, какия не мало приходилось нам слышать об издании прежде всего слов и речей усопшаго архипастыря.

При жизни святителя было издано *шесть собраний* его слов и речей. – *Первое собрание* вышло в свет в 1820 г. под заглавием: «Поучительныя слова, говоренныя в разныя времена синодальным членом Филаретом, архиепископом Ярославским». Порядок расположения слов, как и во всех последующих собраниях, не хронологический. Собрание это перепечатано *вторым изданием* в 1821 году, с прибавлением произнесенных в этом году двух новых слов. *Второе собрание* вышло в 1822 году под заглавием: «Слова к московской пастве, в первый год управления ею говоренныя, и житие преподобнаго Сергия, читанное в лавре его на всенощном бдении июля 5 дня». Из прежде напечатанных вошли в это собрание только два слова, прибавленныя к первому собранию во втором его издании. *Третье собрание* под заглавием: «Слова и речи, во время управления московскою паствою говоренныя, и житие преподобнаго Сергия Радонежскаго и всея России чудотворца» – вышло в 1835 году. Кроме новых слов и речей в этом собрании напечатано и все издание 1822 года. В 1844 году издано *четвертое собрание* под заглавием: «Слова и речи синодальнаго члена Филарета, митрополита московскаго, в трех

частях». Это собрание должно быть названо первым относительно полным собранием, потому что в нем сделан выбор почти из всех слов и речей, какие были произнесены и напечатаны в разные времена от начала проповеднической деятельности усопшаго святителя. Распределены эти слова и речи по одиннадцати отделениям, зависимо от праздничных и воскресных дней и тех особенных случаев, по которым были произнесены. – В таком же порядке издано в 1848 году в двух частях и *пятое собрание*, названное вторым изданием дополненным, потому что в нем перепечатано все предшествовавшее собрание с прибавлением нескольких новых слов и речей. Наконец в 1861 году вышло *шестое собрание*, названное собранием вторым и томом третьим по отношению к собранию 1848 года. Такое название соответствует и порядку расположения, и тому еще, что в этом последнем собрании заключаются слова и речи только за время от 1848 года. – В издании всех шести собраний покойный святитель был вообще разборчив и тщателен. Но в издании собраний 1844, 1848 и 1861 годов он был особенно осмотрителен, строг и точен. Многие из слов и речей, как прежде напечатанных, так и вновь написанных и произнесенных, в эти собрания им не внесены; на некоторых переменены названия; назначенные к печати все проверены и почти все исправлены, при чем святитель, не доверяя сам себе, поручал и другим избранным им лицам указывать, по их усмотрению, все нужное к исправлению. В таком строгом пересмотре, без сомнения, руководили проповедником прежде всего зрелость ума и чувства, и опытность. Но, особенно по отношению к выбору, были и другие причины, зависевшие от обстоятельств положения, времени, вообще от личных воззрений проповедника.

В предпринимаемом ныне издании нам советовали ограничиться только перепечатанием *пятого* и *шестого* собраний. «Если в этих собраниях заключается все то, что сам проповедник так или иначе почитал достойным своего имени, то не уважительно к его памяти» – говорили нам – «ставить на ряду с произведениями законченными те слова и речи, которые или напечатаны были только в первых собраниях и отдельных брошюрах, или вовсе нигде не были напечатаны». На это прежде всего мы заметим, что и не признанное за достойное внимания самим проповедником может быть признано за таковое другими, и действительно, как мы знаем, признается весьма многими: в таком случае и одобренное, и не одобренное почившим святителем – все в издании получает свою цену. Между тем мы имеем в виду не одно то, чтобы сохранилась несомненно дорогая память всех трудов проповедника. Цель нашего издания есть и желание послужить составлению биографии усопшаго. А для этой цели, как известно, должно быть издано все, что когда-либо вышло из-под пера писателя и непременно в хронологическом порядке, так чтобы составитель биографии мог определить не только силу и характер таланта, но и то, в какой последовательности и при каких обстоятельствах развивался этот талант. – Но мы уважаем и волю почившаго святителя и, по возможности, желали бы оставить неприкосновенным сделанный им самим для последних собраний выбор слов и речей. Посему мы решились разделить все наше издание на *три отдела*. – *Первый отдел* будет иметь слова и речи, напечатанные в пятом и шестом собраниях и следовательно вполне одобренные самим проповедником; *второй отдел* будет заключать слова и речи, напечатанные прежде пятого и шестого собрания и не вошедшие в эти собрания; наконец в *третьем отделе* будут помещены слова и речи, которые при жизни проповедника никогда и нигде не были напечатаны. Каждому отделу будет дан свой хронологический порядок, и по отношению к произведениям, напечатанным не в одном издании, будут указаны все изменения последующих изданий. *Первый том*, предлагаемый ныне читателям, обнимает собою по всем трем отделам время от 1803 года – начала служебной деятельности почившаго святителя до 1821 – года вступления в управление московскою паствою.

Просим читателей быть снисходительными к нашим трудам, особенно по отношению к тому, что не все, написанное усопшим, войдет в предпринятое издание. По смерти святителя был напечатан хронологический указатель его произведений (Чтения Общ. люб. дух. пр., кн. 6-я, 1869 г.), составленный весьма тщательно и, как нам известно, с особенною любовью к делу. Мы с благодарностию пользовались этим указателем. Но и в нем есть пробелы, в чем признается и почтенный составитель указателя, и что весьма естественно. Без определенных источников трудно вообще делать изыскания, особенно за время более полувека назад; из проповедей же позднейшего времени многия, особенно те, которые почему-либо не назначались к печати, находясь у частных лиц, приобретавших оныя или от самого проповедника, или случайно, могут быть известны и быть напечатанными только по сообщению этих лиц. Предоставляем себе, по мере открытия новых слов и речей за прежнее время, пополнять ими, с непременною отметкою времени произнесения, последующие томы нашего издания.

Взамен биографии почившаго святителя печатаем послужной список его за 1867 год.

ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК
ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЕЙШАГО ФИЛАРЕТА,
МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКОЙ ЕПАРХИИ,
за 1867 год.

Святейшаго Правительствующаго Синода Член Филарет Митрополит Московский и Коломенский, Свято-Троицкия Сергиевы Лавры Архимандрит. Сверх сего, Член Императорскаго Человеколюбиваго Общества, Вице-Президент Московскаго Попечительнаго о тюрьмах Комитета, Действительный Член Конференции Московской Духовной Академии, ординарный Академик Императорской Академии Наук, Почетный Член Общества Истории и Древностей Российских, Императорской Санкт-Петербургской Медикохирургической Академии, Императорских Московскаго и Новороссийскаго Университетов, Императорских Обществ – Археологическаго, Географическаго, Конференции Духовных Академий – Санктпетербургской, Киевской и Казанской. Имеет алмазные знаки ордена Св. Ап. Андрея Первозваннаго, ордена: Св. Владимира 1-й ст. Большаго креста, Св. Александра Невскаго и Св. Анны 1-й ст.; алмазами осыпанную Панагию и осыпанный драгоценными камнями посох, Докторский крест, наперсный, украшенный драгоценными камнями, золотую медаль по крестьянскому делу и знаки Греческаго ордена Спасителя Большаго креста, бронзовые наперсные кресты на Владимирской ленте – первый за 1812 г., второй в память войн 1853–56 г. Получал 1) по штату Моск. Епарх. кафедры жалованья 428 р. 85 к., на содержание 1283 р. 31 к.; и того 1712 р. 16 к.; 2) По званию Архимандрита Свято-Троицкой Сергиевой Лавры жалованья 285 р. 90 коп., на содержание 571 р. 80 коп.; и того 857 р. 70 коп. 3) По званию Присутствующаго Московской Свят. Синода Конторы жалованья 1143 р. 60 коп., а всего

3713 руб. 46 к. серебром. Родился 1782 г., 26 Декабря, Моск. губернии, в г. Коломне, сын соборного диакона Михаила Феодоровича. В мире назывался Василий Дроздов.

Обучался сперва в Коломенской, а потом в Сергиево-Лаврской Семинарии: Географии, Истории, Риторике, Философии и Богословию; языкам: Латинскому, Греческому, Еврейскому и Французскому, и в 1803 г. кончил курс наук с степенью студента.

1803 г., Ноября 21-го, определен учителем Греческого и Еврейского языков в Сергиево-Лаврскую Семинарию.

1806 г., Августа 30-го, переведен в звании же учителя в Пиитический класс и вступил в должность Проповедника при Лавре, по назначению местного Начальства.

1808 г., Января 14-го, утвержден учителем высшего красноречия и Риторике с оставлением в должности Проповедника.

Ноября 16-го пострижен в монашество.

Ноября 21-го посвящен во Иеродиакона.

1809 г., Марта 1-го, по указу Свят. Синода, быв истребован в С.-Петербург, определен от бывшей Комиссии Духовных Училищ Инспектором С.-Петербургской Семинарии, с занятием в оной кафедры Философских наук, в звании Академического Баккалавра.

28-го Марта же посвящен во Иеромонаха.

Августа 9-го определен в должность Ректора в учрежденное при той же Семинарии Александроневское уездное училище, с прохождением прежних должностей в Семинарии.

1810 г., Февраля 8-го, переведен Баккалавром Богословских наук в С.-Петербургскую Дух. Академию, где сначала преподавал догматическое Богословие и церк. Историю, а потом с 21 Июля того же года преподавал Историю и древности церковныя.

1811 г., Июня 30-го, Всемиловнейше пожалован, за отличие в проповедывании Слова Божия, наперсным крестом с драгоценными камнями.

Июля 8-го возведен в сан Архимандрита.

В Июле, по назначению Комиссии Дух. училищ, производил обозрение находящимся в С.-Петербурге уездным и приходским училищам.

В начале 1812 г. от Комиссии же Дух. училищ имел поручение образовать для окончивших курс учеников С.-Петербургской Семинарии класс чтения Св. Писания и Св. Отцев и руководства к прохождению священнослужительских должностей.

Марта 11-го определен Ректором С.-Петербургской Академии и Профессором Богословских наук.

Марта 27-го определен Настоятелем Новгородского Юрьева первоклассного монастыря.

С того же времени, по званию Ректора, присутствовал в С.-Петербургской Дух. Консистории.

1813 г., Июня 29-го, за неусыпные труды, по званию Ректора и Профессора Богослов. наук, в С.-Петербургской Дух. Академии, деятельность в образовании достойных служителей олтаря Господня, назидательныя и красноречивыя поучения о истинах веры Всемиловитейше сопричислен к орд. Св. Равноап. Князя Владимира 2-й ст.

В Июле, с утверждения Коммиссии Дух. учил. производил обозрение С.-Петербургской Семинарии по учебной части.

1814 г., Августа 13-го, от Коммиссии Дух. учил. наименован Доктором правосл. Богословия.

27-го удостоен Высочайшаго рескрипта, с изъявлением Монаршаго внимания за успешное окончание первого Академического курса, отличные труды и способность к образованию юношества.

И по сим же обстоятельствам, вследствие представления „Коммиссии Дух. учил., награжден пожизненным пансионом по 1500 р. в год.

30-го, по Именному Высочайшему указу, назначен Членом Комм. Дух. училищ, быв еще и прежде призыван в ея заседания по делам, пред открытием округа Московскаго и пред преобразованием Семинарий округа С.-Петербургскаго.

1815 г., в Июне и Июле, по поручению Комм. Дух. училищ, обозрел Моск. Академию и семь Семинарий: Новгородскую, Тверскую, Владимирскую, Ярославскую, Костромскую, Спасо-Вифанскую и Московскую, а также и находящияся при них и на пути между ними некоторыя уездныя и приходския училища.

1816 г., в Марте, по указу Свят. Синода, определен Настоятелем Моск. Ставропигиальнаго Новоспасскаго монастыря, с оставлением при Академии.

Апреля 8-го Высочайшим рескриптом, за успешное обозрение С.-Петербургскаго и Московскаго округов и за ревностное служение по части образования духовнаго юношества, изъявлена ему совершенная признательность, и в ознаменование Монаршаго благоволения Всемиловитейше пожалован Панагиею.

Июня 2-го Высочайше назначен был членом Комитета о решении того, каким образом должны производиться в Финляндских судебных местах дела о людях духовнаго звания Грекороссийскаго исповедания.

Июля 16-го Высочайше утвержден членом Совета Императорскаго Человеколюбиваго Общества.

1817 г., Марта 3-го, назначен членом Высочайше учрежденнаго Строительнаго Комитета при С.-Петербургской Дух. Академии.

Апреля 7-го членом Главнаго Правления училищ.

В Июле произвел обозрение С.-Петербургской Семинарии по всем ея частям.

Июля 23-го, вследствие представления Амвросия Митрополита Новгородскаго, Именным Высочайшим указом, данным Свят. Синоду, Всемиловитейше повелено быть ему

Викарием С.-Петербургской Епархии с саном Епископа Ревельского и с оставлением за ним должности Ректора Академии и управления Новоспасским монастырем.

..Августа 5-го хиротонисан в Епископа в С.-Петербурге, в Троицком соборе Александроневской Лавры.

1818 г., Августа 26-го, за новые труды, по возложению Коммиссии Дух. учил., подъятые в 1818 г., при производстве испытания студентов Моск. Дух. Академии и вообще при обозрении Академии и Семинарий: Московской, Вифанской, Тверской и Новгородской, а также некоторых уездных и приходских училищ, и за заслуги Церкви и Отечеству, Всемилостивейше сопричислен к орд. Св. Анны первого класса.

1819 г., Августа 15-го, Именным Высочайшим указом, данным Святейшему Синоду, повелено быть ему Архиепископом Тверской епархии и вместе членом Свят. Синода.

Июля 20-го объявлена Высочайшая благодарность, за составление проекта поощрительного учреждения при С.-Петербургской Дух. Академии.

1820 г., Сентября 26-го, Именным Высочайшим указом, данным Св. Синоду, повелено быть ему Архиепископом Ярославской епархии.

1821 г., Июля 3-го, Именным Высочайшим указом, данным Свят. Синоду, повелено быть Архиепископом Московской епархии и Свято-Троицкия Сергиевы Лавры Архимандритом, с присутствованием в Моск. Синод. Конторе.

1822 г., Октября 28-го, согласно прошению, Высочайшим рескриптом уволен от звания члена Главного Правления училищ.

1823 г., Июня 2-го, Высочайшим рескриптом, за деятельное служение Церкви и духовному просвещению, как в прохождении пастырского поприща в разных епархиях, так равно по званию члена Свят. Синода и Коммиссии Дух. учил., за назидательные труды в поучение Пастве и начертание по духу православной восточной Церкви и в разуме евангельской истины Катихизиса, одобренного Свят. Синодом, сопричислен к орд. Св. Александра Невского.

1825 г., Декабря 25-го, по случаю восшествия в Бозе почившаго Государя Императора Николая Павловича на прародительский престол, вследствие представления Его Величеству описа..ния открытия хранившегося в Успенском соборе акта в Бозе почившаго Государя Императора Александра Павловича, Всемилостивейше пожалован бриллиантовым крестом, для ношения на клобуке.

1826 г., Августа 22-го, за заслуги, оказанные Церкви, и отличное служение возведен в сан Митрополита.

При сем Всемилостивейше пожалован белым клобуком с крестом из драгоценных камней.

1828 г., Января 7-го, по напечатании в Синод. типографии, по Высочайшему соизволению, составленных им: краткой Священной Истории, также краткого и пространного Катихизисов, с прибавлением наставлений для воинов, и поднесенных Его Величеству, объявлена Высочайшая благодарность.

1831 г., Апреля 19-го, за ревностное и многодеятельное служение в Архипастырском сане, достойно носимом, и притом многие похвальные подвиги и труды на пользу Церкви и Государства, постоянно оказываемые, Всемиловитейше сопричислен к ордену Св. Ап. Андрея Первозванного.

1832 г., Декабря 9-го, в благодарность за труд в сочинении книги – Сказание о обретении честных мощей, иже во святых отца нашего Митрофана, первого Епископа Воронежского, и о благодатных при том знамениях и чудесных исцелениях, извлеченное из актов и донесений, имеющихсЯ в Свят. Синоде, по указу Свят. Синода, выдано ему безденежно сей книги 100 экземпляров.

1834 г., Апреля 30-го, объявлена благодарность Свят. Синода за пожертвование митры (древняго устройства) из ризницы кафедральнаго Чудова монастыря в пользу Екатеринбургской архиерейской ризницы.

1839 г., Марта 26-го, за долговременное служение Церкви и Отечеству, ознаменованное разнообразными и многотрудными занятиями ко благу Церкви и за неутомимое трудолюбие по разным частям высшаго духовнаго управления, Всемиловитейше сопричислен к орд. Св. Равноапостольнаго князя Владимира первой степени Большаго креста.

1842 г., Сентября 21-го, объявлена признательность Св. Синода „за пожертвование от кафедральнаго Чудова монастыря Преосв. Иосифу Архиепископу Литовскому саккоса и омофора золотой парчи и других драгоценных ризничных вещей.

1849 г., Апреля 3-го, за неусыпныя попечения о вверенной Епархии, при многолетней опытности и назидательном проповедании слова истины, которыя являют просвещенно-ревностнаго Пастыря стада Христова, и уважая сии отличныя достоинства и неутомимо совершаемыя в пользу православной Церкви и Отечества подвиги, Всемиловитейше пожалован алмазными знаками орд. Св. Андрея Первозваннаго.

1851 г., Августа 22-го, за долговременное служение Церкви и Отечеству, при отличных дарованиях, украшаемое непрерывными подвигами благочестивой ревности об утверждении в сердцах Св. православной веры, и по случаю исполнившагося тридцатилетия Архипастырской деятельности и двадцатипятилетия в сане Митрополита, Всемиловитейше пожалован осыпанною алмазами Панагиею.

По случаю принесения Московским духовенством в соборный храм Успения Пресвятыя Богородицы златой дарохранительницы, в воспоминание протекшаго 25-ти-летия со времени венчания и священнаго помазания Императора Николая I-го на прародительский престол, объявлена искренняя Высочайшая признательность за высокое Архипастырское служение православной Церкви и Отечеству.

1854 г., Января 10-го, за верноподданическое приношение от Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, от кафедральнаго Чудова монастыря и приписнаго к нему Николо-перервинскаго монастыря 50.000 рублей серебром, для употреблення на настоящия потребности православных воинов и войны, объявлена Высочайшая благодарность.

Ноября 6-го, за труды понесенные в деле обращения Рогожских раскольников к св. Церкви и истинно-пастырскую распорядительность в сем деле, объявлена признательность и благодарность Свят. Синода.

1855 г., Марта 18-го, за пожертвование на военные надобности от обителей Московской Епархии и от церквей Москвы ..110.600 руб. серебром, Высочайшим рескриптом изъявлено совершенное благоволение Его Императорского Величества.

В 1856 году, по Высочайшему повелению, 26-го Августа, совершал священное коронование Его Императорского Величества.

За неустомимо-продолжаемое в просвещенной ревности по вере православной с пламенным усердием к Церкви, Престолу и Отечеству, с опытным знанием церковных дел и духовных нужд паствы, многолетнее Архипастырское служение, украшенное его отличными дарованиями, Всемиловитейше пожалован осыпанный драгоценными камнями посох.

1857 г., Мая 31-го, за особенное постоянное попечение о благоустройстве Моск. Дух. Академии объявлена признательность Свят. Синода.

1860 г., Декабря 30-го, Высочайшим рескриптом, за труды в деле сбора в пользу сельских церквей Могилевской Епархии, священной утвари и риз объявлена ему Высочайшая признательность.

1861 г., Мая 21-го, Всемиловитейше пожалована ему золотая медаль, установленная за труды по крестьянскому делу.

Июня 6-го Всемиловитейше пожалован наперсным крестом, украшенным драгоценными камнями.

Сентября 7-го Его Величеством Королем Греции, при грамоте от 28-го Июня 1861 г., пожалован знаками ордена Спасителя Большаго креста.

1862 г., Октября 31-го, за пожертвование, в количестве 10.110 р. сер. от духовенства Московской Епархии в пользу пострадавших от пожара жителей С.-Петербурга, объявлена ему благодарность от Высочайшаго имени Государыни Императрицы.

1864 г., Апреля 23-го, объявлена признательность Свят. Синода за труды по изменению изображений и надписи на свящ. антиминсах.

Июля 21-го объявлена благодарность Его Императорского Величества за пожертвование на исправление здания Заиконоспасских дух. училищ и на содержание воспитанников Моск. дух. Академии.

..Октября 23-го объявлена признательность Свят. Синода за заботливость и старание к увеличению свечнаго дохода.

Октября 29-го объявлена признательность Свят. Синода за попечительность о погоревших в г. Симбирске церквах и жителях.

1865 г., Февраля 10-го, объявлена признательность Свят. Синода за пожертвование 7.000 руб. сереб. в день пятидесятилетия Моск. Семинарии.

Ноября 4-го объявлена Высочайшая благодарность за увеличение на счет неокладных сумм Моск. кафедры содержания наставникам, эконому и доктору Моск. дух. Академии.

1866 г., Февраля 21-го, объявлена признательность Свят. Синода за пожертвование из сумм Московской кафедры: 1) на исправление ветхостей в зданиях Дмитр. дух. училища – 1639 руб. 55 к., 2) на пошитие теплой одежды казеннокоштным ученикам Звиногород. дух. училища – 538 р. и 3) на приобретение физического кабинета для Вифанской Семинарии – 700 руб.

Сентября 3-го объявлена Высочайшая благодарность за пожертвование 7.000 руб., в пользу наставников Вифанской Семинарии.

1867 г., Января 19-го, изъявлена Высочайшая благодарность за пожертвование Моск. духовенством 8.500 руб. в пользу пострадавших семейств Кандиотов.

Июня 21-го советом Императорского Новороссийского Университета единогласно признан Почетным Членом сего Университета, на что при отношении ректора Университета от 21-го Июня 1867 года за № 523 прислан диплом.

Августа 5-го Высочайшим рескриптом, в день исполнившегося пятидесятилетия служения в Епископском сане, за непрерывныя заботы о духовном преуспевании паств, о развитии и приумножении благотворительных и воспитательных учреждений, о насаждении и утверждении единоверия, о благоустройстве Духовно-учебных заведений епархии, за щедрую поддержку оных, многочисленныя пастырския писания, глубокую опытность в делах высшего церковнаго управления, пастырскую попечительность о высших интересах православия и живое внимание к судьбам православнаго мира, простирающееся далеко за пределы отечества, – предоставлено право, по Киевскому обычаю, предношения креста в священнослужении, ношения креста на митре и двух панагий на персях.

При сем Всемиловитейше пожалована украшенная драгоценными камнями Панагия на бриллиантовой цепочке, с изображением на оборотной стороне вензелей Его Величества и двоих Державных предшественников Его, при которых проходил свое служение, и с надписью вокруг нея: «Преосвященному Митрополиту Филарету, в память пятидесятилетняго служения Церкви и Отечеству, 5-го Августа 1817 г. – 5 Августа 1867 г., в царствование Александра I, Николая I и Александра II».

Вместе с сим, в вознаграждение заслуг собственно-государственных и незабвеннаго служения при трех Императорах, Его Величество Всемиловитейше пожаловал настольные портреты Его Величества и двух Его предшественников, соединенные вместе, осыпанные бриллиантами и украшенные большою Императорскою короною.

Скончался 1867-го года, 19-го Ноября, на 85-м году; погребен в Троице-Сергиевой Лавре, в приделе Свято-Духовской церкви, устроенном во имя Святаго Филарета Милостиваго в память пятидесятилетняго служения в сане Епископа.

ОТДЕЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

СЛОВА И РЕЧИ,

ИЗБРАННЫЯ САМИМ ПРОПОВЕДНИКОМ ДЛЯ ИЗДАНИЙ

1844, 1848, 1861 годов.

(Печатаются с изданий 1848 и 1861 годов).

1811 год.

I.

1. СЛОВО

в день пятидесятницы.

(Говорено иеромонахом Филаретом в Александроневской лавре;

напечатано отдельно и в собраниях 1820, 1821, 1844 и 1848 гг.)

<1811 год>

Исполнишася вси Духа Свята. Деян. II. 4.

После того, «как погрузившийся в твари», не могши сносить несозданного света, человек *скрылся* (Быт. III. 8) от Бога, и Бог скрылся от человека, дабы не истребить преступника святым Своим присутствием, «Единый» Триипостасный, «по неизреченной благодати, вновь приблизился к отчужденному», в постепенных откровениях, да *Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любви Бога и Отца и общение Святаго Духа* (2 Кор. XIII. 13) возставит и паки превознесет падшаго. Явился Отец в обетованиях любви и милосердия и уstraшенного всемогущим правосудием грешника провождал к ходатайству Сына: явился Сын под покровом человечества, и, в Себе Самом победив грех, и умертвив смерть, отверз Благодати Святаго Духа дверь к сынам гнева: явился наконец Дух Святый в знамении огненных языков и проникнул в Апостолах естество человеческое, дабы усвоить ему благоволение Отца и заслуги Сына и соделать, *да будем причастницы божественного естества* (2 Петр. I. 4).

«В тот самый день, в который дан некогда на Синае закон *духа работы в боязнь смерти*; в тот самый день исшел ныне» от Сиона закон *Духа жизни, свободы, сыноположения* (Рим. VIII. 15. 2): да разумеет, что *не постигнутое* плотским Израилем *оправдание закона исполняется* в чадах веры, *ходящих по духу* (Рим. IX. 31. VIII. 4), и общество спасаемых предъизмеренным шествием приближается к совершению.

Итак, мы должны взирать на сошествие Святаго Духа не токмо как на чудо, прославившее Апостольскую церковь, но и как на событие, существенно сопряженное с делом нашего спасения. Настоящее торжество не есть простое воспоминание прошедшего, но продолжение Апостольского приготовления к приятию онаго *Духа, непрестанно дышащаго, идеже хочет*. Апостолы, как повествует книга их деяний, после постоянных и единодушных молитв, *исполнишася Духа Свята*; и не только Апостолы, но, по изъяснению святаго Златоуста, и пребывавшие с ними ученики, *имен народа вкупе яко сто и двадцать* (Деян. I. 16), *исполнишася вси*. И нас ныне церковь, как и в Иерусалимской *горнице* (Деян. I. 13), во храме сем совокупляет, дабы призвать Утешителя Духа истины, да приидет и вселится в нас.

Чтобы столь важное прошение не сретилось с древним упреком: *не веста, чего просита*, – вникнем, слушатели, предварительно, что такое *исполниться Духа Свята* и колико дар сей необходим для всех и каждого.

Не осмелимся говорить здесь о Духе Святом, как о третьем лице покланяемая Троицы, исходящем от Отца и почивающем в Сыне; сам только *Божий Дух испытует глубины Божия* (1 Кор. II. 10. 11). Дух, *посылаемый Сыном от Отца* (Иоан. XV. 26) в спасительных дарах, Дух, исполняющий человека, человек, исполненный Духа: – вот предметы, которые постигает человек, но и то человек, Духом же обитаемый; мы, едва ли *начаток духа имущие* (Рим. VIII. 23), только издалека, чрез зеркало слова Божия, приникать можем в явления сего великаго таинства.

Что такое Дух Святой в первоначальных дарах Своих, сие изъясняет Сам Он Своими *огненными языками*. Он есть невестественный *огнь*, который действует двумя силами: светом и теплотою, – светом веры, теплотою любви. Сей небесный свет, по выражению «Соломона», *предходит и просвещает, дондеже исправится день* (Прит. IV. 18). «Разгоняет мглу неведения и сомнений; открывает обман призраков», которые погрязший в чувственности разум принимает не редко за истины; дает человеку видеть себя самого в наготе растленной природы, познать мир в отношении к душе и ощутить присутствие Бога, яко источника света; сообщает *уповаемых извещение, вещей обличение невидимых* (Евр. XI. 1). По той мере, как свет от Солнца правды умножается в уме, согревается и воспламеняется сердце. Любовь Божественная изгоняет из него самолюбие, попадает в нем терние плотских пожеланий, очищает; упраздняет его и взаимно привлекает в душу новый свет. Слияние сих источных даров Духовных образует *огненный язык, изрекающий закон Бога Слова в сердце* (Псал. XXXVI. 31) человека, *воображающий в нем Христа* (Гал. IV. 19), совершающий «возрождение» в жизнь духовную.

Способ, каковым человек исполняется благодатных даров, есть единое нераздельное действие Св. Духа, которое, однако, в человеке начинается и прекращается, уменьшается и возрастает, длится и ускоряется, приемлет различныя направления и виды; всегда соответствует готовности приемлющаго, но никогда не зависит от его произвола; сопровождается ощутительными следствиями, но убегает от разсудка, желающаго взойти к его началу. Простираясь из внутренняго во внешнее, оно уподобляется влаге, сходящей на руно Гедеоново (Суд. VI. 38), которая из воздуха открывается в каплях воды и наполняет окрин, – или ветру, примечаемому в тех движениях, которыя он производит, но не в тех, которыя его составляют. *Дух, идеже хочет, дышет, и глас его слышиши, но не веси, откуда приходит и камо идет, тако есть всяк человек, рожденный от Духа* (Иоан. III. 8). Какія же суть примечательнейшия перемены, которыя могут означить путь Духа Божия в душе человеческой? Бывают минуты, в которыя и преданный миру и плоти человек пробуждается от очарования, в каковом они держат его; видит ясно, что прошедшая жизнь его есть цепь заблуждений, слабостей, преступлений, измен Богу, что дела его естественно суть семя будущих казней, и что самыя добродетели его не постоят пред взором вечнаго Судии; осуждает сам себя, трепещет всем существом своим и, будучи отчаян в самом себе, чрез сие отчаяние влечется к упованию на Бога: «сие расположение» к покаянию что есть иное, как не тот *Дух велик и крепок, разоряя горы и сокрушая камене* (то-есть низлагающий гордость и умягчающий жестокосердие), который посылает пред собою *мимоходящий Господь* (3 Цар. XIX. 11)? Что, как не то *дыхание бурно*, которое предвещает сошествие Святаго Духа (Деян. II. 2)? Что, как не тот *страх Твой, Господи*, среди коего мы *во чреве приемлем Дух спасения Твоего* (Исаии. XXVI. 18)? Блажен, кто «с покорностию дает влещи и себя» сему стремлению Духа Божия! Оно поведет его *тесным путем* (Мат. VII. 14) самоотвержения; заставит его самого исторгать то, что прежде посеял, и разрушать то, что созидал; научит его страдать

и радоваться во страданиях (Кол. I. 24); *распять плоть со страстями и похотями* (Гал. V. 24), дабы совершенно предать дух в руке Божии. Мало-по-малу бурное дыхание превратится в те кроткия, *неизглаголаннья въздыхания*, коими Сам Дух о нас *ходатайствует* (Рим. VIII. 26), – в тот живой глас, коим *вопиет Он в сердцах наших: Авва Отче* (Гал. IV. 6); и тогда человек исполняет Христову заповедь о *непрестанной молитве* (Лук. XVIII. 1), «что, при одних собственных силах, было бы для него невозможно и по его склонности к рассеянию, и по неведению предметов и образа истинной молитвы: *о чесом бо помолимся*», *якоже подобает, не вемы*. С упражнением в непрестанной молитве неразлучно соединяется Духовное уединение, в котором христианин, *вошед в клеть свою и затворив двери* (Матф. VI. 6), пребывает, подобно как Апостолы, в *ожидании обетования Отча* (Деян. I. 4). Он не вдается в развлечение, в коем миролюбцы, связанные суетными благоприличиями, преследуя утехы, преследуемы заботами, редко возвращаются к себе: но *пленяет разум в послушание Христово* (2 Кор. X. 5) и все свои желания или воскриляет горе, где *живот его сокровен есть со Христом в Бозе* (Кол. III. 3), или упокоивает *внутри* себя, где Благодать, наконец, должна открыть *царствие Божие* (Лук. XVII. 21). Исполняет обязанности своего состояния, не привязываясь к соединенным с ними выгодам; пользуется наружными благами, но «не прилепляется к ним»; приобретает так, как бы не имел нужды; теряет так, как бы отдавал излишнее. Если человек твердо решится, по возможности, удерживать себя в сем состоянии самоотчуждения, то скоро его *пустыня жаждущая процветет, яко крин* (Исаии. XXXV. 1), *зерно горуино, вверженное в вертоград души его, возрастет в древо велие* (Лук. XIII. 19); *сквозь тлеющий покров ветхаго человека, отчасу более совлекаемый, будет просиявать новый человек, созданный по Богу в правде и преподобии истины* (Кол. III. 9. Еф. IV. 24); и дух святыни дышать будет во всех его способностях и действиях.

Так исполненный Духа Свята человек не потемненному предразсудками оку представляет такой образ совершенства, пред которым, как тень, исчезает все, что мир называет прекрасным и высоким. Его, слушатели, оценил Апостол, когда о некоторых подвижниках веры сказал, что их *не бе достоин весь мир* (Евр. XI. 38). Благодать превращает в безценное сокровище все, к чему ни коснется в человеке, ей преданном. В его уме сияет дух премудрости, – не той, которою сыны века сего преимуществуют, по словам Спасителя, *в роде своем* (Лук. XVI. 8), то-есть которая научает их быть изобретательными в способах и ловкими в случаях к снисканию временных выгод и умножать свое достоинство не столько в себе, сколько во мнении других, – но премудрости, *духовно востязующей вся* (1 Кор. II. 15), дабы все обратить в средства к единому вечному благу души. Его волю движет дух свободы: ибо *закон Духа жизни о Христе Иисусе его свободил от закона греховнаго и смерти*, который дает своим рабам столько тяжких владык, сколько есть нужд и прихотей, страстей и привычек. Во глубине сердца его почивает дух утешения и *мира, всяк ум превосходящаго* (Фил. IV. 7), который *Иисус Христос* дает ученикам своим, *не якоже мир дает* (Иоан. XIV. 27): ибо мир мира есть краткая дремота под шумом опасной бури, – безопасность, основанная на неведении, так что радостныя восклицания: *мир и утверждение!* иногда прерывает *внезапу нападающее всегубительство* (1 Сол. V. 3); напротив того, «мир, даруемый Христом», утверждается на непоколебимой уверенности в примирении с Богом, «так что христианин в самых искушениях, скорбях и опасностях *не стужает си*, но и *в смерть предается мирно*, в уверении», что *еже ныне легкое печали по преумножению в преспеяние тяготу вечныя славы соделывает* (2 Кор. IV. 8–17). В нем обитает дух величия, которое не есть ни слепая отважность, ни гордость, покрытая пышностью, ни блеск естественных добродетелей, нечистых в своем источнике, но истинная возвышенность мыслей, занятых Богом, обширность видов, ограничивающихся одною вечностию, благородство чувствований, рожденных и воспитанных словом Божиим, – дух смирения, которое среди богатства

благости Божией усматривает в себе одну бедность и недостойность, дабы тем более *величить Господа*; между тем как «не возрожденные» Духом Божиим в самых недостатках своих стараются находить нечто великое, самым унижением просят себе почтения, «пресмыкаются, чтобы подавлять других», – дух силы, с которым христианин не есть более оный человек «безсильный», пленник собственных чувств, со всех сторон открытый нападению врага, побежденный прежде сражения и, дабы усмирить одну страсть, покаяющийся другой; но добрый воин, *облеченный во вся оружия Божия* (Еф. VI. 11)», *могущий вся о укрепляющем его Иисусе Христе* (Фил. IV. 13), *силою восхищающий царствие Божие* (Матф. XI. 12). Что сказать о тех чрезвычайных дарованиях, о тех явлениях Духа, которые избранным Божиим даются на пользу (1 Кор. XII. 4. 7) других, в созидание всея церкви?

О, несравненное счастье быть сосудом, жилищем, орудием Духа Божия! О, блаженство на земли небесное! О, таинство, в котором сокрывается все, чего ищет дух человеческий, и о чем *вся тварь совоздыхает и сболезнует* (Рим. VIII. 22)! Но, *Господи! кто верова слуху нашему, и мышца Господня кому открыся* (Исаии. LIII. 1)? *Плоть и кровь не являют* (Матф. XVI. 17) сего таинства: мир думает, что и на небесах дышат духом мира, и, столь многократно слыша глаголющих языком Духа Твоего, доселе, так же, как прежде, ругается: *вином исполнени суть*.

Так. Есть и между христианами люди, которым дары Святого Духа кажутся столь странными, что если не смеют совсем отвергнуть их, по крайней мере относят к другим лицам и временам; а сами, не помышляя о возрождении, довольствуются или праздною надеждою на заслуги Ходатая, или даже собственною честностию.

Не будем обманываться привлекательным видом, который имеет обыкновенная мирская честность. Не быть врагом веры, не делать вопиющих несправедливостей, оказывать иногда благодеяния, убегать вредных излишеств, – кратко, исполнять только необходимыя и наружныя обязанности человека и члена общества – значит только *повапливать свой гроб* (Матф. XXIII. 27), который между тем остается *внутри–уду полн костей мертвых*; значит срывать *листвие древа животнаго*, данное во исцеление языком, но не вкушать *плодов* (Апок. XXII. 2) его, долженствующих питать христианина; значит иметь *правду книжников и фарисеев*, которая не вводит в *царствие небесное* (Матф. V. 20). А проникнуть в изгибы своего сердца, отколе *исходят помышления злая* (Матф. XV. 19), и там водворить чистоту и святость, а *соблюсти весь закон*, и не согрешить ни *во едином*, дабы *всем не быть повинну* (Иак. II. 10), – какой своему токмо разуму и силам оставленный человек похвалится, что исполнит сие? Един *Бог зиждет в человеке сердце чисто, и дух прав обновляет во утробе его* (Псал. L. 12). Должно *родиться свыше*, чтобы *видеть царствие Божие* (Иоан. III. 3).

С другой стороны, когда *неистленное семя* (1 Петр. I. 23) сего высшего рождения низведено на землю смертию Богочеловека, мы не можем и остальное предоставить, безконечной впрочем, силе заслуг Его. Как? Разве Бог предал Сына Своего в жертву не только своему Правосудию, но и нашей неблагодарности? Разве мы для того познали действительность крестной жертвы, чтобы тем с большею беспечною оставаться в бездействии? Так мыслить не есть возвышать цену заслуг Христовых, но паче «унижать их» и почивать на них с такою же пагубною безопасностью, как некогда Иудеи *почивали на законе*. «Если мы во Христа крестились, то, согласно сему исповеданию, да явим в себе плоды крещения не только водою, но и духом; ибо Христос *крестит Духом Святым и огнем*» (Матф. III. 11).

Наконец, когда Божественный дар Духа кажется нам редким явлением: не заключим из сего, что он не для всех. Он для всех, как скоро все для него. Если не примечают более следов Его: то или имеют очи – и не видят; или в самом деле вопрос: *егда придет Сын человеческий, обрящет ли веру на земли* (Лук. XVIII. 8), – приближается к разрешению, и самый мир находится при последнем издыхании. Вселенная знает, что случилось с нею тогда, когда рек раздраженный Бог: *не имать Дух мой пребывать в человецех сих во век, зане суть плоть* (Быт. VI. 3). Тогда не только беззаконный род человеческий, но и тварь, *повинувшаяся суете неволею*, потребились мстительными волнами. Еще подобное прещение – и наступит огненный потоп суда последнего!

Но доколе Бог сохраняет бытие наше, христиане, и благоденствие Церкви Своей, дотоле мы не можем сомневаться, что Дух Божий в ней *пребывает*. Также, как при создании мира, Он *ношашеся верху воды*, носится Он и ныне, при продолжающемся возсоздании человека, над бездною разстроенного естества нашего и животворящим осенением оплодотворяет его к благодатному «возрождению». Предадим себя Его всесильному действию; преведем к нему наши мысли и желания от смешения плоти и мира; воззовем из глубины отпадения нашего, да снидет на нас и Своею благодатию, ходатайством Икупителя нам приобретенною, очистит, просветит, обновит, освятит и спасет, Благий, души наша. Аминь.

II.

2. СЛОВО

в неделю четвертую по пятидесятнице.

(Говорено в Александроневской лавре;

напечатано отдельно и в собр. 1820, 1821, 1844 и 1848 гг.).

<1811 год>

*Оброцы греха, смерть: дарование же
Божие, живот вечный,
о Христе Иисусе Господе нашем. Рим. VI.
23.*

Некогда имя *греха* было для христиан так ужасно, как проклятия и казни. Апостол Иаков, желая одним ударом сокрушить гордость хвалящагося ведением истины, но живущаго по плоти человека, сказал только, что ему грех! *Ведущему добро творити, и не творящему, грех ему есть* (Иак. IV. 17). Ныне многие содрагаются при имени безчестия, урона, смерти: мысль о грехе, подобно привидению, не тревожит более просвещенного века. Так ли совершается в нас предсказанное пророками о царстве Мессии: *яко да обетшает согрешение* (Дан. IX. 24)? Ах! Согрешение обетшавает в нас не так, как старая одежда, которую повергают к ногам, когда облакаются в новую; но так, как застарелая болезнь, в которой чувствование боли притупляется временем, и которую «мало наконец отличают от здравия».

Столь опасная привычка подкрепляется столь же бедственною недальновидностью, с каковою мы смотрим только на прелестную личину, под коею грех нам является; но не проникаем в истинное свойство его, и не соединяем с ним его последствий. Что такое наши недостатки, бедствия, смерть? – «Говорят»: несовершенства природы, действия

случаев, удары судьбы! – Так-то самолюбие удобнее позволяет нам хулить Бога, нежели находить источник зла в себе самих.

Правда Божия, слушатели, не имеет нужды в нашем оправдании. Но неправда наша должна быть обнажаема для нашего же от Бога оправдания. На сей конец, сообразно настоящему чтению из Апостола, откроем по возможности необходимый союз греха со смертью, *оброцы греха смерть*, и пагубному обольщению греховного состояния противоположим преимущества состояния благодатного: *дарование Божие, живот вечный, о Христе Иисусе Господе нашем*.

Бог, как говорит Премудрый, *смерти не сотвори* (Прем. I. 13). От источника жизни могло ли что проистечь, кроме жизни? Дав бытие ничтожеству, Он дал бытию закон, по которому бы оно действовало ко благу: действие по сему закону есть *жизнь*. Благороднейшая твари получили свободу, которая есть способность исполнять закон, по сознанию его совершенства, из любви к Законодателю, и которая посему не исключает возможности отступить от онаго; а такое произвольное отступление от закона есть *грех*. Но поелику тварь, выходя из пределов, премудростию и благостию Творца ей поставленных, не может взойти к высшему совершенству, котораго, будучи сама в себе ничтожество, не только дать, но ниже возратить себе не может; то ея уклонение от закона по необходимости есть падение в низший круг действования, разстройство, разрушение, *смерть*. Вот путь, по которому *едином человеком грех в мир вниде, и грехом смерть*. Он входит, как тать, и потом неистовствует, как разбойник: обнажает, поработывает, убивает. Человек, по троякому отношению своего действия к самому себе, ближнему и Богу, может наслаждаться троякою жизнью: естественною, как существо видимого мира, гражданскою, как член общества, и духовною, как умаленный малым чим от ангел: преобладающий грех и на жизнь естественную, и на целые общества, и на бессмертный дух человеческий налагает дань смерти. *Оброцы греха, смерть*.

В первобытной невинности человек был бессмертен по телу, равно как и по душе. Покоренная ему твари подвержены были естественным изменениям, – однако так, что ни владыка их, ни оне сами от того не страдали. Едва грех овладел сим владыкою, как и в его владениях, и в нем самом, по непостижимому действию правосудия Божия, возстал мятеж: и скоро бы, может быть, *опустошило всю землю единое беззаконие*, «если бы» милосердый Бог не положил между им и его пагубными последствиями некотораго разстояния, дабы оставить место покаянию и благодати. Между тем дивный Промысл заповедал смерти в различных видах преследовать и поражать грех в такой соразмерности с его шествием и силою, чтоб его же порождение было препятствием его могуществу, и чтобы ослепленный впрочем грешник без труда узнавал в нем своего врага и убийцу. Дабы показать вам действие сего Божия суда, я не укажу на первый мир, вдруг погребенный в волнах за умножение неправды; или на древние грады, которые воплем своего разврата низвели на себя небесный огонь; или на гробы похотения, которые в бесплодной пустыне создала себе роскошь Евреев и проч. Кто имеет очи: тот, не обходя веков и стран, всегда и везде видит меч Божий на преступление, сокрытый в самой природе и в обыкновенном течении дел человеческих. Не видите ли вы, как смерть, по выражению Пророка, *восходит сквозе окна ваша* (Иер. IX. 21), – проникает во все чувства и силы, поколику открываем их для греха? Как чаша земных удовольствий изливает если не всегда скоропостижный, то, без сомнения, медленный яд в уста неумеренности; корысть не столько наполняет сокровищницы златом, сколько душу мучением; обида вызывает против себя если не правосудие, то другую обиду; коварство упадает в яму, которую изрыло ближнему, и *мужие кровей и льсти не преполовляют дней своих* (Псал. LIV. 24)? Как самое тонкое злоупотребление способностей естественных изощряет на себя столь же тонкое оружие: гордость убивает разсудок; мудрость, *неискусившая имети Бога*

в разуме, предается в неискусен ум творити неподобная (Рим. I. 28); и в самый корень греха – самолюбие – от времени до времени ударяет гром злополучия? И когда Бог, *не хотящий смерти грешника*, говорит о Себе, что Он *наводит грехи отцев на чада и на чада чад, до третьего и четвертаго рода* (Исх. XXXIV. 7): не то ли сие значит, что самый грех, неограниченно возобладавший человеком, внедряется в существо его, распространяет власть свою вместе с жизнью, которую он дает другим, и если не свергнут сего наследственного ига, собирает свои *оброки* с сынов, внуков и правнуков?

Но ежели сим или другим образом греховная болезнь одного может сделаться заразою многих, то удивительно ли, что и последующая за нею смерть также постигать может племена и народы, как и человеков? Жизнь общественная получила начало тогда, как Бог рек первой человеческой чете: *наполните землю, и господствуйте ей*: здесь нет ни разделения, ни разрушения. От чего же смертны, а иногда и чрезмерно кратко-жизненны сии тела гражданственные, если не от того же, как и естественныя? Оскудение любви к отечеству и взаимной искренности между членами общества сопровождается слабостию и беспорядком в его действиях; роскошь, поглощая его истинное довольство, измучивает его вымышленными нуждами; стремление к преобладанию и неправосудие возбуждают против него внешних и домашних неприятелей; в вере и благочестии оно хранит или теряет основание своих законов, побуждение деятельности, страх злодейства, награду подвигов, залог безопасности, – словом, жизнь и душу. Если ты, правоверное Отечество, не стареясь, переживаешь твоих соседей и врагов, то благослови правду и веру, которые Господь Саваоф оставил тебе, как семя долгоживотное! Без них никакой народ не может ожидать себе лучшей участи, нежели возлюбленный, но неверный Богу Израиль. *Вскую умираете доме Израилев?* вопиет к нему Иезекииль (XVIII. 31). Вотще, совратясь от пути правды, мечтаешь ты, что *не управится путь Господень*; напрасно думаешь ускользнуть от Его правосудия, – ты сам себя умерщвляешь твоим нечестием. *Вскую умираете доме Израилев?* – Если и бывают случаи, когда *путь нечестивых спеется*, и рука их господствует, то сие есть или последняя мзда, которую восприимлют они за некий останок добродетелей, или последнее напряжение, которое лишит их останка крепости. Развратное общество в силе – подобно человеку в горячке: его сильные и быстрые действия суть действие болезни, а часто и предвестие смерти. Державный Пророк видел и описал судьбу торжествующаго нечестия: *видех нечестиваго превозносяща и высяща, яко кедры ливанския*. Но долго ли продолжалось сие явление? – *Мимо идох, и се не бе* (Пс. XXXVI. 35).

Впрочем все казни, преследующия беззаконие в естественной и общественной жизни, суть токмо припоминательный образ и, так сказать, след истинной смерти, совершенно неразлучной от греха. *В онъже аще день снесите от древа, смертью умрете* (Быт. II. 17). Вам известно, что Адам девять веков жил на земле по снедении от древа запрещеннаго: или не сбылось сие слово, коего ни единая черта не может прейти, хотя бы небо и земля поколебались? – Нет! Адам точно *умер* в день грехопадения: умер в своем уме, который, быв причастен Божественнаго света, облекся во мрак чувственности; умер в своей воле, которая утратила силу стремиться ко благу духовному; умер в своем сердце, которое упало с высоты небесной любви и блаженства и раздробилось по числу земных прелестей; умер в своей деятельности, которая с сего времени могла производить только *мертвыя дела* (Евр. IX. 14). Что убо и мы, рожденные во грехах и слишком богатящиеся сим наследием Адамовым, – что мы в *теле смерти сея* (Рим. VII. 24), как не живые мертвецы во гробах своих? Смерть тем более убийственная, чем менее ощущаемая, и ужаснейшая всех смертей, которая мы видим и знаем! Ибо те убивают временное, а сия вечное; те сами смертны, а сия может быть бессмертною. Гроб, по словам одного христианскаго учителя (Тертул.), есть убежище от смерти; но это не для умирающаго во грехе, ибо его и

за гробом ожидает *смерть вторая* (Апокал. XXI. 8) или раскрытие первой смерти во всех ее ужасах.

Познаем, слушатели, чего мы должны страшиться. Если страшен меч, то еще страшнее убийца; если ужасна смерть, которая поражает не столько человека, сколько грех, то koliko ужаснее грех, который рождает смерть! Но поелику страх есть бесполезный мучитель, доколе он не есть пестун любви: не уедем обольщаемому грехом сердцу нашему дать достойнейший его прилепления предмет и к нему единому, по возможности, соберем все расточенные силы наши, как печальные обломки кораблекрушения к безопасному берегу. – Какой животный свет посылает небо в наш внутренний ад! И как скоро убегает от него сень смертная! Бог правды и мздовоздаяния для праведника, становится Богом милосердия и благодати для грешника! *Дарование Божие, живот вечный, о Христе Иисусе Господе нашем.*

Нашедши нас мертвыми, благодать не требует, чтобы мы заслужили жизнь, ибо сие невозможно. Она обретается не ищущим; является не вопрошающим; дарствует, а не воздает. *Дарование Божие.*

Приметим же греховную слепоту нашу. Чего мы не делаем для удовлетворения суетным желаниям и страстям законопреступным! Богатству жертвуем спокойствием, чести – богатством и опять спокойствию – честью; бросаемся в опасности, дабы извлечь из них славу, или повергнуть в них соперника; проводим век в непрестанных заботах, дабы достигнуть лучшего состояния, которое всегда удаляется от нас; и, видя свое здоровье ослабевающим, продолжаем убивать себя чрезмерными усилиями, чтобы дожить желаемого. А свергнуть тяжкое бремя греха и взять легкое иго Иисуса, исхитить слабое сердце от мира и положить его в силу Божию, совершающуюся в немощах, упраздниться и дать Богу творить в нас свое дело – это трудно, это превышает наши силы!.. Увы! Мы бываем деятельнее и сильнее для нашей гибели, нежели сколько нужно бы для нашего спасения.

Благодать возобновляет и возвращает человеку все, что грех ни разрушает. Она паки почерпает ему духовную жизнь из Бога, ея источника; вводит его в сочленение бессмертного тела Церкви и, когда земная наша храмина тела разорится, уготовляет храмину нерукотворенную на небесах. *Живот вечный.*

Напротив, за какую награду мы работаем греху? – Поставим себя между им и смертию, и, озревшись сюду и сюду, мы невольно повторим вопль сына Саулова: *вкусих мало меду, и се аз умираю*. Я вкусил несколько капель удовольствия – и вижу пред собою море зол. После нескольких минут наслаждения предстоит вечность мучений. Я не насытил и плоти, а погубил душу. *Вкусих мало меду, и се аз умираю* (1 Цар. XIV. 43).

Наконец, благодать представляет нам всемогущаго Подателя и вернейшаго Споручителя своих даров, Иисуса Христа Богочеловека. Он есть Бог, ибо наше возсоздание может совершиться силою единого Создателя; но вкупе и человек, дабы мы безопасно и дерзновенно приближались к Нему. Он соделался по нас *грехом и клятвою* (2 Кор. V. 21. Гал. III. 13), чтоб искупить нас от греха и клятвы, и, стяжав нас кровию Своею, ожидает, чтобы мы все прияли чрез Него в Нем. *О Христе Иисусе Господе нашем.*

На чем, напротив, утверждаем мы наши надежды, когда покоряемся греху? – Лукавый враг, каждый раз, когда подает нам запрещенный плод, обещает слишком много: *будете яко боги*; но, исполнив его волю, мы обыкновенно или ничего не получаем, или получаем несравненно менее, нежели надеялись. И почто же еще опираемся на сей тростяный жезл,

который толикократно уже сокрушался под нашею рукою и прободал ее, а не поспешаем ко Врачу, исцеляющему язвы душ и телес? Почто держимся земли, которая коловращает нас вместе с собою, а не имемся всеми силами за крест Ходатая, который есть лестница к небесам? Почто, когда так быстро *преходит образ мира сего* (1 Кор. VII. 31), *внегда смущается земля, и прелагаются горы в сердца морская* (Псал. XLV. 3), мы, от угрожающих и нам ударов, не сокрываемся в язвы нашего Спасителя?

О Боже, не хотяй смерти грешника, но еже обратитися и живу быти ему! Возьми грех наш, да не возмет он с нас оброка смерти вечныя; и подаждь нам Твое дарование, живот вечный, о Христе Иисусе Господе нашем. Аминь.

III.

3. СЛОВО

на Рождество Христово.

(Говорено архимандритом Филаретом в Александроневской лавре;

напечатано отдельно и в собраниях 1820, 1821, 1844 и 1848 гг.)

<1811 год>

*Велия есть благочестия тайна,
Бог явился во плоти.* 1 Тим. III. 16.

Новый Адам исходит из девственной земли. Жена, источник проклятия, износит росу благословения. Является истинный *Ной*, который *упокоит нас от дел наших, и от печали рук наших, и от земли, юже прокля Господь Бог* (Быт. V. 29). Безродный *Мелхиседек* (Евр. VII. 3), рожденный без матери, рождающийся без отца, приходит наследовать Царство и Священство вечное. Преходит наконец долгая ночь страха и ожидания всемирного; – и утренний свет проникает во мрак Ветхозаветного Святилища, отверстаго не столько к ежедневному, сколько к вечному Востоку. Небесная Манна изсыпается от стамны, ее сокрывавшей. Жезл Иессеев прозябает вместо увядающего жезла Ааронова. Христос раждается.

Приидите, пастыри кроткие, и облобызайте Агнца и Пастыря, – Агнца, пасущаго пастырей, и Пастыря, имеющаго собрать во едино мирное стадо с агнцами волков и юнцев со львами. Приидите, волхвы мудрые, и поклонитесь тайнам древняго младенца; научитесь от Слова немотствующаго, вкусите от ангельского хлеба на трапезе безсловесных, и видите, яко благ Господь. Сонмы небесных сил, *восхвалившие* Господа, *егда сотворены быша звезды!* удвойте и утройте ваши славословия пред вашим Солнцем, и для нас восходящим. Христос раждается.

Христос раждается в Вифлееме: и в сем ли состоит вся настоящая радость и вся слава в вышних Богу? Слава Богу: если Он раждается и «для нас», ибо, «по намерению судеб»², *сие Отроча родися нам, и дадеся нам* (Исаии. IX. 6). Среди торжества о Его рождении, Церковь страждет болезнию рождения, дабы Он *вообразился* (Гал. IV. 19) в нас. Не презрим радостной скорби наша Матери: снимем хотя некоторые черты с образа рождения Иисусова и положим их в сердца наших.

Вифлеем был отечественный град предков Иисусовых: однако Иосиф и Мария не имели в нем ниже убогой хижины, ниже пяди земли наследственной, ни пребывания постоянного. Провидение, рукою Кесаря, привело их в сие место, из которого предопределено было *изыти Вождю Израиля* (Мат. II. 6). Чуждые в земле предков своих, пришельцы в своем отечестве дали отечество Сыну Того, *из Него же всяко отечество на небесех и на земли именуется* (Еф. III. 15). – Христиане! Доколе мы живем в мире с безпечною граждан и наслаждаемся им с самовластием обладателей, дотоле Христос не может вообразиться в нас. Мир непрестанно силится выпечатлеть в душе нашей свои преходящие образы; насыщаемыя желания рождают другия желания, которыя неприметно возрастают в исполинов и зиждут Вавилон. *Блажен, иже имет и разбьет о камень веры самых младенцев* сего Вавилона и отчуждит себя от града зде пребывающаго, дабы взыскать грядущаго! Еслибы Авраам, по гласу Божию, не изшел от земли своея и от рода своего, то бы он не получил славнаго завета, обетования и наследия. Если бы страждущий Израиль не решился подвергнуть себя трудностям опаснаго и неизвестнаго пути, то Иегова не изшел бы в силах его и не уготовал бы в нем жилище Себе. Если бы прозорливая мать не изгнала невиннаго Иакова от лица мстительнаго Исава, оный не пришел бы на страшное место *врат небесных*. Безпокровные токмо странники находят *Вефиль и Вифлеем, – дом Божий и дом Хлеба* животнаго. Только произвольные изгнанники земли приемлются в граждан неба. Кто желает быть селением Сына Божия, тот должен иметь отечество в едином Боге и, при всей привязанности к отечеству земному, впрочем весьма естественной и праведной, почитать его токмо предградием небеснаго.

Иисус, ничего не заняв от мира в своем рождении, повидимому, не хотел и ему показать ничего собственного. Древодел получил имя отца его; носившая его во чреве, по ея признанию, не принесла к сему служению другаго достоинства, кроме чувствования своего недостойнства: *призре на смирение рабы своея* (Лук. I. 48); Он скрыл неизмеримую вечность Свою за днем Своего рождения; престолом Царя царствующих соделались ясли, утварью – пелены, первыми слугами Царствия – пастыри стада; Божия сила и Божия премудрость сокрыты в немощах младенчества. Но кто может измерить разстояние от высоты Божественнаго Существа Его до глубины Его уничижения? Конечный ум не может следовать за Ним, как в его восхождении превыше всех небес, так и в его нисхождении до бездн падшаго естества. Что же при виде толикаго смирения должно чувствовать сердце, желающее быть сообразным образу Иисуса? – «Сила ума, великость духа, знаменитость дел, преимущества званий! я вами не прельщаюсь и не завидую тем, которые гордятся вами. Нет высшей мудрости, как отречься от мудрости для Иисуса; нет большей славы, как разделять безчестие с Иисусом; нет избыточнейшаго состояния, как нищета Иисуса; «нет иной двери к совершенству и блаженству»³, как младенчество Иисуса; нет лучшаго украшения для души, в которой Он должен обитать, как видеть себя чужду всех украшений, подобно яслям Его. – Ток благодати, подобно речным устремлениям, изливается в доли: кедры на горах блюдутся громам и молниям. Бог творит из ничего: доколе мы хотим и думаем быть чем-нибудь, дотоле Он в нас не начинает своего дела. Смирение и отвержение себя есть основание в нас храма Его: кто более углубляет оное, тот выше и безопаснее созиждет.

Одною из существенных принадлежностей рождения Иисусова была чистота Его Матери, не нарушенная ниже взором, ниже мыслию. Она должна была иметь обручника, но токмо для того, чтоб он был защитником и свидетелем ея целомудрия, и чтоб ея священное девство не казалось «осуждением брака»⁴. Между тем она была, как единомушно исповедует Церковь, Дева прежде рожества, в рожестве и по рожестве. Взираи на ея пример, стремящаяся к соединению с Богом душа, и виждь в зеркале совершенства ея твою обязанность. Господь есть Бог ревнивый: тогда как Он гласом отеческой благодати говорит человеку: *даждь ми, сыне, твое сердце*, праведная ревность Его, не менее в

духовном, как и в нравственном смысле заповедует: *не прелюбы сотвори*. Тот, Кто дал нам сердце, не довольствуется большею или меньшею его долею: оно все должно принадлежать Владыке всяческих. «Он не признает достойною Себя никакой любви»⁵, которая не основывается на любви к Нему; «всякое услаждение, в котором ищем себя пристрастно, всякая мысль, наклоненная к тварям, всякая рассеянность есть удаление от Него»⁶. Строгая токмо над собою бдительность может возвести к блаженному с Ним соединению и удержать в нем: *всяцем хранением блюди твое сердце: от сих бо исходяща живота* (Притч. IV. 23). Небесный Жених обручается с мудрыми токмо и непорочными девами, не дремлющими при его чертоге; девственная, к единому Богу обращенная душа зачинает духовную жизнь и рождает блаженство чистаго созерцания. *Блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят*; и где? – в самом сердце своем. Чистая душа, подобно как чистая вода, приемлет в себя живыя изображения солнца и неба.

Не будем долее удерживать взоров на тех чертах в образе рождения Иисусова, которыя желающих начертать оный в душе своей могли бы утешить трудностию подражания. Но еще один взгляд на те черты онаго, в которых сквозь самое уничижение сияла Его Божественная слава, и которыя вслед за первыми благодать раскрывает и в нашем рождении духовном.

При рождении Христовом Ангелы воспевают славу Божию и мир на земли: они воспевают и при нашем возрождении славу благодати и мир человека с Богом. *Радость бывает на небеси о едином грешнице кающемся* (Лук. XV. 7). Ко Христу приходят с благоговением пастыри и волхвы, несмотря на убожество и неизвестность, которыя отделяли Его, повидимому, от всего мира: так и соединяющийся со Христом соединяется в Нем со всеми верными Ему, столько же неразрывным, сколько непостижимым союзом; тот Дух, который образует из них единое общество, или паче единое тело, иногда нечаянно, всегда благовременно, сближает их друг со другом, дабы взаимно наставлять и поучаться, утешать и принимать утешение, исповедывать милость и славу Божию. – Христу приносятся дары: злато, яко Царю; ливан, яко Богу; смирна, яко мертвому за смертных: но не обещает ли Он и нам, что ищущим Царствия Божия *вся приложатся* (Матф. VI. 33)? Не хочет ли *сотворить нас Цари и Иереи Богу и Отцу своему* (Апок. I. 6)? Не сопрягает ли нашего духовнаго рождения с тою животворящею смертию, после коей *живот* наш будет вместе с Ним *сокровен в Бозе* (Кол. III. 3)?

О Боже, давай нам Сына Твоего! чего Ты нам с Ним не дарствуешь? Дажь токмо нам родити в себе дух Христов и жити его жизнью. Тогда пусть и против нас, как некогда против Него, *мятется Ирод и весь Иерусалим с ним*; пусть неистовствует князь века сего, и весь мир вооружается: Ты покроеши нас в тайне селения Твоего; на воде покойне воспитаеши нас и чрез Ангела завета Твоего введеши нас в гору святую Твою. Аминь.

1812 год.

IV.

4. БЕСЕДА

о молитве Господней.

(Говорена в Троицкой домово́й, князя А. Н. Голицына, церкви,

в среду недели двадесатая, октября 23; напечатана отдельно

<1812>

*Что Мя зовете, Господи, Господи,
и не творите, яже глаголю?* Лук. VI. 46.

Страшный гнев Господа открывается нам, слушатели, «в сем изречении Евангелия»! Он укоряет не только тех, которые хулят или забывают святое имя Его, но и тех, которые с благоговением обносят оное в устах своих. *Что Мя зовете, Господи, Господи?*

Итак, неужели Бога оскорблять можно и молитвою? – Можно, если устная молитва не сопутствуется сердечною, а сердечная не сопровождается творительною молитвою. *Что Мя зовете, Господи, Господи, и не творите, яже глаголю?*

Пророк, «изображая отвержение Иуды предателя, во вдохновенном свыше негодовании вопиет»²: *молитва его да будет в грех* (Псал. CVIII. 7)! Но молитва Иуды, если он молился, повидимому, долженствовала быть самая святая: поелику он, подобно как и мы, у Самого Сына Божия учился призывать *Отца, иже есть на небесех*. «Итак, не должно ли страшиться и другим, чтобы святейшую и Божественную молитву Господню не употребить столь недостойным и осудительным образом»³?

Размыслим о способе правильно и спасительно употреблять молитву Господню.

Отче наш, иже еси на небесех! взываем мы, последуя Единородному.

Я говорю: последуя Единородному. Ибо кто бы дерзнул произнести сие призывание, когда бы *Единородный* не соделался *Первородным во многих братиях* (Рим. VIII. 29), облекшись в плоть нашу, и еслибы мы взаимно не облеклись в Него крещением? Дщери Евы производят на свет только рабов и сынов гнева: одна Церковь рождает чад свободы и благодати. Рождение в рабство совершается без нашей воли: рождение в свободу долженствует быть свободное. Где слабый останок первоначальной свободы воздвигается от земли, расторгает узы плоти, стремится ко благу духовному, там начинается рождение небесное, сыноположение Духа, приемлемое верою.

«Часто»⁴ мы произносим имя *Отца небеснаго*; но размышляли-ль мы когда⁵ о нашем праве так именовать Его? Занимаясь земными мыслями, земными желаниями, земными действиями, охотно покорствуя суеде вместе с тварию, которая покорена ей неволею, безопасно продолжая быть так же *плотию*, как и *родились от плоти* (Иоан. III. 6), какую часть имеем мы в *Отце небесном*, и как можем поставлять себя в сан Его сынов, вместе с Единородным, *иже есть сияние славы и образ ипостаси Его* (Евр. I. 3)? Именуя *Отца небеснаго* не для того, чтобы благодарственно исповедать наше благодатное усыновление, но только для того, чтоб ульстить (еслибы то возможно было) Его милосердие, ужели мы думаем нашими воплями обезоружить *правду Бога, испытующаго сердца и утробы?* – Нет, отвечает Он на дерзновенные взывания *И* чад мира и плоти, – Я не Отец ваш, доколе вы не тщитесь внутренно соделаться Моими чадами: вы *отца есте* того, коего *вожделения хотите творити* (Иоан. VIII. 44); мне «подобает»⁶ быть для вас токмо Господем рабов и Судиею повинных.

Дадим, христиане, Богу нашему быть для нас тем, чем Его именуем. Отторгнем себя от земли; взыщем отечества небеснаго: тогда «неосужденно»⁷ наимуем Отцем нашим живущаго на небесех, и Он без гнева услышит наши прошения.

Да святится имя Твое – вот первое прошение.

Божие имя есть вещь священнойшая в мире. Им совершаются наши спасительныя таинства; им печатлется верность наших клятв и обещаний; его полагаем мы в основание начинаний наших. Было время, когда оно, исходя из уст рабов Божиих, владычественно потрясало природу и низлагало их врагов видимых и невидимых. Сия непостижимая сила есть собственно Божия, но ея действие в нас зависит от нашей веры и благочестия. «Посему»⁸ заповедано нам хранить имя Божие с благоговением и употреблять с бережливостию: *да не приимеши имене Господа Бога твоего всуе* (Втор. V. 11). Посему, признавая себя недостойными хранителями сего небеснаго сокровища, мы молим Отца небеснаго, да вечно святое в самом себе имя Его святится и в нас; да с благодатною силою произносим его устами; да с верностию изрекаем его делами; да *свет наш просветится пред человеки*, и они в нас и с нами *прославят Отца нашего, иже на небесех* (Матф. V. 16).

Но что, если язык молящагося, долженствующий освятить имя Божие, или, паче, освятиться им, еще не очищен от «празднословия»⁹, злоречия, лжи, клеветы? Что, если желания наших сердец противоборствуют хотениям наших устен? Если гласы молебных пений и славословий наших возмущает нами же *возносимый* к небу *воплъ нищих* (Иов. XXXIV. 28), которым не благовествовали мы Бога, Отца сирых; заглушает *глас крове братий наших* (Быт. IV. 10), в которых мы не прославили Бога, Судию обидящих? Какая в том польза, что мы на языке носим славу Божию; если языцы, взирая на нашу жизнь, в удивлении вопрошают друг друга: *где есть Бог их* (Псал. LXXVIII. 10)?

«Сколько можешь», *удержи язык твой от зла, сотвори благо* (Псал. XXXIII. 14 и 15) всем сердцем твоим; тогда не вотще молиться будешь, *да святится имя Божие*.

Да придет царствие Твое – вот второе прошение сынов царствия.

Царство Божие – *царство всех веков* (Псал. CXLIV. 13); и еще прежде, нежели родились веки, Бог был царем Своей сокровенной вечности. Ныне во времени Он открывает владычество Творца и Промыслителя в царстве природы, и в царстве благодати любовь Отца Спасителя, – впрочем так, что мы *видим* Его здесь токмо «*якоже зеркалом в гадании*» (1 Кор. XIII. 12). Наконец оба сии царства, постепенно достигая предопределеннаго совершення, преобразятся в единое царствие славы, в котором Он явится сынам царствия *лицем к лицу*, и будет возводить их от славы в славу. Грядущее таким образом от Бога к человекам царствие многих в торжественном пришествии своем обыдет и оставит ошуюю: только избранные и носящие в себе внутреннее семя царствия призваны будут *наследовать уготованное им царствие от сложения мира* (Матф. XXV. 34). «Итак, моление наше о царствии Божиим есть благоговейное желание, чтобы Бог совершил *чаяние твари, откровения сынов Божиих чающей* (Рим. VIII. 19), и нас сподобил достойно сретить сие вожделенное для всего мира событие».

Искренно ли в нас такое желание? Мы желаем царствия Божия и знаем, что сие царство *нестъ от мира сего* (Иоан. XVIII. 36); «но не многие ли из нас в легкомысленных мечтаниях созидают здесь каждый собственное царство? Сын силы думает мечем начертать другим закон страха и «унижения»; мнящийся быть мудрым хочет владычествовать пером в царстве мнений; легкомысленный мечтает быть законодателем в удовольствиях и забавах, корыстолюбивый устрояет» темное царство и собирает бездушных подданных в своих сокровищницах. Мы желаем царствия Божия и верим, что в него вводят *узкая врата и тесный путь* (Матф. VII. 14); однако не часто ли, упреждая друг друга, поспешаем занять широкий путь и вступить во врата пространныя? Мы любим

поставлять себя одесную других, не представляя того, что, «по самому естественному последствию, идя таким образом на встречу Господу, мы обрящемся ошую Его». Мы желаем царствия Божия и слышали, что *нудится* (Матф. XI. 12) оно: и так делаем ли себе какое насильствие для приобретения его, и не для того ли только молимся о нем, чтобы труд сего великаго дела сложить на единого Бога?

Возревнуем о служении Богу, подобно как мы ревнуем о господствовании в мире; изыдем во сретение царствию Божию путем креста и смирения: тогда молитва о его пришествии не будет лицемерием.

Третье прошение: *да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли.*

Бог наш на небеси и на земли творит вся, елика хочет: *воли бо Его кто противится может* (Рим. IX. 19)? «Итак, без сомнения», не умножения могущества желаем мы Всемогущему в нашей молитве. Тварь, одаренная волею, но которая видит все свое блаженство в единой воле Творца своего, молит, да Его воля благая и совершенная покорит себе ея волю несовершенную и слабую, и будет в ней *и еже хотети и еже деяти* (Фил. II. 13). Но что есть воля Божия *на земли, яко на небеси*? – Ангелы суть небо; человеки суть земля: когда земнородные будут служить Богу с любовью столь пламенною, с ревностью столь неудержимою, как Ангелы, тогда исполнится воля Его, яко на небеси, и на земли. – Церковь верующих есть небо на земли; омраченный и заблуждающий мир есть токмо земля; когда и погибшия овцы познают спасительный глас Пастыря и сидящие во тьме и сени смертной видят свет велий: тогда исполняется воля Отца светов, яко на небеси, и на земли. – Дух есть, некоторым образом, небо в человеке; плоть – земля: когда *внутренний человек, соудлаждающийся закону Божию*, подчинит себе *закон суций во удох* (Рим. VII. 22 и 23), а плоть останется тем, чем ей должно быть, – покорною рабынею; тогда исполнится воля Бога духов, яко на небеси, и на земли.

Много мы говорим о воле Божией, но едва ли не более помышляем о исполнении своей воли. Мы желаем видеть землю, по исполнению воли Божией, подобною небу, или самым небом; но начинаем ли мы сие великое превращение с самих себя? Любовь ангельская! ты выше нас: я не осмелюсь искать тебя. Любовь христианская! где ты обитаешь? Где ты действуешь, ревность благочестивая? Где почиваешь ты, кроткая преданность воле Божией? Вместо возвышения от земли к небу, от жизни христианской к ангельской, не более ли приметно в нас нисхождение от неба к земле, унижение духа пред плотию, ниспадение от благословеннаго царства благодати в мятежное владычество растленной природы?

Возненавидим прежде злую волю собственную, и потом уже молиться будем о благой в нас воле Божией.

Три прошения молитвы Господней, о которых я сказал, слушатели, тем с большею осмотрительностию и благоговением должны быть приносимы нами Господу, что простираются от времени до вечности. Следующия за оными четыре прошения относятся более до времени; но мы должны памятовать, что благоразумное или неблагоразумное попечение о временном приобретает нам благоволение или воздвигает на нас гнев Вечнаго.

Хлеб наш насущный даждь нам днесь.

Сим желанием должны ограничиваться наши попечения о благах мира. Жизнь есть благо потому, что ею можно заслужить блаженную вечность: потому только благо для нас и то,

что служит к сохранению жизни. Кто знает, сколько должен он сделать для вечности, тот не много имеет времени заботиться о жизни настоящей. К счастью, благий Промыслитель «слагает» с нас сей последний труд, как скоро мы приемлем на себя первый: *ищите прежде царствия Божия, и сия вся приложатся вам* (Матф. VI. 33). И посему верная чада Божии просят не у рабов, но у *Отца*, – просят не суетных украшений и ничтожных драгоценностей, но *хлеба*; хлеба не вкусного, но *насущного*; не в житницы на лета многа, но только *днесь* на трапезу. *Довлеет*, говорят они, настоящему *дневи злота его* (Матф. VI. 34): почто заранее стужать попечительному Отцу о таких нуждах, которых, может-быть, завтра не будет более? Но и при толь ограниченном требовании, не столько помышляют они о хлебе насыщающем тело, как о том *насущном* хлебе, который питает и укрепляет *существенную* часть человека: ибо *не о хлебе едином жив будет человек, но о всяком глаголе, исходящем из уст Божиих*» (Матф. IV. 4).

Все ли мы умеем хотя чувствовать спасительный глас слова Божия, если не обретать для онаго сродную пищу? Не часто ли подавляется сей духовный глад алчностью плоти, которая требует не насыщения, но пресыщения; не одежды, но убранства; не здоровья для отправления дел, но неги и бездействия? Удовлетворив себе в обыкновенных временных потребностях, мы вымышляем для себя случаи непредвидимые и нужды в будущих летах, которые никогда к нам не придут. Наконец, не довольствуясь оскорблять Бога столь излишними желаниями, мы еще оставляем Его и обращаемся с оными к сильным земли, к хитrostям, к неправдам, и таким образом присовокупляем к дерзости неверие.

Будем умереннее в наших желаниях и благоразумнее в выборе «потребного» для нас: одна благоразумная умеренность умеет просить хлеба у *Хлеба животного* (Иоан. VI. 35).

И остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим.

Сколь многочисленны долги наши Богу! Есть долг наследственный. Наш первый Праотец купил запрещенный плод ценою жизни своея и своего потомства: мы родимся должниками. Есть долги собственные. Бог невидимо нам раздает многоценные *таланты*, внутренние и внешние, *комуждо противу силы его* (Матф. XXV. 15): употребление их во благо и во славу Его есть лихва, им требуемая: каждое незаконное действие, каждое порочное желание, каждый лукавый помысл изчитаются Всеведением и составляют ужасное множество долгов наших. Они неоплатимы. Но какой легкий договор нам о них предлагается! *Аще отпустите человеком согрешения их; отпустит и вам Отец ваш небесный* (Матф. VI. 14). Для сего-то священного договора мы приводим пред Него с собою наших должников; указуем Его милосердию на наше милосердие: и еслибы таким образом все до единого старались изгладить пред очами Божиими зло, соделанное человеками; то рукописания грехов наших постепенно бы оскудевали, доколе наконец взаимныя прощения всех и каждого составили бы единое всеобщее оправдание, к неизреченной славе Помилователя, к несказанному блаженству помилованных.

Не так же ли удобно, скажут, Милосердию безконечному и без условия простить погрешности и заблуждения слабых смертных, сколько бы ни были оне многочисленны? – Но не удобнее ли тебе простить несравненно меньшия оскорбления твоего ближняго? То истинно, что милосердие Божие безконечно: потому-то и хочет оно, чтобы не ты один, но и все получили прощение; и, подавая его тебе, как бы просит его у тебя твоим братьям. О человек, который живешь и дышешь единою милостию Господа! если ты отвергаешь Его у тебя ходатайство за ближних твоих; как может Он приять за тебя ходатайство Сына Своего? Тогда в прощении *оставления долгов наших, якоже и мы оставляем должником нашим*, уже заключается и осудительный на нас приговор: «суд без»²⁰ *милости не сотворшему милости* (Иак. II. 13).

Не забудем, христиане, миловать прежде, нежели будем просить помилования. *Блажени милостивии, яко тии помиловани будут* (Матф. V. 7).

И не введи нас во искушение.

Безполезно было-б и прощение грехов, еслибы мы всегда возвращались к ним с прежнею слабостию. Но как трудно не пасть когда-либо среди непрестанной брани противу плоти, мира и духа злобы! Лев рыкает; лисы коварствуют. Если мы противопоставляем лукавству прозорливость, то крепость изменяет нам; если ярости силу, то коварство нас обманывает. Нет для нас иной надежды, разве когда единый Победитель всех врагов наших не попустит на нас более нападений, нежели мы можем выдержать, или дарует нам столько искусства и сил, сколько нужно для совершенной победы.

И мы молимся, слушатели, о сохранении нас от искушений: но не приближаемся ли к ним сами, прежде нежели они постигают нас? Молимся, да не поработит нас плоть; но не сами ли слишком заботливо питаем и греем врага сего и служим ему как другу и владыке? Молимся, да не очарует нас мир; но не мы ли отверзаем ухо к его тлетворным обаяниям? Молимся, да не соблазнит нас око; но не мы ли его пригвождаем к земным прелестям? Против кого в таком случае обращается наша молитва, если не против нас самих? *Кийждо искушается от своя похоти влеком и прельщается* (Иак. I. 14).

От нас зависит нейти на встречу искушениям: молитвою отвращать должно те, которые против воли нашей с нами сретаются.

Но избави нас от лукаваго.

Есть наконец некоторый род зла в поврежденной природе, которое находится не столько во внутреннем существе вещей, сколько во мнении, в действии токмо наружном и преходящем ощущении. Оно не всегда есть бич карающего Правосудия; но часто поражающий жезл любви, горькое врачевство и, так сказать, благо несозревшее. Убожество, болезнь, печаль, унижение, гонение, суть зло разве тогда, когда мы виновны в них; но немощная природа содрогается при одном виде страдания. И сколь велико снисхождение Отца небеснаго, Который позволяет нам просить Его, да успокоит нас и от сих призраков зла; да ускорит рассеять и сии легкия тени, пробегающия по юдоли жизни!

Но тем дерзновеннее и неблагодарнее мы, когда употребляем во зло толикое снисхождение. Сколь многие вопиют к Богу на несчастья, которые суть дело их собственных рук! Тот, который неумеренностию сокрушил крепость свою, приходит жаловаться на свои немощи; тот призывает суд Божий на оскорбляющих его, кто сам осуждается пред ними своею совестью; тот окаявает свою нищету, кто привлек ее расточительностию. Просить ли таковым избавления от лукаваго, или лучше благодарить Промысл за предстоящее обличение и внушаемое исправление лукаваго сердца?

Будем, слушатели, с радостию сносить наказание, когда мы виновны; когда невинны, без нетерпеливости молиться о избавлении от бедствия. *Вестъ Отец наш небесный, ихже требуем* (Матф. VI. 32).

Воистинну, Отче Всеведающий! Ты не дашь чадам Твоим *камня вместо хлеба и змию вместо рыбы* (Матф. VII. 9 и 10). Но мы и о *чесом помолимся, якоже подобает, не вемы* (Рим. VIII. 26). Скоро находим мы недостатки нашей молитвы; но без Тебя не достигнем в ней совершенства. *Исправи ее Сам, яко кадило пред Тобою*, да не едины уста, но и мысль,

и сердце, и желания, и деяния, и дух, и плоть, и *вся кости наша рекут: Господи, Господи* (Псал. XXXIV. 10)! *Яко Твое есть царство и сила и слава во веки. Аминь.*

1813 год.

V.

5. СЛОВО

в великий пяток.

(Говорено в Александроневской Лавре;

напечатано отдельно и в собраниях 1820, 1821, 1844 и 1848 гг.)

<1813>

Чего теперь ожидаете вы, слушатели, от служителей слова? Нет более слова.

Слово, собезначальное Отцу и Духу, рожденное для нашего спасения, начало всякого слова *живаго и действенного*, умолкло, скончалось, погребено и запечатано. Дабы вразумительнее и убедительнее *сказать человекам пути живота* (Псал. XV. 11), Слово сие «преклонило» небеса, и облеклося плотию: но человеки не восхотели внимать Слову; растерзали плоть Его; и се, *взят от земли живот Его* (Исаии. LIII. 8). Кто же теперь даст нам слово жизни и спасения? —

Поспешим исповедать тайну Слова, которая долженствует обезоружить гонителей Его и которая возвращает Его душам, готовым принять Оно. Слово Божие не связуется смертию. Как устное слово человеческое не совсем умирает в ту минуту, когда перестает звук его, но паче восприимлет тогда новую силу и, прошед чрез чувство, вселяется в умах и сердцах слышавших: так Ипостасное Слово Божие, Сын Божий, в Своем спасительном вочеловечении, умирая плотию, в то же время *исполняет всяческая* (Ефес. IV. 10) Своим духом и силою. Посему-то, когда Иисус Христос изнемогает и умолкает на кресте, тогда и небо и земля дают Ему глас свой, и умершие проповедуют воскресение Распятого, и самое камение вопиет о Нем. *И померче солнце, и завеса церковная раздрася, и земля потрясется, и камене распадется, и многа тела усопших святых восташа* (Лук. XXIII. 45; Матф. XXVII. 51 и 52).

Христиане! Воплощенное Слово умолкает токмо для того, чтобы сильнее и действеннее глаголать к нам; сокрывается для того, чтобы внутреннее *вселиться в нас* (Иоан. I. 14); умирает, чтобы даровать нам Свое наследие. Будучи собраны церковию беседовать с умершим Иисусом, слышите *живое слово* (Евр. IV. 12) умершаго; слышите данное от Него вам завещание: *Аз завещаваю вам, якоже завеща Мне Отец Мой, царство* (Лук. XXII. 29).

Но, дабы неблаговременныя мечтания о величии сего наследия не уклонили взоров наших от предписаннаго пред нами в сии великие дни Распятого Иисуса, заметим тщательнее, христиане, что первые наследники Его не обрели по Его кончине инаго сокровища, кроме древа креста, на котором Он пострадал и умер, и сей токмо крест, в подражательных образах, преподали всем желающим участвовать в наследии царствия. Что сие значит? — То, что, как Христу *подобаше пострадати*, дабы потом *внити в славу* (Лук. XXIV. 26), которую *имел Он у Отца*, так христианину *многими скорбьми подобает внити в царствие*

(Деян. XIV. 22), которое завещал ему Христос; что как крест Христов есть дверь царствия для всех, так крест христиан есть ключ царствия для каждого сына царствия. Вот сокращение великого *слова крестного* (1 Кор. I. 18), толь необъятного уму, толь удобоприятного вере, толь сильного Богом. Принесем оное, как каплю мира, ко гробу Слова Животворящего.

Прежде, нежели вочеловечившийся Сын Божий восприял и понес крест Свой, сей крест принадлежал человекам. В начале своем он был соделан *из древа познания добра и зла*. Первый человек думал испытать только плод его; но едва прикоснулся, как вся тяжесть запрещенного древа, со всеми ветвями его и отраслями, обрушилась на хребет нарушителя Господней заповеди. Тьма, скорбь, ужас, труды, болезни, смерть, нищета, унижение, вражда всей природы, – словом, все разрушительныя силы, как бы исторгшись из рокового древа, ополчились на него: и низринулся бы сын гнева навеки во ад, еслибы Милосердие, по предвечному совету, не простерло к нему руки своей и не удержало его в падении. Сын Божий пренес на Себя бремя, «подавляющее человека»²; усвоил себе крест его и предоставил ему токмо придержаться сего креста, без сомнения, не для того, чтобы он вспомоществовал Всемогущему в отношении бремени, но дабы сам, и с малым оставшимся ему крестом собственным, носим был силою креста великого, подобно как ладия влечется движением корабля. Тако крест гнева преобразается в крест любви; крест, заграждавший рай, становится лестницею к небесам; крест, рожденный от страшного *древа познания добра и зла*, чрез орошение Божественною кровию, перерождается в *древо жизни*. Сын Божий приемлет естество наше, и *страданьями совершает* в Себе *начальника спасения* нашего; *искушается по всяческому*, и *вспомоществует* *искушаемым*; шествует со крестом, и *ведет в славу* своих последователей (Евр. II. 10 и 18; IV. 15).

Кто измерит всемирный сей крест, понесенный Начальником нашего спасения? Кто извесит его тяжесть? Кто исчислит разнообразное множество крестов, из которых он, как из капель море, составляется? – Не от Иерусалима токмо до Голгофы несен крест сей, с помощью Симона Киринейского. Несен он и от Гефсимании до Иерусалима, и до Гефсимании от самага Вифлеема. Вся жизнь Иисуса был единый крест; и никто не прикасался к бремени его, разве для отягчения оного: *Един истоптал точило* ярости Божией, *и от язык не бе мужа с Ним* (Исаии. LXIII. 3).

«Божественное»³ соединяется с человечеством, вечное со временным, всесовершенное с ограниченным, несозданное с своим созданием, самосущее с ничтожным: какой необозримый и непостижимый крест из сего уже слагается!

Богочеловек, которого нисшествие на землю прославляют небеса, является здесь в уничиженнейшем возрасте человечества, в малейшем граде малейшаго из царств земных; нет для Него ни дома, ни колыбели; кроме убогих родителей, едва несколько пастырей занимаются Его рождением.

Исчисляют Безначальному осмь дней новаго бытия – и порабощают Его кровавому закону обрезания.

Господь храма *приносится во храм поставити Его пред Господом*, и пришедый искупить мир искупляется *двумя птенцами* (Лук. II. 22 и 24).

Тогда как Он еще немотствует, уже изощряется на Него в устах Симеона оружие слова крестного и проходит сердце Его матери (Лук. II. 34 и 35).

Некоторые иноплеменники приходят возвеличить Его именем царя Иудейского; но сия малая слава воздвигает на Него злобу Иудейского царя, соделывает Его невинною виною кровопролития и принуждает удалиться от народа Божия в страну идолослужителей.

Всеобъемлющая Премудрость Божия не иначе как с возрастом *преспеваает премудростию у Бога и человеков*. Источник и податель благодати *приемлет благодать* (Лук. II. 52). Тридесять лет Владыка небес и Царь славы сокрывается от неба и земли в глубоком повиновении двум смертным, которых удостоил нарећи Своими родителями.

Чего потом не претерпел Иисус от дня вступления Своего в торжественное служение «спасению рода человеческого»⁴.

Святой Божий, грядущий освятить человеков, вместе с ищущими очищения грешниками, преклоняется под руку человека и приемлет *крещение*: воистину крещение, слушатели, то есть погружение не столько в водах, сколько в обилии креста!

Испытующий сердца и утробы Сам поставляется *в искушении*. Хлеб небесный предается земной *алчбе*. Тот, пред Которым должно *преклоняться всякое колено небесных, земных и преисподних*, допускает князя преисподних требовать от Себя *поклонения* (Матф. IV. 9).

Ходатай Бога и человеков открывает Себя человекам; но Его или не узнают, или нехотят узнавать. Его учение почи^тают богохульным (Матф. IX. 3), Его дела незаконными (Иоан. IX. 16), Его чудеса Веельзевуловыми (Матф. XII. 24). Если Он чудотворит и благодворит в субботу, Его называют нарушителем субботы. Если обращает заблуждших и приемлет кающихся, Его порицают *другом грешников* (Матф. XI. 19). Там ищут уловить Его словом (Матф. XXII. 15); здесь ведут Его на верх горы, дабы низринуть (Лук. IV. 29); инде возьмут на Него камень (Иоан. VIII. 59); нигде не дают Ему главы подклонити (Матф. VIII. 20). Он воскрешает умершего, – завистники совещаваются умертвить Его Самого (Иоан. XI. 43, 44, 46 и 53). Народ во вратах Иерусалима приветствует Его царем, – все земные власти возстают, дабы осудить Его, как преступника. В избранном сонме Своих друзей Он видит неблагодарного предателя и первое орудие смерти Своей; лучшие из них служат Ему *соблазном*, помышляя человеческое в то время, когда Он идет на дело Божие (Матф. XVI. 23).

Почиешь ли Ты, Божественный Крестоносец, хотя на едино мгновение от ига, непрестанно возрастающего на рамена Твоих? Почиешь ли, если не для обновления Твоих сил к новым подвигам, по крайней мере из снисхождения к немощи Твоих последователей? – Так, приближаясь к Голгофе, Ты почиешь на Фаворе. Гряди на сию гору славы; да просветится лице Твое светом небесным; да убелятся ризы Твои; да приидут закон и пророки признать в Тебе свое исполнение; да услышится глас благословения Отчаго! – Но не примечаете ли вы, слушатели, как крест последует за Иисусом на самый Фавор, и слово крестное не разлучается от слова прославления? О чем тамо среди толикой славы беседуют со Иисусом Моисей и Илия? – Они беседуют о Его кресте и смерти. *Глаголаста же исход Его* (Лук. IX. 31).

Долго носил Иисус крест Свой, как бы не чувствуя его тяжести: наконец *предан был ему, аки льву, да сокрушит вся кости Его* (Исаии. XXXVIII. 13). Внидем за Ним с Петром и сынами Заведеевыми в вертоград Гефсиманский и проникнем бдящим оком во мрак последней ночи Его на земли. Уже Он не сокрывает креста, сокрушившаго душу Его: *прискорбна есть душа Моя даже до смерти* (Матф. XXVI. 38). И молитвенное беседование с единосущным Отцем «не освобождает Его, а удерживает»⁵ под тяжестью страдания: *Отче мой, аще возможно есть, да мимо идет от Мене чаша сия: обаче не*

якоже Аз хочу, но якоже Ты (Матф. XXVI. 39). *Носящий всяческая глаголом силы своя* имеет теперь нужду в укреплении *от Ангела* (Лук. XXII. 43).

Может-быть, смертная скорбь Иисуса представляется некоторым из нас недостойною безстрастного. Да ведают они, что сия скорбь не есть действие нетерпения человеческого, но Божеского правосудия. Мог ли Агнец *заколенный от сложения мира* (Апок. XIII. 8), убегать своего жертвенника? Тот, *Его же Отец святы и посла в мир* (Иоан. X. 36), Тот, Который от века приял на Себя служение примирения человеков с Богом, мог ли поколебаться в деле сего служения единою мыслию о страдании? Если Он мог иметь какую нетерпеливость, то разве нетерпеливость совершить наше спасение и облаженствовать нас. *Крещением имам креститися*, говорит Он, *и како удержуся, дондеже скончаются* (Лук. XII. 50). Итак, если Он скорбит, то скорбит не собственно, но нашу скорбию; если мы видим Его *быти в труде, и в язве от Бога, и во озлоблении*, то Он *грехи наша носит, и о нас болезнает* (Исаии. LIII. 3 и 4); чаша, которую подает Ему Отец Его, есть чаша всех беззаконий, нами содеянных, и всех казней, нам уготованных, которая потопила бы весь мир, еслиб Он един не восприял, удержал, изсушил ее. Она растворена во-первых преслушанием Адама, потом растлением *первого мира* (Быт. VI. 12 и 2 Петр. II. 5), гордостью и нечестьем Вавилона, ожесточением и нераскаянностью Египта, изменами Иерусалима, *избившаго пророки и камением побившаго посланнаго к нему* (Матф. XXIII. 37), злостью Синагоги, суевериями язычества, буйством мудрецов и, наконец (поелику Искупитель понес на себе и будущие грехи мира), соблазнами в самом христианстве: разделениями единого стада Единого Пастыря, дерзновенными мудрованиями лжеучителей, оскудением веры и любви в царстве веры и любви, возрождением безбожия в недрах самого благочестия. Присовокупим к сему все то, что мы находим в себе и окрест себя достойным отвращения и гнева Божия, и также все, что стараемся сокрыть от своей совести под ухищренным наименованием *слабостей*, – легкомыслие и законопреступные утехы юности, закоснение старости, забвение Промысла в счастии, ропот в несчастьях, тщеславие в благотворении, корыстолюбие в трудолюбии, медленность в исправлении, многократные падения после возстания, беспечность и бездействие, свойственные владычеству роскоши, своеволие века, надменного мечтою просвещения: все сии потоки беззакония сливались для Иисуса в единую чашу скорби и страдания; весь ад устремился на сию небесную душу; и дивно ли, что «она была *прискорбна*»⁶ даже до смерти.

Наше слово изнемогает, слушатели, чтобы провождать еще великаго Страдальца от Гефсимании до Иерусалима и Голгофы, от внутреннего креста до внешнего. Но совершаемая ныне Церковию тайнодействия уже преднаписали вам сей путь и сей последний крест. Он столь болезнен, что солнце не могло взирать на него, и столь тяжек, что земля потряслась под ним. Претерпеть в чистейшей непорочности все мучения, внутренние и внешние, тягчайшие и поноснейшие, и претерпеть вместо награды за соделанные благодеяния; страдать Всесвятому от пребеззаконных, Творцу от тварей; страдать за недостойных, неблагодарных, за самых виновников страдания; страдать для славы Божией, и быть оставлену Богом, – какая неизмеримая бездна страданий!

Боже наш! Боже наш! вскую оставил еси Возлюбленного Твоего? – Ей, Господи! Ты оставил Его в мале, дабы на веки не оставить нас, Тебе оставивших. Отныне Он *воцаряется; облачается в лепоту, препоясается силою, и утверждает вселенную, да не подвижится* (Псал. XCII. 1). *Вознесенный от земли крестом*, Он простирает его на землю, и *вся привлекает к себе на небо* (Иоан. XII. 32).

Но сколь ни велика и Божественна все привлекающая сила Иисуса Христа, Он не иначе может *влещи нас в след Себе* (Песн. I. 3), как чрез водружение креста Своего в нас и

сопряжение с Его крестом Креста нашего. *Иже хочет по Мне ити*, глаголет Он, *да возмет крест свой и последует Мне* (Лук. IX. 23). Ибо хотя заветною Своею кровию и крестом Своим совершил Он очищение от грехов и от проклятия искупление всего мира, и отверз нам вход во святая святых; но поелику туда не входит ничто, кроме жреца и жертвы, то мы должны, яко жертву, предать себя в руки сего великаго, *по чину Мельхиседекову*, Священника; поелику клятва есть плод греха, грех же утверждается своим корнем в свободной воле, то, для усвоения себе очищения и искупления правды и благословения Христова, мы должны свободно предать волю свою крестному в нас действованию Христову. Для сего-то те, которые истинно постигли заключенную в слове крестном силу Божию, «столь часто и примером и словом поучают нас»⁷ *сораспинаются Христу, распинаться миру, распинать плоть со страстьми и похотьми, не жить себе самим, исполнять лишение скорбей Христовых во плоти нашей* (Рим. VI. 6; Гал. VI. 14; V. 24; Рим. XIV. 7; Кол. I. 24).

Чем неослабнее и терпеливее мы носим бремя креста нашего, тем обильнее подаются нам дары Божии, приобретенные крестом Христовым: *якоже избыточествуют страдания Христова в нас, тако Христом избыточествует и утешение наше* (2 Кор. I. 5). Грешник, который от усиленного ношения креста своего переходит наконец к распятию себя на нем, с совершенною покорностию подвергаясь всем действиям очистительного правосудия пред лицом распятого Иисуса, вскоре услышит с разбойником радостный глас Его: *днесь со Мною будеши в раи*. Страдание в присутствии Христа, и по образу Его, есть преддверие рая.

Как видимый, вещественный крест есть державное знамение видимаго царства Христова, так крест таинственный – печать и отличие истинных и избранных рабов невидимаго царствия Божия. Он есть драгоценный залог любви Божией, жезл Отчий, не столько наказующий и сокрушающий, сколько *пасущий и утешающий* (Псал. II. 9; XXII. 4), очистительный огонь веры, спутник надежды, укротитель чувственности, победитель страстей, возбудитель к молитве, страж чистоты, отец смирения, наставник мудрости, пестун сынов царствия. Где воспитаны все великие Ангелы, водители и хранители Церкви, – Иосифы, Моисеи, Даниилы, Павлы? – В училище креста. Когда благословеннее вся Церковь возрастала, процветала и приносила плод во святыню? – Тогда, как вся нива Господня непрестанно раздираема была крестом и напаяема кровию мучеников. Кто суть те, которые окружают славный престол Агнца? спросили Иоанна в видении. – *Сии облеченнии в ризы белыя, кто суть, и откуда приидоша?* и когда он не мог узнать их в Божественной славе сей, то ему сказано, что то были запечатленные крестом: *сии суть, иже приидоша от скорби великия* (Апок. VII. 13 и 14).

Кто же суть те, которые желают *испразднить крест Христов* (1 Кор. I. 17) и мнят *уразуметь силу воскресения Его без сообщения страстей Его* (Фил. III. 10)? Если един Христос есть и *живот и путь* (Иоан. XIV. 6) к животу, то как могут они достигнуть *живота* Христова, не шествуя *путем* Его? Могут ли изнеженные сии члены быть в союзе тела, которое *счиневает себе* увенчанная тернием *Глава* (Ефес. IV. 15 и 16)? Можно ли членам быть в покое и безопасности, когда глава в труде, и в язве, и во озлоблении; забываться в шумных радостях, когда она объята болезнями смертными; упиваться из полной чаши мирских удовольствий, когда она жаждет и вкушает оцет; превозноситься, когда она преклоняется; не хотеть ниже минуты поболеть о собственных грехах и беззакониях, когда она за чуждыя страждет и умирает; жить миру и плоти, когда она предает дух свой Богу?

О, человек, влекомый благодатию Господа твоего на небо, но погрязающий плотию в мире! виждь образ твой в человеке, погружающемся в водах и противоборствующем

потоплению: он непрестанно возобновляет в членах своих образ креста, и таким образом преодолевает враждебные волны. Воззри на птицу, когда она желает вознестись от земли: она простирается в крест и взлетает. Ищи и ты в кресте средства изникнуть от мира, и вознестись к Богу. *Слово крестное спасаемым сила Божия есть. Аминь.*

VI.

6. СЛОВО

пред погребением тела светлейшего князя

Михаила Иларионовича Голенищева-Кутузова Смоленского.

(Говорено в с.-петербургском Казанском соборе, в присутствии

их императорских Высочеств государей великих князей

Николая Павловича и Михаила Павловича, июня 13 дня.

Напечатано отдельно и в собраниях 1820, 1821, 1844 и 1848 гг.)

<1813>

*Благопоспешно бысть спасение рукою его:
и огорчи цари многи, и возвесели Иакова
в делех своих, и даже до века память его
во благословение. 1 Макк. III. 6 и 7.*

Так в деписании сынов Израилевых истина и признательность, совокупясь, старались одушевить чертами славы и бессмертия утешительный образ Вождя, о потере которого *плакал и рыдал весь Израиль плачем велиим*. Не обновляются ли «пред нами» сии древния черты, не кажутся ли оне теперь только взятыми с величественнаго «образа», который наполняет ныне ваши мысли, ваши сердца, ваши чувства, сетующие пред Богом сыны России?.. Приидите, утвердим единодушно на предстоящем гробе столь давно готовое и никогда не обретавшее столь приличнаго места надгробие:

Благопоспешно бысть спасение рукою его: и огорчи цари многи и возвесели Россию в делех своих, и даже до века память его во благословение.

Итак, он был для нас поспешником *спасения*: и мы ли для него закоснеем в бесплодном чувствовании потери? *Огорчая* врагов, он был нашим *веселием*: и мы ли неутешною о нем печалию нарушим его торжественный покой и возвеселим врагов наших? Его память *даже до века во благословение*: и где же время жалоб и стенаний? Не отступай от нас, бессмертная память мудраго и сильнаго Богом Вождя; утешай нас благословением и похвалами тебе сопутствующими; сокрой, если не можешь исцелить, или, по крайней мере, укрась нашу скорбь, да не будет она оскорблением Бессмертному!

Но нет, и цветы сельные не сияют под бурным небом, и плоды не созревают среди дождей: и среди бури смертной, под слезным дождем, не созревают, ниже процветают похвалы бессмертных. Чем обильнее было сеяние, тем долее не соберется жатва: и слабая рука не свяжет рукояти олив и лавров.

Обратимся к матерним внушениям Церкви, да наставит нас, и облегчить бремя, и совершить долг настоящего торжественного сетования. Она допускает благословение и похвалу, сопровождающая память блаженно-усопших, восходить на сие священное место для того токмо, чтобы они поучали оставшихся; позволяет славе смертных, достигших бессмертия, приближаться к алтарю для того, чтобы преклонить ее пред славою Живущаго во веки веков; хошет непременно, чтобы мы здесь, *возверзая на Господа печаль* (Псал. LIV. 23) о умерших, возносили Ему в жертву и наши в них утешения.

«Не поколеблемся убо над оплакиваемым поспешником видимаго нашего спасения превознести Единого невидимаго Виновника всякаго спасения»³. *Господне есть спасение* (Псал. III. 9). *Господь с сильным крепостию* (Суд. VI. 12), избирая его и наставляя, искушая и сохраняя, возвышая и венчая, даруя и взяв от мира. Вот истина, которую ныне, к наставлению нашему, мы можем созерцать в ея собственном свете и в зеркале времен протекших, – к утешению в лице и деяниях Михаила, бессмертного архистратига Российскаго, светлейшаго князя Смоленскаго.

Мы не желаем затмить твоея славы, светлейший муж, мы желаем три кратно озарить ее вышнюю славою: ибо какая участь на земле и на небесах может быть величественнее, – как быть избранным, уготованным, благоприятным и преукрашенным орудием руки Вседетельной? Ты не будешь пререкать нашей беседе; или, паче, ты сам начнешь ее: ибо еще отзывается в сердцах наших оный глас твой, когда на пути побед и славы, обратясь к Престолу и отечеству, дабы поведать о чудесах брани, ты поверг славу земнаго вождя пред Вождем небесным и воскликнул: «*Велик Бог!*»⁴

Воистину *велик Бог!* И един Он велик и в великих и в малых земли. Если стихийное даже мудрование повелевает искать величия там, где соединяются мудрость, благодать и могущество, то где найдут человеки внутреннейшее средоточие сего единения, и первоначальный источник сих совершенств, кроме единого Триипостаснаго, Который от Своего исполнения дарует мудрость их помышлениям, благодать хотениям и мощь действию? – Вера научает не столько исследовать, сколько чувствовать и со смирением взывать к Отцу небесному, *яко Его есть царство и сила и слава*; и между тем как некоторые из нас, христиане, каждый день исповедуют с Церковию сие вседержавное *царство* с таким чуждением, как удаленные от престольнаго града обитатели весей беседуют о делах державных – те, которых искреннее желание служить Богу приближает к Его невидимому престолу, – видят, ощущают во глубине души своей, и не только покорствуя власти сущей от Бога, но и будучи сами властителями языков, подобно царю Израилеву, пред целым светом глаголют от избытка сердца: *яко Господне есть царствие, и Той обладает языки* (Псал. XXI. 29).

Царство Господа – *царство всех веков, и владычество Его во всяком роде и роде* (Псал. CXLIV. 13). Преходящая владычества человеческия совокупно и повременно являются на позорище света для того, чтобы служить сему невидимому царству; и сильные земли чредою изводятся стрещи стражбы его. Связав природу необходимостью и *оставив человека в руке произволения его* (Сир. XV. 14), великий Художник мира простирает свой перст в разнообразное сплетение событий естественных и свободных деяний, и таинственным движением то неких сокровенных нитей, то видимых орудий образует и сопрягает все в единую многохудожную ткань всемирных происшествий, которую время развертывает к удивлению самой вечности. Различные состояния земных гражданств непрестанно направляются Провидением к тому, чтобы оне уготовляли в себе граждан небесам: для сего действует оно и чрез общество на человека и взаимно чрез человека на общество; для сего *языки, шатающиеся и возстающие на Господа, пасутся жезлом железным, и яко сосуды скудельничи сокрушаются* (Псал. II. 1, 2 и 9), обращающиеся

возсоздаются и насаждаются (Иер. XVIII. 9), *искушаемые проводятся сквозь огонь и воду, твердые в испытании вводятся в покой* (Псал. LXV. 12); для сего *возносятся избранные от людей Господних* (Псал. LXXXVIII. 20), крепкие, предопределенные сотворить волю Промысла, *поддерживаются за десницу* Десницею Всесильною, которая *уравнивает пред ними горы, и врата медная сокрушает* (Исаии. XLV. 1 и 2); и между тем, – *да смирится высота человека, и вознесется Господь один* (Исаии. II. 17), – жребий многочисленнейших народов долго иногда скрывается в неизвестной руке единого смертного, а судьба каждого сильного земли слагается из неисчисленных случайностей, которых никакая человеческая мудрость – объять, никакая земная сила – покорить себе не может.

Если сие всеобъемлющее Владычество Божие подвергает нас некоторой судьбе, то судьбе премудрой. Если оно, повидимому, налагает узы, то разве на своеволие и буйство. Если уничтожает, то единственно тех, которые думают быть сами творцами своего величия, мечтают *взйти выше облак и быти подобны Вышнему* (Исаии. XIV. 14). Если же оно и возносит жребий нечестиваго, то не иначе разве как возносится жезл, который вскоре поразит некоего виновнаго, сокрушится, и отвержется. Напротив те, которые сами ничего не ищут, кроме славы Божества и блага человечества, обретают в покорении себя Промыслу свою надежду и безопасность, в Его власти – основание своего могущества, в Его славе – источник своего величия. И каких чудес премудрости и благодати не творит Он для совершения в их начинаниях Своих собственных намерений! Он призывает на них еще прежде, нежели они взирают на свет, и от начала до конца их течения блюдет их, яко зеницу ока, украшает дарами природы, наставляет примерами, умудряет опытами, очищает искушениями, благоденствием укрепляет, провождает в путях света, предводит стезями мрака, теснотою *изводит на широту* (2 Цар. XXII. 20), ограждает в опасностях, одушевляет в подвигах, соделывает спасением и радостью народов в жизни, венчает в смерти, наконец в самый гроб сопровождает славою и благословениями.

Человеческому оку не позволено, слушатели, проникать в оную художественную храмину Провидения, где оно творит и уготовляет творцов народного благоденствия; но когда они являются на предопределенном для них поприще и совершают свое служение, тогда слава нерукотвореннаго Божия орудия просиявает купно с премудростию Художника. Воззрите на совершившееся уже спасение какого-либо народа, – вы увидите всегда в его избавителе спасение Божие.

Народ Божий не имеет отечества; в земле чуждой, под тяжким игом, истомленный работою, вместо награды, осуждается на истребление. В сие время Господь призывает на младенца, поверженнаго на смерть; посылает его во двор того самого царя; воспитывает во всей премудрости того самого народа, с которыми он некогда должен препираться; исполняет его сердце любовью к единоплеменным; раздражает дух его несправедливостями утеснителей; искушает бедствием и почти рабским, после пребывания в царском доме, состоянием; вооружает Своею силою, укрепляет Своим присутствием, – и вы видите Моисея, без оружия победоноснаго Вождя Евреев, *бога Фараонова* (Исх. VII. 1).

Народ Божий в отечестве угнетается иноплеменниками. Но Господь, наказуя, не хочет отринуть людей Своих: Сам *возставляет им судей, и спасает их от руки врагов их* (Суд. II. 18). Так, Ангел является Гедеону, возвещает ему, яко *Господь с ним*: и на утрие сей мирный поселянин собирает многочисленное воинство; но, да будет спасение рукою Божиею, с тремя стами безоружных, побеждает безчисленные полчища врагов – и дарует свободу Израилю.

Народ Божий предается во власть и пленение языков. Тот, который послал сию язву, еще прежде уготовал и врача. Еще Иерусалим не предчувствует своего падения: *но сотворивый грядущая* (Иса. XLV. 11) уже глаголет Иерусалиму: *возградися; нарицай не сущая, яко сущая* (Рим. IV. 17), нарицает не родившагося еще Кира *Своим пастырем и помазанником, обещает повинуть пред ним языки и крепость царей разрушить, да созиждет град Господень и пленение людей Господних возвратит* (Исаии. XLIV. 28; XLV. 1 и 13). И се Кир – покоритель и обладатель Востока, дабы соделаться освободителем Израиля, возстановителем Иерусалима.

Народ Божий без правительства, без закона, окрест Иерусалима – без отечества, окрест храма – без богослужения. Кто бы в сей день гнева мог и помыслить о возставлении низверженного Израиля, еслибы Отвративыйся от него гневом еще раз не обратился к нему милосердием? Бог восхотел – и, подвигнутый священной ревностью, одушевленный примером и наставлением Отца, возстает Маккавей; с горстию истинных сынов Израилевых разсеивает многочисленныя ополчения гонителей веры, очищает святой град, обновляет благолепие храма, приобретает народу Иудейскому могущественных союзников и – да обратится паки к его деписанию – соделывается бессмертным поспешником спасения Божия: *благопоспешно бысть спасение рукою его; и огорчи цари мнози, и возвесели Иакова в делех своих, и даже до века память его во благословение.*

Но почто, желая *видеть дела Божия Промысла, яже положи чудеса на земли*, мы принуждены всегда устремлять взоры наши «в даль»⁵ прошедшаго? Как будто величие Божие *преходит* так же, как *образ мира сего, и царство всех веков* остается наконец только в развалинах древности! Как будто Бог, нарекавший себя некогда для мертвых *Богом живых* (Мар. XII. 27), преобразается для живых в Бога мертвых, и мы уже не можем *видети благая Господня на земли живых!* О мир, враждующий на Бога и тогда, когда его исповедуешь! ты соглашаешься искать Его в отдалении времен – и не хочешь *осязать Его, недалеко от единаго коегождо нас суща* (Деян. XVII. 27). Уступаешь Ему чуждую для тебя область прошедшаго – и желаешь в настоящем воцарить слу^лчай, или обоготворить разум и самыя страсти человеческия. Если ты не можешь слышать, как непрестанно *день дни отрыгает глагол* присносущной славы Божией – приткни хотя единожды, как сей безмолвный гроб вещает о ней сему алтарю, и настоящий день отвечает прошедшим, яко един есть *сый, и иже бе, и грядый – Вседержитель* (Апок. I. 8).

Не минута нечаянности сближает пред нами, слушатели, память бессмертнаго Михаила с памятию бессмертнаго Маккавея. Церковь предварила сей союз их своим желанием и предчувствием: Промысл оправдал ея желание событием. Вы помните оный благознаменитый день веры и любви к отечеству, когда подвигнутая опасностию его Церковь взывала к вам, именитые Россияне, пред сим самым алтарем, *да воздвигнет из вас Господь новых Маккавеев*⁶, и кто, кроме Провидения, или управил желание Церкви к предопределенному событию, или устроил событие по ея мольбе? Кто, на глас сего желания и мольбы, воздвигнул мужа, котораго деяния и судьба не могут точнее быть изображены, как деписанием Маккавея? Кто повелел, чтобы даже имя сего мужа соответствовало имени Маккавея, и оба имени сии, подобно как оба сии мужи, возглашали единое славословие: *кто, яко Бог*⁷? Но возвратимся по пути жизни Смоленскаго, до его исходищ, и осяжем напечатленные на нем следы Провидения.

В дарах естественных человеку ниспосылается первое напутствие для жизни его и открываются начальныя черты его предопределения. Еслибы мы умели вернее слагать и разрешать сии трудныя черты и читать в началах последствия, то давно бы можно было узнать в Михаиле человека запечатленного природою, или паче Творцем ея, к великому

назначению. Сей ум, в котором и высокие знания и приятные искусства, не стесняя друг друга, находили свое место, – ум способный, в одно время, составлять чертеж брани, соображать к единой цели разнообразные отношения союзных и враждебных Держав и легкою ногою измерять зыблущияся стези Дворов, – должен был казаться сотворенным не для одного, но для всех путей общественного служения и славы. Сия твердость, непоколебимая ни страхом, ни скорбью, и благодушная покорность своей участи были предуготовлены для таких подвигов, среди которых поколебались бы тысячи тысяч, еслибы единая глава не сдержала общего бремени. Сия глубокая проницательность и неутомимая осторожность, так-сказать, указывали на змия коварства, с которым наипаче предопределено было браться нашему Михаилу. Но Промысл, который сам благовременно устрояет и уготовляет свои орудия, не являет их прежде времени человекам, которые вместо содействия иногда положили бы препоны его в них намерениям.

Предназначаемый Провидением чрез даруемые человеку способности путь жизни обыкновенно пролагается воспитанием. Воспитание Михаила, будучи подобно воспитанию многих других, может-быть, не предвещало всей судьбы его; но совершившаяся судьба его заставляет с уважением воспоминать о его воспитании. Оно заключалось, слушатели, в пределах отеческого рода и отечественного святилища воинских «званий»⁸. Так новою благостию Провидения избранный сын отечества предохранен от суеверного уничтожения пред идолом иноземного просвещения и образованности; отечеству предоставлена сугубая слава иметь Смоленского и никому за него не быть обязанным: а родителям и воспитателям остался от сего воспитания тот важный для наших дней урок, что не иноплеменное наставление производит достойных сынов отечества.

Рано изшел Михаил из рук обыкновенных наставников⁹, как бы для того, чтобы сохранить цветущий возраст и неутомленные способности для труднейшего и необыкновенного к необыкновенному назначению образования. В самом деле, он был изведен на такое поприще, где, – между тем как воспитание юности его приносило возжеленные плоды, и его любовь к отечеству ознаменовывалась постепенно рвением и подвигами, – его дарованиям отверсто было высшее и единственное училище великих мужей, училище живых примеров, опытов и опасностей. Задунайский, Таврический, Рымнинский были то руководителями его деятельности, то свидетелями его доблестей, то светильниками его умозрений. Он шел пред лицом или о страну сих вождей, в знаменитых битвах, иногда вознося победу на грозные укрепления городов и ополчений, иногда устремляясь к ней чрез преграды, поставленные природою, иногда удерживая оную мужеством, иногда уловляя решимостию, и, – если для ироя нужно свидетельство ироя, так же как и для мудрого важен суд мудрых, – имел то преимущество, что вождь, который паче прочих любил и насаждать и собирать свои лавры собственными руками, нарек его своею десницею¹⁰.

Но, дабы удержать слово наше в пределах, ему предначертанных, не снидем, слушатели, во все следы нашего ироя на том бранном поприще, где он хотя из зрителя незабвенных примеров соделался уже примером для многих, но не отделился еще от сонма вождей, как безпримерный, и где мы увидели бы его более в блеске славы человеческой, нежели под осенением славы Божией, явившейся над ним наипаче в последние дни его. Не будем разсматривать тех победных венцов, которые без сомнения были бы достаточны украсить иную главу, но на челе Михаила становятся едва приметными под великим венцем последним. Напротив остановимся и возблагодарим пред оными священными отличиями, которая некогда возложило на него Провидение, указуя своего избранного. Я говорю о его чудесных ранах, которые без сравнения более должны были возбудить к нему

внимание глубокомыслящих, нежели как наружные знаки достоинства и чести привлекают взоры легкомыслия. Сей ревностный поборник браней отечества, подвизаясь за его безопасность, не хочет примечать опасностей собственных; и смерть двукратно проходит сквозь его главу¹¹, как будто бы оружие Агарян особенно искало сих очей, в которых просиявала прозорливость, и сея главы, в которой созревала мудрость, толико для них после страшныя. Какія пререкаемая знаменія! Те, которые видели язвы сии, еще открытыя, думали, что в последний раз видят сего язвеннаго; те, которые слышали, что он еще живет, не верили язвам его, доколе не осяжут. Но когда Бог двукратно возвратил ему и жизнь и невреденную целостъ духа и тела, когда самую болѣзнь первой язвы поставил его на новую стезю совершенствованія, чтобы он, ища здравія, обрел новый источник полезныхъ знаній въ путешествіи, въ обозрѣніи благоустроеннѣйшихъ государствъ свѣта, въ собесѣдованіи съ прославленными во языкахъ мудрецами брани¹²; тогда верующіе Провиденію должны были *соблюдать глаголы сии, слагая въ сердцахъ своихъ*, колико драгоценна глава сия Небу, и какого высокаго служенія оно ждетъ отъ нея, обдержа и соблюдая ее столь высокою мышцею!

Впрочемъ, после столь знаменательныхъ приключеній судьба Михаила долго хранилась подъ множествомъ печатей, которыя, отъ времени до времени раскрываясь, представляли ее въ различныхъ видахъ: всегда предуготовляли, но и всегда утаивали тайну его послѣдняго назначенія. Уже мечъ его или покоится, или только блистаетъ, не имея кого поражать¹³. Не разъ шествуетъ онъ съ оливою къ союзникамъ своихъ государей или для утвержденія и украшенія новаго міра, или для обновленія древней дружбы¹⁴. Не разъ является посреди отечественныхъ областей неутомимымъ блюстителемъ ихъ внутренняго благоустройства и спокойствія¹⁵. И наконецъ, принеся тремъ самодержцамъ и отечеству въ дань благоговенія и долга лучшія лѣта жизни, онъ уже начинаетъ, по видимому, преклоняться отъ трудовъ общественныхъ къ покою семейственному¹⁶. Следующее токмо время могло показать, что будучи преносимъ изъ области въ область отечества, изъ страны въ страну Европы, онъ руководимъ былъ невидимо къ совершеннѣйшему познанію отечества и Европы, между которыми долженъ былъ стать единственнымъ пределомъ и, взвесивъ, подвинуть ихъ сопротивныя взаимно силы; и что высокій путь подвижника отечества скрывался наконецъ въ смиренныхъ сеняхъ веси для того, чтобы торжественнѣе открылось позорище для ратоборца Европы.

Вдругъ скипетръ Александра указываетъ ему обширнѣйшее поле дѣйствованія и воздвигаетъ его въ помощь, великой некогда, союзной державѣ противъ возрастающаго исполина, который на развалинахъ престола, превращенныхъ въ лобное мѣсто, созидавъ новый престолъ, желалъ утвердить и украсить его разрушеніемъ древнихъ и преліяť священные венцы наслѣдія въ тяжелый венецъ насильственнаго преобладанія. Верный подданный, яко праволучная стрѣла, летитъ на намѣреніе прозорливаго и благосердаго Монарха; и когда спасительная скорость помощи предупреждена пагубною опрометчивостію требовавшихъ помощи, когда вождь, пришедшій вспомошествовать сильнѣйшимъ войскамъ, сверхъ всехъ опасеній, видитъ ихъ въ плену, а себя безпомощна, съ частию только своихъ сподвижниковъ, далѣе отъ пределовъ отечества, предъ многочисленнымъ и надменнымъ успѣхами непріятелемъ, тогда-то начинаютъ усматривать отечество и Европа, что Михаилъ уготованъ во главу браней. Не смущенный столь страшною нечаянностію, онъ ведетъ малую свою дружину невредиму предъ лицомъ побѣдоноснаго врага, отражаетъ его, поражаетъ¹⁷, восхищаетъ его корысти, пленитъ пленъ и содѣлываетъ изъ тяжкаго преследователя только бремениносеца своей добычи. Еще по судьбамъ Вышняго не время было сокрушить выю гордаго; но Михаилу дано было узрѣть своего будущаго противоборца, испытать его и бросить въ его сердце первыя семена боязни.

Наконец, приближалась сия мрачная година отечества, для которой Михаил соблюдаем был, яко светильник для ночи. Еще мы думали ходить в тихом свете мира, но всепроницающее око Провидения, сокрытое в небесах¹⁸, уже видело тучи, стремящиеся покрыть Россию от всех стран Европы; и Держащий в руке сердца Самодержцев паки положил очи Александра на испытанного подвижника, и свою *помощь на сильного*. Михаилу вручена брань на Юге, которая, не быв страшна в первых своих действиях, могла соделаться опасною в своем продолжении, когда бы чреватый вероломством Запад, прежде ее окончания, разродился своими чудовищами. Древний победитель и друг Агарян еще раз соделался и победителем их и другом. Поколебав их троекратно сильнейшия полчища, он притворяется бегущим¹⁹, и, обратясь, так сказать, поглощает их вместе с их станом и всеоружием; потом изумленного мужеством его врага сугубо пленяет мудростию, и в то самое время, когда тлетворное дыхание Запада отовсюду воздвигает на нас бурю, он восстанавливает тишину на Юге, ограждает, расширяет наши пределы. Кто уже не видит здесь *Господа с сильным крепостию*? Кто не видит на Юге *возжигаемое светило спасения* (Исаии. LXII. 1) нашего, долженствующее расточить мрак, объемлющий нас от Запада?

Когда мрак сей отяготел над некоторыми странами отечества, — глас Божий, призывающий Михаила к служению спасения, вновь услышался в гласе народа. Чувствуя, отколе происходил сей глас, и покорствуя священной воле отечества, сей многолетний начало-вождь, завоеватель, миротворец, забывает и старость свою, и прежния заслуги, приобретшия ему право на спокойствие и уважение, и приемлет *селликиру*, вместе с дружинами ополчающихся за отечество земледельцев.

Вскоре страшная година искушения преполовляется. Настает время, предуставленное Провидением и воспрнятое Монархом, дабы устремлению слиянных сил едва не целой Европы на единую Россию, изощренному коварною внезапностию, которое не могло быть притуплено иначе, как постепенным уступлением, противопоставить наконец твердый оплот, обновить надеждоу дух утомленного неизвестностию воинства, обратить уклоняющееся лице брани на врага, — и открывается великое поприще Смоленского. Но дерзнет ли далее сие слабое слово тещи путь за сим исполином? Как изобразит оно ту зарю надежд, которая быстро разлилась от края до края отечества вместе с молитвою, что Михаил наречен архистратигом всех сил российских? Как сотворит оно слышан тот неслыханный прежде гром, который он бросил на врага, как скоро ступил на поле брани? Как изъяснит сию проницательность, которая могла предсказать, что *потеря столицы не есть потеря отечества*, после того как две сильные некогда державы в подобном несчастии сего не постигали, но вместе со своими столицами упали к ногам утеснителя? Какая сила языка представит ту силу духа, с которою ветхий днями вождь, принужденный для спасения отечества принести в жертву его древнюю столицу, приемлет на единыя свои рамена все несчастия и жалобы ея жителей, всю скорбь подвизавшихся за нее ратников, все сострадание и опасения отечества, и наконец тяжкия опустошенной Москвы развалины? И кто из вас, слушатели, не упреждал уже меня отселе мыслию и сердцем? Кто из вас не следовал за Смоленским стократно чрез все поприще побед и славы его то желанием, то радостию, то благодарностию, то удивлением? Кто из вас не *возвеселился в делех* сего новаго *Маккавея*, *огорчившаго* трех царей в их собственных лицах, и многих в их вождях, пленившаго тысящи, поразившаго тьмы, избавившаго грады, отмстившаго за нарушенную святыню храмов, извергшаго ужасы злодеяний из отечества, внесшаго ужас праведнаго мщенья в страны враждебныя и даровавшаго поработленным надежду освобождения? Кто не уверился, яко Господне *благопоспешно бысть спасение рукою* сего вождя, который шествовал под предводительством священнаго изображения Благодатной *Путеводительницы*²⁰ и вместе с нею величил Бога в величии своего смирения?

Если что еще оставалось Провидению совершить для сего поспешника даруемого нам спасения после толиких подвигов, в которых он сотворил всю волю Его, то даровать ему такую кончину его течения, в которой *благословляющие память его* на земли вновь узрели бы над ним благословение свыше. И какая кончина, слушатели! С какою небесною точностию измерено и определено время ея от начала его последнего служения: четыре луны – поборник отечества в пределах его; четыре луны – каратель неистовых утеснителей в их владычестве, и, как скоро исполнил меру своего мщения до сего равновесия, – сын покоя вечнаго²¹! Как венчаемый победоносец, он возьмется среди непрерывных победительных восклицаний предводимаго им воинства; как благословляемый защитник Церкви, он сопровождается в своем исходе величественнейшим торжеством ея, и проходит мрачную дверь смерти среди светлых дней Воскресения²². Он скончался тогда, когда не род его только, не отечество едино, – целая Европа чувствует, что его лишается, и священный помазанник Божий не скрывает слез своих о нем от очей своего народа²³. Между тем сам Бог подвизает сердца народов, чтобы торжественное возвращение в отечество, свойственное бессмертному победителю, совершилось над смертными останками его: и сей гроб прошел обширные страны иноплеменные и отечественные с такою славою, какая никогда с толикою свободою ревностию, с толиким единодушием не была приносима победителям в их жизни. Тако, если Смоленский не жил никогда для себя, но всегда для отечества и Провидения, то Провидение даровало ему кончину – для него самого.

Дивный в судьбах Твоих Господи! воистину Ты Сам был неотступно с сим избранным Тобою *сильным крепостию*, и *благопоспешил спасение наше рукою его*: и Ты *отъял, еже дал* (Иов. I. 21) еси, дабы не почивали на видимых дарах Твоих наши легкомысленные чаяния, но возносились к Тебе, к Нему же *вся чают*. Да будет воля Твоя, Отче небесный, и да внесется неоцененный дар Твой в сокровища славы Твоей. По милости же Твоей и истине Твоей, соверши над нами простираемая к нам доселе щедроты Твои, да не когда паки *рекут о нас языцы: где есть Бог их?* Призри на правду нашего дела, на страдания толь многих народов, на возведенные к Тебе, *отнюдуже приходит помощь* наша, очи России, на слезы кроткаго Помазанника Твоего, и даждь, да егда днешь, яко же древле, возьмется на небо преоруженная силою Твоею *колесница Израилева*, и едина обетшавшая *милоть* остается пред нами на земли, – даждь, да снидет *сугубый дух* Илии (4 Цар. II. 12 и 15), – огненный дух ревности, мужества и крепости на поборников славы Твоей и поспешников спасения нашего.

Россияне! вы все единодушно желаете, чтобы дух, данный Смоленскому, не преставал ходить в полках наших, и почивать на вождях наших. Нет лучшей сего похвалы для отшедшаго; нет лучшего наставления для оставшихся сынов отечества. Аминь.

1814 год.

VII.

7. СЛОВО

о гласе вопиющего в пустыни

и на воспоминание происшествий 1812 года.

(Говорено в Троицкой домово́й князя А. Н. Голицына церкви, января 18;

<1814>

*Глас вопиющего в пустыни: уготовайте
путь Господень,
правы творите стези его.* Мар. I. 3.

Блаженная пустыня, в которой слышен столь возжеланный глас! Возжеланный глас, которым возвещается приближение Господа! Ибо если повелевается *уготовать путь Господень, и правы творить стези Его в пустыне*, то конечно Господь не далек от нея и желает посетить ее. Посему-то и Пророк Господень приветствует ее радостию и веселием: *радуйся пустыня жаждающая, да веселится пустыня, и да цветет яко крин* (Исаии. XXXV. 1).

Что пред сею пустынею и гласом ея, хотя впрочем не столько глаголющим в мире, сколько *вопиющим* в трепетном благоговении, – что пред ними молва и смятение человеческих обществ, что шум и рассеянность города, который едва ли где и когда бывает лучше, нежели каким видел его пустынелюбивый царь: *видех беззаконие и пререкание во граде; днем и ноцию обыдет его по стенам его; беззаконие ||и труд посреде его и неправда; и не оскуде от стогн его лихва и лесть* (Псал. LIV. 10–12). И кто не пожелает с Давидом удалиться бегая, и водвориться в пустыни, так чтобы тамо чаять Бога (8)? Кто из тех самых, которые любят находить препятствия в искании Бога, не возкорбит по крайней мере о том, что не может исторгнуться от суеты и крушения духа, и не имеет крил, яко голубиных, да полетит и почует?

О, еслибы Господь даровал нам ныне, хотя на краткое время, снити внимательною мыслию в лежащую пред лицом Его пустыню, приять сердцем глас предваряющей благодати Его, да в умилении подвигнемся на уготовление пути Его!

Глас вопиющего в пустыни: уготовайте путь Господень, правы творите стези Его.

Когда Евангелие, дабы обратить очи ваши на путь Господень, оглашает вас *гласом пустыни*, – да не возмнит кто из вас, «христиане»¹, будто вас хотят без различия похищать из жизни общественной и влещи к Иоанну Крестителю в некую ненаселенную страну Иорданскую. Пророк, издалеча слышавший и предвозвестивший глас *вопиющего в пустыни*, явленный в Иоанне, без сомнения, имел пред очами нечто более, нежели одну Иорданскую пустыню. *Всяка дебрь наполнится, и всяка гора и холм смирится; и будут вся стропотная в право, и острая в пути гладки, и потом явится слава Господня* (Исаии. XL. 4 и 5): так изображает Исаия преобразование своей пустыни. Но пустыня Иоаннова и в явление Господа Иисуса, и после, оставалась также дикою, как была прежде.

Какая же то пустыня, в которой Пророк слышал глас, возвещающий приближение Господа? – Вотще терялись бы мы в разнообразии времен невозвратных и мест недостижимых, для обретения оныя. Напротив, она не столько удалена, сколько не примечаема, и усматривается чрез восхождение от чувственного к духовному, от человеческого к Божественному. Что есть пустыня в обыкновенном понятии человеческом, для ока чувственного? – Место, необитаемое и невозделываемое человеками, хотя бы оно было исполнено зверей и других живущих тварей. Отселе да разумеем, что есть пустыня для взора духовного, для ока Божия? – Когда страсти, свойственные естеству зверей, и пожелания скотския, возобладав человеком, удаляют от него всякую духовную мысль, всякое чистое желание, всякое благое дело и, так сказать,

опустошают высшую область его природы, – что тогда есть душа его, как не пустыня дикая? Но когда число таковых животных человеков столь велико, что весь состав человечества, по Слову Божию, есть *плоть* (Быт. VI. 3): совершенные же духовные человеки реже на земли, нежели классы, оставшиеся на пожатой ниве, – то что есть и целый мир пред очами *Отца духов* (Евр. XII. 9), как не бесплодная пустыня? Наконец, когда самый град Божий на земли оскудевает сынами вышнего Иерусалима, и попирается язычниками; когда избранный вертоград Возлюбленного приносит вместо гроздия терние; когда людие Господни *оставляют источника воды живыя* – Господа, чтоб *ископать себе кладенцы сокрушенные* (Иер. II. 13), возмущают или преграждают чистый ток небесной истины, но потом истаевают неутолимою жаждою над горькими потоками земной мудрости, – что тогда самая Церковь, как не пустыня жаждущая?

И в сии ли неустроенныя, оставленныя, непроходныя пустыни пролагает себе путь Господь славы и велелепоты? Исходит от блаженных селений небесных и грядет посетить землю, грехом и проклятием опустошенную? Оставляет сынов дома Своего – чистых духов, питающихся светом лица Его, и поспешает обрести овца Своего стада, заблуждающее от Него в горах и дебрях? Так! *Господь*, Который самый *потоп населяет* (Пс. XXVIII. 10), не хочет предать конечному запустению ни единого угла своего безпредельного владычества; едиnorodный Сын Божий единою рукою в славном *доме* Отца своего уготовляет *обители* для упокоения спасаемых, другою зиждет *скинию в пустыне* для спасительного прибежища погибающим. И здесь явится слава благодати Его: только всякое ниспадение в чувственность да удержится; всякое возношение гордости да низложится; закоснение в неправде собственной да не препятствует открыться правде Божией; терние и камень – злоба и ожесточение да не препаинают мирного шествия любви Божественной: *всяка дебрь да наполнится, и всяка гора и холм смирится, и будет вся стропотная в право, и острая в пути гладки; и явится слава Господня*. Воздвигнитесь убо, работающие миру неблагодарному, воздвигнитесь от него тайным шествием, подобно как древние Израильтяне от Египта; обратитесь и воззрите очами духа на лице пустыни – в вас и окрест вас – ожидающей своего посещения и обновления; видите ея сетующий образ; провидите славу, ей обещаемую; и, *аще услышите глас Господа, сотрясающего пустыню* (Псал. XXVIII. 8), *не ожесточите сердец ваших* (Псал. XCIV. 8): *путесотворите шествующему по пустыням* (Псал. LXVII. 5 и 8).

Но кто может сказать, что не слышал сего страшного иногда, однако тем не менее милосердаго гласа? – Глас Иоанна Крестителя, призывающий к покаянию и возвещающий приближение Царствия Божия, не есть единственный *глас вопиющего в пустыни*, но повторение многократных и продолжение непрерывных подобных гласов. Еще тогда, как человек, слышав *глас Господа Бога, ходяща в раи*, сокрылся в первый раз от лица его и таким образом открыл первую *пустыню* в самом раю, тогда же услышался и первый *глас в пустыни: где еси?* – глас, который оттоле, в безчисленных отголосках, несется по всем местам и временам, и пронесется до самой вечности, взыскуя погибающих в удалении от Господа. Еслибы не одebelело сердце людей сих, еслибы не тяжело слышали они ушима и не смежали очей своих, то все чувства их непрестанно наполнял бы глас благодати предварающей и призывающей к обращению и спасению: глас отвне – возглашающий в видимой природе; глас изнутри – исходящий из глубины души; глас свыше – нисходящий в Божественном откровении; глас долу – отражающийся в происшествиях мира, движимых перстом Господа и дхновением уст Его.

Глас в природе. Если он мало слышим, то потому самому, что не prestaющ. Привычка слышать его притупила внимание, и его равномерность показалась безмолвием. Безбожник исповедал бы Бога, возрев на небеса, и услышав вещание их, еслибы не родился под ними; каменное сердце разселось бы от стенаний земли, проклятой в делах

человека, еслибы всем бытием своим не было погружено в сии стенания прежде, нежели ощутило само себя. *Небеса*, говорит один из имеющих уши слышати, – *небеса поведают славу Божию так, что не суть речи, ниже словеса, ихже не слышатся гласи их* (Псал. XVIII. 2 и 4), то-есть, нет языка или наречия, на котором бы само собою не выражалось их проповедание. Другой, среди сих торжественных гласов твари славословящей премудраго Творца, открывает болезненные воздыхания *твари повинувшейся суете: вемы, говорит, яко вся тварь совоздыхает и сболезнает даже до ныне* (Рим. VIII. 20 и 22). Сии совокупные гласы и воздыхания твари, – глас от источника первоначального в мире блага и воздыхание из бездны произникшаго зла, глас небесного порядка и воздыхание земного нестроения, глас жизни и воздыхание смерти, глас всеобщаго сохранения и воздыхание всеобщаго истления, – не суть ли, для разумевающих, некий *глас вопиющего в пустыни*, или вопль самой всемирной пустыни, отовсюду гласящий человеку: «кто кроме тебя мог внести зло в творения Всеблагаго? Не ты ли, будучи поставлен их владыкою, соделался их поработителем? Не ты ли превратил царство благолепия в безобразную пустыню и окрест плодов жизни насадил терние и волчцы? Доколе убо и страдешь сам и с собою оставляешь *всю тварь совоздыхать и сболезнавать*? Доколе не обратишься всем существом твоим, да с тобою приблизится и все владычество твое к Единому Виновнику всякаго блага и совершенства, от Котораго ты удалился, но Который еще столь видимо к тебе приближается отовсюду и Своею славою и Своими щедротами? Доколе не *уготавливаешь пути Господня, и правых не творишь стезей Его*»? – Боже мой! еслибы единый мгновенный вздох целыя Твоя твари мог быть измерен внешним чувством, – сколько бурь и громов он бы составил! Но вся тварь непрестанно воздыхает к нашему сердцу, неумолкно вопиет к уму: и мы не слышим, и еще веселимся ея страданием и разрушением!

Глас из глубины души. Сей, может-быть, еще менее слышан, нежели глас внешней природы, потому что и более тонкаго требует чувства, и более глубокаго внимания. Хотя, без сомнения, никто не может лучше *ведать, яже в человеце, как дух человека, живущий в нем* (1 Кор. II. 11), но дух сей не редко уподобляется такому домовладыке, который проводит большую часть времени в открытых храминах своего дома, замечает мимоходящих, приемлет посещающих, беседует, пиршествует; а тайную клеть свою едва посещает, как чуждую гостинницу, не знает сокровищницы своей, и все попечения домостроительства возлагает на рабов и наемников. Мы живем по большей части во внешних чувствах; заботимся о преходящих удовольствиях; мудрость мира, страсти, пожелания управляют нашею деятельностью: между тем, что происходит в душе нашей, что скрывается в таинственной глубине ея, не ведаем, и более стараемся познать других, нежели самих себя; отверзаем все возможные исходы из самих себя, – и ни единого входа внутрь себя. Блажен, кто умеет, по примеру Давида, собирать все свои силы в ту неведомую страну природы человеческой, которая сопредельна с высшими областями духовнаго и Божественнаго, там *открывать ко Господу путь свой* (Псал. XXXVI. 5) и ожидать исходящей от лица Его судьбы своей: *услышу, что речет о мне Господь Бог!* С сей непостижимой для разумения высоты нисходят в сердце верующее и любящее живейшия внушения благодатных ощущений: *яко речет Господь мир на люди Своя и на обращающия сердца к Нему* (Псал. LXXXIV. 9). Но и когда сей *мир Божий, превосходяй всяк ум* (Фил. IV. 7), еще не посетил нас, и тогда не так же ли удобно, или не паче ли еще свойственно гласу Господню достигать до нас прямым путем духа и сердца, нежели окрестною стезею чувств и плоти? Не испытали-ль мы уже иногда, в минуту внутренней тишины, когда утомленные суетою мысли возвращаются от своего разсеяния, когда пресыщенные желания отрешаются от своих предметов, и мы нечаянно начинаем *внимать себе* (1 Тим. IV. 16), – не испытали-ль мы в такое время некой пустоты в духе, некой туги в сердце, в которых таится глубокое и непрестанное воздыхание? Наблюдайте постоянное за сим скрытым ощущением; заключайтесь чаще от мирскаго шума, оное

заглушающего, во внутреннюю храмину души вашей; заграждайте тщательнее все исходы к разсеянию: вы узнаете во внутреннем воздыхании вашем то самое, которому совоздыхает вся тварь; мало-по-малу оно будет разрешаться то в терзающее *рыкание* (Псал. XXXVII. 9), яко льва, то в умягчающее стенание, яко горлицы; и наконец вы услышите истинный *глас вопиющего* во внутренней вашей *пустыни*, возвещающий вам, что хождение в стропотных путях мира и плоти только уязвляет и утомляет душу вашу; что вы напрасно расширяете для нея стези ея изгнаннического странствования, по которым она только более удаляется от отечества небеснаго; что для нея должно искать пути возвращения к Отцу небесному и спасительнаго посещения свыше, *уготовлять путь Господень, и правы творить стези Его*.

Глас в откровении. Между тем как большая часть человеков день от дня тягчае слышали ушима, да не услышат всеобщаго воздыхания твари о свободе чад Божиих, и час от часа более одевалось их сердце, да не уразумеют глаголов сего самаго сердца, которое *взыскует лица Твоего, Господи* (Псал. XXVI. 8), Ты, не хотяй смерти закосневающего даже грешника и неистощимый в средствах к обращению его, подвизался Сам, *да явлен будеши не ищущим Тебе, и обрящеши не вопрошающим о Тебе* (Исаии. LXV. 1). От времени до времени, Ты открывал ухо избранным Твоим, исполнял дух их животворящим словом Твоим, и «устроил»² их яко трубами Твоего гласа, и устами Твоего глаголения к сынам человеческим на языке сынов человеческих. *Многочастне и многообразне глагола еси отцем во пророцех; в последок дний сих глагола нам в Сыне* (Евр. I. 1 и 2), отседе с новым обилием *излиял от Духа Твоего* на Апостолов, *да прорекут*, и чрез них донныне продолжаешь изливать Оный *на всяку плоть* (Иоил. II. 28). Не знаем, Твою ли благодать безпредельную и непостижимую премудрость должны мы единственно прославлять за постепенное распространение Твоих видимых с нами общений, или в тоже время обязаны сознать умножающееся в нас невнимание, и ожесточение, востребовавшее крайних усилий противоборствующих, только сокровище торжественных Твоих откровений, тысящелетиями собираемое, никогда не являлось³ толико для всех открытым, как в сию последнюю годину (1 Иоан. II. 18). Слово, еже заповедал еси с нами от века, и Дух Твой, облеченный Священным письменем, *настоит посреде нас* (Агг. II. 6): оглашает во храмах, беседует в домах, и тогда, как в служение Слова призываются толико нищие дарами апостольства, Ты положил в сердце любящим Тебя, да вновь самих Апостолов – в их писаниях – сопровождают по градам и весям, по чертогам и хижинам, и таким образом во всем пространстве исполнится сказанное: *проповестся сие Евангелие царствия по всей вселенной* (Матф. XXIV. 14). Теперь *глас*, или лучше, совокупность гласов, по временам, по местам, *вопиявших в пустыни*, глас, не только возвещающий, но и являющий приближение Твое, не возбуждающий только ужас пустыни, но и утешающий благодатию ея посещения, не указующий только *стропотная и острая*, но и наставляющий *уготовлять путь Твой, и правы творити стези Твои*, поставляющий нас *рабами, ждущими Господа своего, и девами*, уготовляющимися *во сретение Жениху*, – сей живой и животворящий глас уже простирается по горам отдаленнейшим и достигает в глубочайшия *дебри*. Ты веси, Господи, не конец ли уже великой, всемирной проповеди мы слышим: *проповестся сие Евангелие царствия по всей вселенной, во свидетельство всем языком, и тогда придет кончина*. Ты Един зриши в сей мрачной полунощи, не время ли уже *быти воплю: се Жених грядет, исходите во сретение Его* (Матф. XXV. 6)!

Глас в происшествиях мира. Поелику всякое слово Божие живо и действенно (Евр. IV. 12), и все сущее и действуемое в мире *носимо глаголом силы* Божией (Евр. I. 3): то несомнительно, что во всех происшествиях мира, поколику они суть действия Провидения, заключен глагол Божий, и в особенности в происшествиях, действующих на человека, – глагол Божий, простирающийся к человеку. Опыт и благоговейное внимание к делам Промысла, или, точнее, сам Промыслитель мира отечески вводит чад Своих в

познание сего непреложного языка случайных, повидимому, событий: и чада, не отвергающая наказания Отца, понимают, как благоденствие возвещает им любовь и милосердие Божие; искушения и внезапные избавления поучают верованию и упованию на Провидение; бедствия обличают грех и призывают к покаянию; лишения временных благ и наружных преимуществ проповедуют смирение и самоотвержение; препятствия и преткновения в путях мира и плоти призывают на путь Господень. Но если кто еще не слышит, или не узнает тихаго гласа Божия в приключениях собственной жизни, да не затворит, по крайней мере, слуха и сердца от тех всемирных гласов судеб, которые вдруг поражают племена и народы, наполняют веки, потрясают небом и землею. *Да плачет земля и да помрачится небо* (Иер. IV. 28), вызывает Бог у Пророка, когда все другие гласы призывания, обличения, сетования, угрожения не могли остановить стремившагося к своей гибели народа Израильскаго. Так обыкновенно *глаголет* Бог *суды своя* к языкам преогорчевающим. Он повелевает сему небу, которое поведает славу Его, проповедывать Его гнев и ярость гласом страшных знамений и тлетворных влияний; заповедует сей земле, которая от года до года износит Его благословение, вознести стенания глада и шум нестроения; обрушивает грады и царства, дабы громом падения их пробудить спящих в безчувственном забвении о Нем: все превращает в пустыню там, где *мерзость запустения* (Матф. XXIV. 15) проникла до самого святилища; но все токмо для того, чтобы, погубляя путь нечестивых,⁴ очистить пространство, да *уготовится путь Господень, и правы сотворятся стези Его*.

Глас Господень в крепости! Глас Господень в великолепии (Псал. XXVIII. 4)! Казалось бы, христиане, что нам нельзя и почтить от множества, силы и непрестаннаго взывания гласов, возбуждающих нас обращаться к Богу. Однако в Евангелии назнаменовано время коснения небеснаго Жениха, в которое *воздремаша вся и спяху* (Матф. XXV. 5); и пусть каждый, очистив чувства, испытает оком, и слухом, и сердцем, не все ли окрест нас знаменует сию опасную ночь бездействия и безопасности.

Бог славы гремит (Псал. XXVIII. 3) ныне всеми своими гласами уст, и труб, и громов. Не будем говорить об ударах, которыми *сотрясает* Он всю великую *пустыню* западнаго христианства. Слышите ли вы *глас*, недавно возгремевший и едва еще утихающий в пределах собственной земли нашей, в развалинах, в *пустыне* града великаго? Сей болезненный и смертный глас толь многих граждан, глас разрушения вековых оград, глас поругания храмов, есть ли только действие случайнаго удара? Но рука Провидения не ударяет мимо своей меты; а сия мета назначается премудростию и правосудием. Есть ли сие одно поражение виновных? – Без сомнения, всевидящим судом не наказуются невинные; «но не будем судиями помышлений злых (Иак. II. 4); не осудим братий наших паче самих себя»⁵. В общем бедствии долженствовали пасть и виновные, которым продолжение жизни послужило бы токмо к умножению их преступлений; но могли без неправосудия пострадать и невинные, которых бы страдание более очистило и запечатлело мученичеством, нечаянная кончина только ускорила привести к блаженному концу бытия их и которые, может-быть, спасены таким образом от преткновений, угрожавших им в спокойном продолжении земнаго странствования. – Нет! посещенные тяжчайшими бедствиями не суть виновнейшие нас помилованных, и удар судеб возгремел не на одних тех, на которых низведен он. *Ни, глаголю вам, но аще не покается, вси такожде погибнут* (Лук. XII. 5). Вот глас, который сам Господь научал нас слышать в каждом бедствии общественном. И услышали ли, уразумели ли, прияти ли мы в настоящих происшествиях сие поучение Господне? – Правда, глас помилования и благоволения, которым огласил нас Господь пред всеми языками, свидетельствует о множестве «послушно»⁶ приявших глас наказания Его: смирение в признании вседействующей над нами руки Его, и благотворительность к бедствующим ближним, распространяемая посреди нас действием сильных примеров, являют в нас плод,

достойный покаяния. Но так ли сокрушил сердца наши крепкий глас Господень, чтобы *всякая дебрь наполнилась, и всякая гора и холм смирились*? Не еще ли видны возношения собственности? Не еще ли зияют ненасытимыя земныя желания? Подая требующим, отказываем ли мы себе хотя в некоторых излишествах? Не слишком ли поспешаем заглушать сокрушающий, но вкупе и назидаящий *глас вопиющего в пустыни*, шумом плещущих и веселящихся? Не многое ли пробужденное судом, уже вновь воздремало под сению милости?

Блюдемся, о чада помилования, дабы нерадением о богатстве благодати и долготерпения Божия, толь многократно и многообразно призывающего нас к обращению и переменению жития, вновь не собирать себе гнева Божия, и не предать себя тягчайшему и конечному суду. Помыслим: если ныне, во время благоприятно и в день спасения, не *уготоваем мы пути Господня, и не сотворим правых стезей Его*; то когда явится Сам Он, и от лица Его не токмо горы и холмы, но *побегнут небо и земля*, так что *места не обрящется им* (Апок. XX. 11), где мы тогда обрящемся? – Аминь.

VIII.

8. СЛОВО

в день Сошествия Св. Духа.

(Говорено в Троицкой домово́й князя А. Н. Голицына церкви, мая 18;

напечатано отдельно и в собраниях 1820, 1821, 1844 и 1848 гг.)

<1814>

Исполняйтесь Духом. Ефес. V. 18.

Душа всякаго праздника есть присутствие того, кому празднуют. И для празднующих день Святаго Духа что может быть вожеленнее, как еслибы сей небесный Утешитель «благодатным»¹ наитием посетил Свое празднество? Еслибы Он, хотя уже не огненными языками осиял главы наши, по крайней мере тайною искрою огня своего коснулся наших сердец и воспламенил их ощущением присутствия Божия; подобно как некогда и *косныя, еже веровати, сердца* двух учеников возжигал Он так, что сии самая сердца могли указать им по крайней мере след присутствия Господня: *не сердце ли наше горя бе в нас, егда глаголаше нама на пути* (Лук. XXIV. 32). Благо сие так велико, что, не знаю, можно ли его и просить от *Сокровища благих* без внутреннего содрогания и некоего удивления собственному дерзновению; хотя впрочем Церковь, и каждый день, и в начале каждого молитвословия, приглашает нас молить Святаго Духа, не токмо да *приидет*, но и да *вселится в нас*.

Но чего единое желание толико с нашей стороны трудно, слушатели, то самое, так просто и так щедро, предлагает нам ныне Дух Святый устами Апостола; и не только предлагает, но заповедует, внушает, поставяет законом: *исполняйтесь Духом!*

Коль блаженную, Божественный Павле, но вместе коль чудную и непостижимую ты даешь нам заповедь! *Исполняйтесь Духом*: разве в нашей состоит воле исполняться Духом²? Если сие сокровище столь близко и столь приступно, то почему оно столь редко и неизвестно?

Христиане! конечно между Ефесскими соучениками нашими, «которым учитель языков первоначально дал наставление нами рассматриваемое»³, не было человека, который бы его не разумел в сем случае, и мог бы противоположить ему наши недоумения. Иначе Богодухновенный наставник, без сомнения, предупредил бы совопрошения вразумлением. Так, знали в то время *жаждущие* указанный некогда пророком путь, да *идут на воду, и елицы не имеют сребра, да шедшие купят и ядят, да шедшие купят без сребра и цены вино и млеко*. Ныне, повидимому, и *сребро иждивается не в хлебы, и труд наш не в сытость* (Исаии. LV. 1 и 2). Нам кажется, будто Господь слишком дорого ценит свои блага, и будто не наши мышцы ослабели для принятия, но Его рука сократилась для подавания даров духовных.

Нет! Господь независтно *изливает от Духа своего на всяку плоть* (Иоил. II. 28). Если мы не *исполняемся Духом*, то не даров Его не достает для нас, а нас не достает для даров Его. Да утешатся нищие Духом! Да воздвигнутся немоществующие плотию! Да оправдится Господь во словесех Своих!

Было время, «когда апостолы, преимущественно святые храмы Святаго Духа, не ощущали Живущаго в них. Они»⁴ уже обладали даром чудес, а еще не понимали начала и не примечали направления силы, в них действующей. Дух любви являлся в них духом гнева, и призванные в служение спасения готовы были низвести с небесе огонь потребления. Сама Истина обличала их в столь странном неведении самих себя: *не весте, коего духа есте вы* (Лук. IX. 55).

После, когда тот же Дух, который вначале действовал в Апостолах сокровенною силою, посетив их торжественным сошествием Своим, исполнил ведением и премудростию, они узнали Его столь ясно и столь близко, что решительно различали Его как от собственного, так и общего некоего духа, действующаго в естественных, не возрожденных Духом Божиим, человеках и, может быть, в них самих некогда действовавшего. *Мы же*, говорит один из них, *не духа мира сего прияхом, но Духа, иже от Бога, да ведем, яже от Бога дарованная нам* (1 Кор. II. 12).

Заметим, слушатели, что Апостол не говорит: *дадеса нам дух*, но: *мы прияхом духа*. Как бы так сказал: «известно, что Бог *дает* Своего Духа каждому, кто расположен *принять* Его. Только люди по большей части поработаются и омрачаются *духом мира*. *Мы же* отвергли владычество сего мрачного духа, но приняли духом нашим светоносныя влияния *Духа, от Бога* исходящаго; и таким образом открылось в нас деятельное познание и ощущение даров, от Бога нам предоставленных. *Мы же не духа мира сего прияхом, но Духа, иже от Бога, да ведем, яже от Бога дарованная нам*».

Итак, поверьте не нам, «немощным служителям слова»⁵, поверьте избранным орудиям, посланникам и благовестникам Духа Божия, что, несмотря на некое самостоятельное бытие и свободу человека, он не только может находиться, но и находится обыкновенно под правлением одного из двух начал, или *духа мира сего*, или *Духа иже от Бога*, смотря по тому, которого из них действие на себя свободно *приемлет*. Если вы сего, повидимому, на себе не испытываете, — сие токмо то значит, что *не весте, коего духа есте вы*.

Дабы, по возможности, приблизить к общему разумению сии тайныя отношения духа человеческого к Духу Божию, да будет позволено употребить притчу и гадание, в которыхы сама Божественная истина облакалась не редко, дабы явиться взорам человеков, более или менее чувственных. — Младенец во чреве имеет собственную душу и жизнь; но жизнь его погружена в жизни матерней, ею проникнута, ею питаема, так что, в сравнении с полною жизнью человека, едва может почитаться жизнью: вот образ того состояния, в котором

естественный человек находится в мире. Дух его имеет собственную жизнь и свободу, но тем не менее, будучи во плоти, объят и нечувствительно правим силою мира: он мыслит, но по стихиям мира; желает, но так, как побуждает всеобладающая в мире похоть плотская, похоть очес и гордость житейская; действует, но в тесном и низком круге чувственного; живет, но по духу мира, *в отчуждении от жизни Божия* (Ефес. IV. 18). Впрочем заключение младенца во чреве не есть решительное намерение природы, но токмо средство и путь, которым он ведется к полному бытию; и он должен изыти на свет, узреть красоту мира, вкусить от благ его, познать его Творца: таково и высшее назначение человеческого духа, «объятаго»⁶ плотию и заключенного в мире. *Подобает вам родиться свыше* (Иоан. III. 7), – *подобает*, ибо сие, по намерению Божию, не случайный токмо жребий некоторых, но утвержденный закон и предопределение всего человечества, к которому вся естественная жизнь служит токмо приготовлением и переходом. Узник мира должен быть *изведен из темницы* своей – *исповедатися имени Господню* (Псал. CXLI. 8), *просветиться* светом Христовым, *вкусить дара небеснаго и силы грядущаго века* (Евр. VI. 4 и 5) в течении еще настоящего века, *приятъ* в самом мире Духа, *иже от Бога*, начать на земли дышать небесным воздухом. И как раждающийся младенец, отрешаясь от жизни матерней, не имеет труда искать новой жизни своей, но в себе самом носит источник деятельности, непрестанно развивающейся и усовершенствующейся, вкруг же себя всюду находит воздух, нужный для своего дыхания: так, влекомый благодатию от мира и призываемый к вышнему рождению, человек ближе находится к области новой жизни, нежели думает; ибо мы только можем быть далеки от Духа Божия, а Дух Божий не может быть далек от нас. Сей Дух, по словам Премудраго, *сквозе вся проходит духи* (Прем. VII. 23), «будучи»⁷ неприкосновен во святыни своей и вездеприсущ своею благодатию: он изливается на всякую силу и способность, предающуюся его действию, и в самом сердце ветхаго человека отверзает источник новой жизни. *Веруяй в мя*, рек Податель Духа, *реки от чрева его истекут воды живы*. Сие же, присовокупляет возлюбленный ученик, изъясняя слова небеснаго Учителя, *сие же рече о Дусе, Егоже хотяху приимати верующии во имя Его* (Иоан. VII. 38 и 39). Наконец, вот важная разность между рождением естественным и духовным: первое достигается и совершается необходимым шествием природы, а последнее свободным стремлением к Богу веры во Христа. *Веруяй в мя, якоже рече писание, реки от чрева его истекут воды живы*. И для чего целыя *реки от единого чрева*, когда единыя капли от исполнения благодати довольно, чтоб оживотворить сонмы духов? – Для того, как рекло Писание, чтоб явить презельное богатство благодати, по которой Дух Святой не токмо наполняет, но и преисполняет меру нашей готовности к принятию Его и, так сказать, более нам дарствует, нежели мы приемлем.

Нам ли убо, чада веры, не познавать присутствия посреди нас Духа Святаго и вопрошать о Его владычестве: где оно? А еще до торжественнаго сошествия Его на царство веры чада закона ощущали вездесущую и вседействующую силу Его столь живо, что нигде не могли скрыться и почить от благоговейнаго ужаса! *Камо пойду от Духа Твоего* (Псал. CXXXVIII. 7)? восклицал Давид. Нам ли недоумевать, как самодеятельный дух человеческий может стоять под непрестанным действием Духа всемогущаго? А еще во времена Иова разумели, что *дух есть в человецех, дыхание же Вседержителево есть научающее* (Иов. XXXII. 8)! Нужно ли припоминать и собственное наше исповедание, столь часто по гласу Церкви возобновляемое, которым, вводя себя в молитвенное приближение к Богу, возвещаем вездесущую и всеисполняющую силу Духа Его? – *Везде сый и вся исполняяй!*

Вся исполняяй! Но почто же не все Им *исполняемся*? – Видно, что самих себя должно вопрошать о сем.

Можно ли нам *исполняться Духом*, если плоть, непрестанно враждующая на духа, не находит в нас никакой преграды своему владычеству? Если в ее пресыщении, упоении, наслаждении мы угашаем даже свойственный духу нашему голод слышания слова Божия и жажду правды? Если мы токмо и живем в сию плоть, в которой, как по собственному опыту нас уверяет человек Божий, совсем *не живет доброе* (Рим. VII. 18)? В таком случае мы сами течем под тяжкий суд Божий, изреченный на первый мир: *не имать Дух Мой пребывати в человецех сих во век, зане суть плоть* (Быт. VI. 3). *Еже бо аще сеет человек, тожде и пожнет: яко сеяй в плоть свою, от плоти пожнет истление, а сеяй в дух, от духа пожнет живот вечный* (Гал. VI. 7 и 8).

Можно ли нам *исполняться Духом Божиим*, если мы сами одушевляем себя токмо духом сего мира? Если только его стихийною мудростию исполняем наш ум, только его прелестями оживляем наше воображение, только его страстями возбуждаем наше сердце, только его законами правим нашу волю, только ему стараемся угодить нашим действием? Если лучшие наши чувствования и самые добродетели заражены тлетворным дыханием «духа мира»⁸: любовь пристрастием, снисходительность ласкательством, благородство гордостью, трудолюбие корыстолюбием, благотворение тщеславием, достоинство презрением других, подвиги честолюбием? Токмо те могут прияти Духа, *иже от Бога*, которые *не прияли духа мира сего*, «или изгнали его»⁹, *не любя мира, ни яже в мире* (1 Иоан. II. 15).

Можно ли нам «*исполняться*»¹⁰ Духом Святым, если мы еще преисполнены сами собою так, что нет в нас ниже столько упраздненного и очищенного места, куда бы хотя капля всенапаяющая воды, по всей долготе и широте времен и мест *текущая в живот вечный* (Иоан. IV. 14), могла укануть и не превратиться в брение нашим самолюбием и греховными останками? – Наша нечистота есть оплот, которым заграждаем мы от себя токи Духа Господня, подобно устремлениям весенних вод, *посланного* всюду *созидать* новую тварь и *обновлять лице земли* (Псал. CIII. 30), но то не есть еще и гнев, а паче милосердие Божие, что сии токи не проторгаются в души недостойныя, ибо святая и освящающая вода жизни, упавши на нечистое, вспылала бы огнем всепожаряющим.

И, посему, да не сетуют на Духа Господня и те, которые, хотя всеми силами отвергаются плоти, мира и самих себя и с духовною *жаждою* приходят ко Христу, однако *не пьют* еще от источника благословений, не ощущают в себе утешительного присутствия благодати освящающей и обновляющей, или, ощутив мгновенно, теряют оное. В Евангелии написано, что некогда, между тем, как Сам Иисус Христос проповедывал о Дусе, *Егоже хотяху приимати верующии во имя Его, не у бе Дух святой*¹¹ приемлемый, *яко Иисус не у бе прославлен*. В другом месте Он говорит ученикам Своим, что и после неизменного Ему последования надобно прежде искушенным быть лишением видимаго присутствия Его и потом уже взыти к таинственному общению Духа Святаго: *уне есть вам, да аз иду. Аще бо не иду аз, Утешитель не придет к вам; аще ли же иду, пошлю Его к вам* (Иоан. XVI. 7). Даже по воскресении Его, когда Ему *дадеса всяка власть на небеси и на земли*¹², потребны были Апостолам пятьдесят дней *терпения, единодушных молитв и молений* (Деян. I. 14), дабы они могли, упразднясь от всего, единого наконец исполнитися Духа свята и начать жить в сем исполнении. Токмо *упразднясь* от всего, удостоились они *праздновать* великий праздник Божий. Может-быть, и для вас, ревнующие об апостольском последовании Христу, но не ощущающие на себе *помазания от Святаго*, – может-быть, и для вас потому *не у есть Дух святой*, *яко Иисус не у прославлен* в вас; может-быть, вы прияли Его еще токмо, *яко Пророка*, носящего слово Божие во устах своих, но еще не посвятили себя Ему, *яко Священнику*, да в общении всемирныя жертвы своя всецело вознесет и вас в благоприятное приношение Отцу Своему; еще не превознесли Его, *яко Царя*, да никакое желание и мысль не воздвигнется без Его

манования. Может-быть, *уне есть и вам, – если разумеете* и взыскуете Христа более *по плоти* (2 Кор. V. 16), нежели по духу, – да *отъимется* на время от душ ваших вожделенный Жених, и лишение духовных утешений очистит вашу веру, возвысит любовь, утвердит терпение, изощрит молитву, изгонит опасное самоуслаждение, приготовит сугубое блаженство.

Но те, в которых если не ощущается, по крайней мере уже начинается сокровенною рукою помазание, не требуют, да кто учит их: *яко то самое помазание учит их о всем* (1 Иоан. II. 27). Что мы сотворим, живущие токмо плоти и крови, которая *царствия Божия наследити не могут*? Что будем мы, по духу мертвые, хладные и сухие, подобно разсеяннм среди поля костям в Иезекииловом видении? *Оживут ли кости сия* (Иез. XXXVII. 3)? вопрошал Бог Пророка, желая **||**ниспослать на них животворящаго Духа Своего. *Не хотяи смерти грешников, но еже обратитися и живым быти им*, без сомнения, и на сии духовные остовы с толиким же взирает милосердием и¹³ желанием их оживления Духом Святым. *Оживут ли кости сия? – Господи Боже, Ты веси сия.* – И ныне рцы Сам, еже рекл еси древле Пророком Твоим, *яко несть в нас, иже проречет, – Сам рцы костем сим: се Аз введу в вас дух животен, – и дам Дух Мой в вас, и оживете и увесте, яко Аз есмь Господь.* Аминь.

IX.

9. СЛОВО

в неделю двадесять четвертую.

(Говорено в Александроневской лавре; напечатано в собраниях

1820, 1821, 1844 и 1848 гг.).

<1814>

И рече Иисус: кто есть коснувшийся Мене?
Лук. VIII. 45.

Евангелие повествует, что некогда Иисус Христос, идя посреди множества народа, получил некое *прикосновение*, которое заставило его спросить, кто прикоснулся к Нему, и когда шедшие с Ним ученики ответствовали, что сие прикосновение могло быть нечаянное, происходящее от тесноты и потому не требующее дальняго исследования, тогда Он присовокупил, что то было не простое и обыкновенное прикосновение, но такое, при котором Он ощутил силу из Него изшедшую: *прикоснуса мне некто: аз бо чух силу изшедшую из Мене.*

Когда при сем повествовании представляем себе, что сие изыскание делает Иисус Христос, Божия сила и Божия премудрость, от удивления приходит желание взаимно спросить Его: не ужели Ты, Господи, сый Божия Премудрость, не ведаешь, кто прикоснулся к Тебе? И еще: не ужели Ты, сый Божия Сила, так предан во власть человеков, что могут они почерпать и, так сказать, похищать из Тебя сию Божественную силу без Твоего сведения и соизволения?

Первый из сих вопросов разрешить поможет нам Апостол Павел, который говорит, что *Христос Иисус, иже во образе Божии сый не восхищением непцева быти равен Богу*, для Котораго, то-есть, быть и почитаться равным Богу не было похищение чуждаго

достоинства, поелику Он есть существенный образ Божий, что сей Христос Иисус себе *умалил, зрак раба приим, в подобии человечестем быв и образом обретеса, якоже человек* (Филип. II. 6 и 7), то-есть столько же истинно и совершенно восприял на Себя малый и рабский образ человека, сколько непреложно и неизменно был и есть в Нем великий и славный образ Господа и Бога. В сем *умалении* Своем, или, по точнейшему приложению Павлова изречения, *в истощании* Своем, Иисус Христос, как говорит тот же Апостол, *искушен был по всяческому, по подобию* человеческих недостатков и немощей, *разве греха* (Евр. IV. 15), который собственно не принадлежит к образу человека, но к образу диавола. Итак, если воплотившийся Сын Божий истощил всего Себя¹; если Он искушен был по всяческому по подобию человеков, то не удивительно, что благоволил искушиться и тем, что принял на Себя подобие человеческого неведения, в котором сокрывал свет Божественной Премудрости², и сквозь которое свет сей просиявал токмо, когда было нужно, для озарения человеков. Из сего можно уразуметь, что не было непристойно Божественному Иисусу вопрошать окружающих Его: *кто есть коснувшийся Мне?* Хотя же само Божество Его видело, знало и сокровенным образом возвещало Его человечеству, *кто есть коснувшийся*, но Ему благоугодно было наружно предложить сей вопрос для того, чтоб обратить общее внимание на необыкновенное прикосновение и «следствие»³ сего прикосновения.

Посему можно сказать, что Сам Иисус Христос обратно предлагает нашему вниманию и размышлению второй сделанный нами вопрос: подлинно ли Тот, Который есть Божия Сила, так предан во власть человеков, что единым некаким прикосновением они могут извлекать из Него для себя сию Божественную силу? – Потщимся же, колико можем, исследовать и сей вопрос, уже не столько следуя собственному желанию знать, сколько соответствуя намерению Самого Спасителя, желающего наставить нас и привести в благодатное к Нему приближение.

Прежде всего в настоящем исследовании должны мы утвердить для себя, какое только возможно, истинное и верное понятие о той непостижимой силе, которою Иисус Христос исполнен так, что при одном прикосновении, да и то не к самому Его телу, а токмо к краю одежды, она уже проливается и производит чудесное действие. Таковое понятие дает нам Апостол, когда говорит о Иисусе Христе, что в Нем *живет всяко исполнение Божества телесне* (Кол. II. 9). Вникнем тщательнее в сие краткое, но весьма знаменательное изображение Богочеловека. Божество представляет Апостол исполнением или полнотою всякого совершенства, блага и блаженства. Но поелику Божество безконечно, то никакое конечное существо не может принять и вместить сего исполнения. Поелику Божество и все его исполнение духовно, то никакая брменная тварь естественно не может причаститься от сего исполнения. Поелику Божество свято и праведно, то как может особенно человек грешник приступить к Его исполнению без того, чтобы не быть пожертву всепожаряющим огнем строгого суда Божия? Что же творит *не хотяй смерти грешника?* – Он *благоизволил*, говорит Апостол, *всему Божественному исполнению Своему вселитися во Христе Богочеловеке и тем примирити всяческая к Себе, умиротворив кровию креста Его чрез Него, аще земная, аще ли небесная* (Кол. I. 19 и 20). Таким образом безконечность Божия вселяется во Христа и делается прикосновению для конечных существ; высочайшая духовность Божия вселяется во Христа и не только сближается с низшею духовностию души человеческой, но проникает, объемлет и наполняет Божественными силами самую телесность Его человечества, – *живет в Нем телесне*; оный *Свет неприступный, оный огонь поядая*, каким представляет нам негде Бога самое слово Его (1 Тим. VI. 16; Евр. XII. 29), вселяется во Христа и, умеряемый Божественным Его человечеством, является в Нем отверстым источником света и воды живыя для омраченного и умерщвленного грехом естества. Человечество Иисуса Христа есть полный сосуд Божественных даров, которые при едином прикосновении преливаются из него;

есть устие Божественного источника, в котором вся внутренняя и сокровенная полнота животворящей силы Божией становится приступною и удобоприемлемою; есть оный, пророком Исаиею в таинственном откровении виденный, *горящий уголь* (Исаии. VI. 6), который, чрез одно прикосновение к устам Пророка, все существо его проникнул своею огненною силою, и очистил, и освятил его⁴. Приложим сии понятия к описанным в Евангелии действиям Иисуса Христа – и мы точно найдем в сих действиях возвещаемое Апостолом исполнение Божественных сил, наполняющих самую телесность Богочеловека, и на все от нея преизливающихся. Он приемлет в руки хлебы, и Его неоскудевающее исполнение творит пять хлебов достаточными для пяти тысяч народа. Он берет брение, и Его вседействующее исполнение сообщает сему брению силу отверсти очи слепому. Он прикасается мертвому, и Его животворящее исполнение возбуждает жизнь угасшую. Он получает от жены кровоточивой прикосновение только к краю ризы Его, и Его безпредельное исполнение достигает ея чудотворною своею силою, *и абие ста ток крови ея*, – она исцелела.

Видите из сего, христиане, что Бог во Христе не держит, так сказать, заключенною, а *отверзает щедрую руку Свою* для всякого требующаго; что всякое исполнение благодати Божией чрез Христа непрестанно готово наполнить всякий недостаток, исцелить всякую немощь, очистить всякий грех человеков.

Впрочем евангельская история показывает, что не все, **||**наружно приближавшиеся ко Христу, принимали от Его исполнения. Она представляет нам в одно время множество народа, Его сопровождающее, окружающее, стесняющее; и одну только жену, Ему прикасающуюся так, что сие прикосновение ощутил Он не телом, а Божественною Своею силою. *Наставниче*, говорит Петр и сущие с ним, *народи одержат Тя и гнетут*. Иисус отвечает: *прикоснуса мне некто*. – Должна быть некая тайна в сем прикосновении.

Для сей-то тайны, христиане, Господь и предложил вопрос Свой: *кто есть коснувшийся Мне?* Он благоволил, чтобы все мы знали тайну сию и умели бы прикасаться к Нему для нашего спасения. Прострем внимание наше до конца сего евангельского приключения, и не отринем наставления, которое сам небесный Учитель подает всем нам в лице жены кровоточивой. Сия жена прикоснулась ко Христу тайно, стыдась всенародно изъяснять Ему свою болезнь; но когда двукратный вопрос Его: *кто есть коснувшийся?* показал ей, что поступок ея утаен быть не может, тогда она, хотя не без смущения, открыла и намерение и следствие своего прикосновения. *Трепещущи прииде, и падиши пред Ним, ея же ради вины прикоснуса Ему, поведи Ему пред всеми людьми, и яко исцеле абие*. Тогда Господь, поучая ее не стыдиться прежнего недуга, но утешаться полученным исцелением, в то же время открывает в наставление всем тайну ея чудодейственного прикосновения: *дерзай дщи, вера твоя спасе тя*. Вера, христиане, есть соответственное орудие спасительного ко Христу прикосновения; ею прикасающийся и к ризам Его достигает даже до внутренности Его Божественного исполнения; она есть духовный магнит, привлекающий небесныя силы.

Тайна сия известна, говорят, может-быть, некоторые, слыша сие. О, еслибы так было, христиане! О, еслибы нам известна была вера, какую имеют истинные последователи Христовы! О, еслибы нам известна была оная, истинно *вселенская* вера, которая в Авеле множайшую жертву принесла паче Каина; которая в Ное угодила Богу и спасла род человеческий от конечного истребления потопом; которая в Аврааме принесла в жертву Богу единородного сына и, сквозь отдаление многих веков, видела день Христов; которая в Моисее жезлом пресекла море и чрез бездну провела **||**народ Божий; которая отверзала очи Пророков и делала их современниками потомственных событий; которая в учениках и свидетелях Иисуса Христа оставила все, чтоб идти в след Его, и потом Его силою

исцеляла всякий недуг и всякую язву, с Ним ходила по водам, не умерла в ужасные дни смерти Его, прияла обетование Святаго Духа по вознесении Его, повелевала именем Его всей природе, победила своим терпением целый мир ея гонителей! – Что я говорю? – Еслибы нам деятельно известна была вера хотя столь малая, как зерно горчичное, что бы мы тогда были? – Мы могли бы преставлять горы. *Аще имате веру, яко зерно горчично, речете горе сей, преиди отсюду тамо, и преидет, и ничто же не возможно будет вам* (Матф. XVII. 20). Если же в той вере, которую некоторые из нас толь тщеславно себе приписывают, не находим мы не только возможности действовать чудесными и Божественными силами, но ниже довольной помощи для возстановления разсыпанных и подавленных сил собственной нашей духовной природы; если сия мнимая вера не исцеляет нас ни от духовная слепоты ума, ни от текущаго непостоянства сердечных вожделений, ни от двоедушнаго хромания в путях закона и правды, и не спасает от мертвых дел, – то не должно ли признаться нам, верные, что истинная вера, которую небесный Учитель называет *верою Божиею*, и для нас есть еще тайна, которой предлежит нам поучаться, дабы она открылась в нас? И поелику сия тайна хотя и в нас самих сокрывается, но никем не может быть открыта, разве Начальником и Совершителем веры Иисусом: то не должно ли нам непрестанно взывать к Нему с первыми Его учениками: Господи, *приложи нам веру* (Лук. XVII. 5)?

Или, может-быть, вера наша не достигает сообщения с явленою во Христе силою Божиею, потому более, что уже Он оставил землю и вознесся на небо? – Если какая душа, жаждущая Господа, возмущается сею мыслию, то да вспомнит она последнее обещание Иисуса Христа, данное Апостолам пред отшествием Его на небо: *се Аз с вами есмь во вся дни до скончания века* (Матф. XXVIII. 20). Апостолы не пребыли на земле *до скончания века*: кто же не видит, что данное им обетование простирается и на тех, которые по них преемственно вступают в те же права веры и составляют единую Церковь *до скончания века*? Живущее во Христе исполнение Божества не заключается небом; и вознесение плоти Его не отъемлет у нас Его Духа и силы. Дерзнем сказать более: оно не столько разделяет, сколько еще более соединяет Его с своею Церковию. Ибо для чего *восшел Он превыше всех небес*? Для того, учит Апостол, *да исполнит всяческая* (Еф. IV. 10). И потому исполнение Божества живет ныне уже не в едином личном телеси Его, но и во всем таинственном теле Церкви, *яже есть вся – единое тело Его, исполнение исполняющаго всяческая во всех* (Еф. I. 23).

О, коль близ есть нас Христос повсюду, и наипаче в Церкви своей! Только твари, окружая нас отовсюду и, подобно как в оном приключении евангельском, тесняя между Им и нами, не допускают нас прикоснуться к Нему. Но дерзай, ищущая своего спасения душа! Не уступай сей смятенной толпе, которая сама не знает, куда влечет тебя. Употребляй все усилия проложить себе прямой путь к вожделенному твоему Спасителю; простирай к Нему то крепкие вопли покаяния, то тихия воздыхания молитвы, то пламенные желания любви. Подвизайся, елико можешь, досягнуть хотя края Его риз: Он не умедлит и в них открыть для тебя ток живоносной силы Своей. Приближайся к Нему преимущественно в сем доме молитвы и таинств, где хотя Он также закрывает Свое присутствие некоторыми наружными видами, но вместе и являет оное торжественнейшим образом. Здесь ежедневно слышатся глаголы Его, которые хотя для чувственных людей суть чувственные звуки и письмена⁵, но для верующих *дух суть и живот суть* (Иоан. VI. 63). Здесь тайнодействуется тело Его, коего святое приобщение не токмо приближает к Нему верующих, но и совершенно с Ним соединяет, по слову Его: *ядый Мою плоть и пий Мою кровь во Мне пребывает, и Аз в нем* (Иоан. VI. 56). Погружайся, верующая душа, всю мыслью и сердцем во глубину сих таинств веры и в них наипаче обретай твоего Спасителя, приступай к Нему, прикасайся Ему, соединяйся с Ним! *Дерзай, вера твоя спасет тя*. Аминь.

Х.

10. СЛОВО

на второй день праздника Рождества Христова.

(Говорено в придворной церкви, в присутствии Ея Императорского Величества

Благочестивейшей Государыни Императрицы Марии Феодоровны

и Их Императорских Высочеств; напечатано отдельно

и в собраниях 1820, 1821, 1844 и 1848 гг.)

<1814>

*Ангел Господень во сне явился Иосифу,
глаголя:
встав, поими Отроча и мать его,
и бежи во Египет, и буди тамо,
дондеже реку ти: хочет бо Ирод
искати Отрочате, да погубит е. Матф. II.
13.*

Чудно и ужасно! – Ангелы, которых естества не принял Сын Божий, торжествуют Его на земли рождение; Ангелы стараются спасти жизнь пришедшаго спасти человеков: а человек, для котораго Сын Божий соделался сыном человеческим, ищет погубить своего Спасителя. Воинство небесное проповедует на земли мир, но вместо того начинается неслыханная война: с одной стороны царь Ирод и весь Иерусалим, с другой – Отроча Иисус и, Его телохранители, все младенцы Вифлеемские.

Правда, царь не победил Отрочате: воинство младенцев не предало Вождя своего в руки врагов, но своею кровию «пожертвовало за жизнь»¹ всеобщаго Искупителя: напротив того невидимая месть постигла Ирода и его соумышленников: *изомроша ищущии души Отрочате* (Матф. II. 20). Но сия победа не принесла мира, ниже безопасности Победителю. Иосиф не дерзает даже ввести Его в отеческий град: *убояся тамо ити* (22).

После сего уже не удивительно, что возраст Отрочате Христа принесет Ему новыя брани, новыя опасности. Едва Он явится миру, все видное в мире возжелает затмить славу Его. Фарисеи, книжники, священники, князи, судии, правители обратят против Него каждый свое оружие. Когда же победа возведет Его на небеса, все земныя силы, народ и вельможи, мудрецы и кесари подвигнутся для истребления от земли мирнаго царства Его. Кровопролитие, начатое в Вифлееме, обогрит царства и веки.

Возвращаясь от воспоминания сих печальных событий, с каким утешением успокоивается дух, при виде великих и сильных земли, смиряющихся пред Отрочатем Вифлеемским, полагающих лучшую славу свою в служении Ему, ищущих своего веселия в Его Евангелии!

Но что такое, христиане, так долго раздражало и, может-быть, частию еще раздражает людей против Иисуса Христа, в самые дни крепости Своея кроткаго и незлобиваго, как отроча, и заповедавашаго всем своим последователям, да будут *яко дети* (Матф. XVIII.

3)? – *Любовь к миру*, ответствен за представленный ныне в Евангелии пример Ирода, и дает нам случай свидетельствовать противу сей любви, колико суетной, толико вредной и богопротивной.

Не будем говорить о той любви к миру, в которой и самый мир, согласно с Евангелием, признает вражду против Бога. Будучи обличаема сама собою, она не требует посторонних обличений. Есть иная любовь к миру, которая, повидимому, примиряется с любовью к Богу; которая соглашается приносить жертвы Богу, только чтоб ей не возбранялось принимать жертвы от мира; готова творить дела человеколюбия, только чтобы мир видел и одобрял их; даже любит ходить во храмы Богослужения, только чтобы мир за нею последовал. С сей-то лукавой и притворной любви должно снять личину, ее украшающую, и повергнуть оную под строгий суд, произносимый Евангелием на всякую любовь мира без исключения: *любь мира сего вражда Богу есть* (Иак. IV. 4).

Тех, которые, при самом желании своем принадлежать Богу, не могут еще отторгнуться от мира, привязывает к нему наипаче троякий узел: прелесть его благ, сила его примеров и надежда совместить с любовью к миру служение Богу. Слово Евангелия, как духовный меч, отсекает сие сплетение обманов и открывает свободному оку суетность благ мира, опасность его примеров и тайное семя вражды против Бога, заключенное в самой, как говорят, невинной любви к миру.

Там, где мир воспримлет всю возможную важность и великолепие, дабы привлечь взоры, которых «он не может»² не уважать; где неразлучная с ним подражательность облакает его в виды тех совершенств, которым он удивляется, и заставляет брать высокие примеры, дабы тем полномочнее давать свои собственные; где близость великих бросает некую тень величия на самые малые предметы, – могло бы статься, что сей блеск или ослепил проницание, или поколебал твердость, или уничтожил доверие служителя слова, долженствующаго в лице сааго мира свидетельствовать его ничтожность. Но Дух Божий, который приходит *обличить мир* (Иоан. XVI. 8), предупредил сие затруднение, воздвигнув Себе свидетеля, котораго нельзя упрекать ни дерзостию, или пристрастием, ни неведением и неопытностью. Мудрейшаго и счастливейшаго из царей Он облек званием *Екклесиаста*, то-есть проповедника, и вдохнул ему слово суда на всякое благо, счастье и славу мира. Что же проповедует сей царственный проповедник? *Суета суетствий, рече Екклесиаст; суета суетствий, всяческая суета. Видех всяческая сотворения, сотворенная под солнцем: и се вся суетство и крушение духа. Се аз возвеличихся и умножих мудрость паче всех, иже быша прежде мене во Иерусалиме: и уразумех аз, яко и сие есть крушение духа. Рекох аз в сердце моем, прииди убо, да тя искушу в веселии, и виждь во блазе: и се такожде сие суетство. И призрех аз на вся творения моя, яже сотвориста руце мои, и на труд, имже трудихся творити, и се вся суета. И возненавидех аз всяческая мира* (Еккл. I. 2, 14, 16 и 17; II. 1, 11 и 18).

Св. Златоуст (Слов. на Евтр.) находил Соломонову проповедь о суете столь важною, что желал, дабы она *была написана и на стенах, и на одеждах, и на соборищах, и на домах, и на путях, и на вратах, и на внутренних входах, а всего паче на сердце каждого*. Можно сказать, что суета и действительно повсюду написана, только не всегда на челе и на лице вещей; и мы читаем сие поучительное надписание по большой части уже тогда, как несколько времени обращаем оныя в руках наших. В самом деле, что сие значит, что вчерашнее украшение сегодня перестает нравиться; что повторяемое сладкопение начинает терзать слух; что приобретенная честь, или сокровище, отражает сердце наше к новым исканиям; что расширяемый круг познаний только более отверзает пред нами неизмеримую страну неизвестностей, а в нас – ненаполнимую пустоту любознания? Не то ли, что дух наш невольно находит поражающее начертание суеты на всем, что занимает

нас в мире: на наших удовольствиях, на нашем богатстве, на наших достоинствах и на самой мудрости нашей? Творец всех вещей разсыпал по ним сие начертание: подобно как попечительный отец на орудиях детских забав напишет буквы, которым дети должны научиться.

Горе легкомысленным детям, которые не приемлют учения между играми! Орудия игр непрестанно будут у них отнимаемы, а ненавистное учение останется и будет нападать на них с оружием угроз и наказания. Так, если мы, употребляя блага мира, не поспешим уразуметь в них *суету суетствий и суету всяческих*, то, между тем, как сии тленные блага ежечасно будут исчезать в руках наших, *суета* будет оставаться в сердце нашем, как терние после цветов, и разнообразными уязвлениями будет производить *крушение духа*. Тогда в самом пресыщении чувств поселится вечный глад; сладость приобретения и обладания отравляема будет заботами сохранения и страхом потери; счастье и слава других будет казаться несчастьем и безславием нашим; свет познаний, как ночной призрак, то будет непостоянно мерцать в дыме гордости, то ниспадать отчаянно в брение нечистой жизни; наипаче же смертный помысл, как строгий пестун, являясь нечаянно, будет приводить в смятение и трепет резвых чад удовольствия. – Таким образом обильная жатва приводит раба суеты в такое же недоумение, как убогого недостаток дневного пропитания: *что сотворю* (Лук. XII. 17)? Благодать чудотворений, явившаяся в Сыне тектонове, паче язв египетских, мучит честолюбивых вождей народа: *что сотворим? яко человек сей многа знамения творит* (Иоан. XI. 47). – Невразумительный слух о рождении безвестного младенца, принесенный в столицу иноплеменниками, колеблет царя на престоле, на твердость коего тем менее он полагался, чем более дорожил его блеском: *слышав Ирод царь, смутися* (Матф. II. 3).

Сынове человечести! доколе тяжкосердии? вскую любите суету (Пс. IV. 3) вместо того, чтобы умудряться от нея? Почто *ищете лжи*, которою мир прельщает, не примечая истины, которой он скрыть не может? – *Преходит образ мира сего* (1 Кор. VII. 31), – не образ только некоторых вещей, но и образ всего мира; и что будет с любовью к миру, когда он преидет невозвратно? *Земля, и яже на ней дела, сгорят* (2 Пет. III. 10): куда же тогда пойдут бессмертные желания, обыкшия питаться от земли? Где будут самые глубокия мудрования, которые однако также ископаны от земли? *Будет небо ново и земля нова* (Исаии LXV. 7): допустят ли нас внести туда с нашим сердцем останки ветхаго мира?

Обратимся к мудрейшему из царей. Как счастливо суетою исправляет он свою мудрость, познав ничтожность тех вещей, которые ложным блеском не раз осутили помышления мудрых: *уразумех аз!* Как суетою же исцеляет от мучений суеты, открывая суету самую сея суеты: *суета – суетствий!* Как суетою мира сего приуготовляет себя к лучшему и непреходящему миру, престав любить мир суетный: *возненавидех аз всяческая мира!*

К сожалению, многие ближе знают Соломона, подобно прочим, обращающегося в вихре земли, но теряют из вида Екклесиаста, стоящего в солнце истины и проповедующаго суету земнородным. Бедственное ослепление людей, прельщенных миром, увеличивается тем, что слепые слепых же избирают вождами себе, или дают влещи себя множеству, на которое опираясь десницею и шуйцею мнят быть безопасны от падения. На что же, христиане, дано нам собственное око ума, на что возжен пред нами светильник откровенной «Богом»³ истины, еслибы мы могли ходить по единому осязанию примеров мира?

Внидем в Иерусалим, в котором Евангелие показывает нам сокращенный образ мира: и заметим, куда приводят примеры сего мира, приемлемые слепым подражанием. – Весть о рождении Христа Царя приносится в Иерусалим, который ожидал в Нем своего

избавителя. Ирод, которого не священное право наследия, но честолюбие возвело на престол Давидов, и который утверждал власть свою более притворством и насилием, нежели правлением истинно-благотельным, не мог спокойно слышать о законном Царе Иудейском, хотя Сей был еще в пеленах и скрывался во мраке неизвестности: *слышав Ирод царь, смутися*. Но что Иерусалим? Познает ли он время посещения своего? Восклоняет ли главу, поникшую под чуждым игом? Радует ли? *Благословляет ли Господа Бога Израилева, яко посети и сотвори избавление людем своим, и воздвиже рог спасения им в дому Давида отрока своего* (Лук. I. 68 и 69)? Напротив! Вид разстроенного властителя, как в зеркале, отражается в участниках его несправедного владычества; от сих тот же образ выпечатлевается в раболепных человекоугодниках; размножается любопытством, лукавством, неблагоразумием; и наконец весь Иерусалим наполнен и объят нелепым безпокойством и богохульным смущением о благодатном для всего Израиля и всего мира событии: *Ирод царь смутися, и весь Иерусалим с ним*.

Да помыслят при сем люди, которые думают, что живут как должно, если живут как большая часть, — да помыслят они, должныствовали-ль, во время сего смутения Иерусалима, Захария, или Симеон, или Волхвы, подражать примеру множества, и по господствующему мнению учреждать свои чувствования и деяния! — Или заблуждал мир в одном Иерусалиме?

Благословенно время и страна, где пример великих и сильных земли служит светильником для народа и не позволяет сгуститься тьме, распространяемой миродержителями тьмы века сего! Но — доколе не приидет Царствие Отца небесного, призываемое нами в молитве, — и под видимым владычеством благочестия всегда есть тайные самовладыки, которым Христос Царь не угоден, поелику Он требует совершенного повиновения и отречения от любимых страстей и вожделений: и пленники примеров мира последуют за оными, не примечая, что находятся в порабощении у возмутителей. Какой же признак сих возмутителей и возмущаемых? — О Царю Христе! мир не хочет верить; но ты Сам уверяешь нас, что знамение не принадлежащих Тебе есть — многочисленность; что *мнози суть звани во царствие Твое, мало же избранных* (Матф. XX. 16.); что те, которым Отец Твой благоволил дать царство, суть *малое стадо* (Лук. XII. 32); что *узкая врата, и тесный путь вводя в живот, и мало их есть, иже обретают его* (Матф. VII. 14)! — Нет! Мир не руководитель, которому последовать, но враг, которого побеждать, должно чадам Божиим: *всяк рожденный от Бога побеждает мир* (1 Иоан. V. 4). Образ мыслей и чувствований, наиболее одобряемый, не редко есть наиболее опасный; пример, от которого заповедано нам остерегаться, есть точно пример наиболее общий; обычай, принятый всегда и везде; дух времени, которым дышат и живут: *не сообразуйтесь веку сему* (Рим. XII. 2).

Может-быть, вы желали бы, христиане, осуждаемый Евангелием образ *века сего* видеть представленным в чертах более ясных и раздельных, дабы тем непогрешительнее различать, что *в сынах века сего* не достойно сынов *века онаго*, но Тот, Который не позволил прежде времени отделять плевелы от пшеницы, дабы, с восторжением оных, и сия не была исторгнута, и *оставил расти обоя купно до жатвы* (Мат. XIII. 30); оставил также обетшавший образ века сего, и посреди его тайною рукою новонаписуемый образ века грядущаго, в нерешительных, смешенных и пресеченных чертах, до предопределенных времен совершения, когда наконец и на целых сонмах рабов и врагов Божиих, и на каждом челе явится там светлое *имя Отца* небесного (Апок. XIV. 1), а там — страшное *начертание зверя* (11), имеющего сотворить открытую, но гибельную для себя брань со Агнцем Христом. Ныне же токмо то известно, что мир есть пещера и ложе, где рождается и воспитывается зверь; и поле, на котором с пшеницею зреют плевелы, огню блюдомые. Но не довольно ли уже сего разумения для того, чтобы оно управляло

заповеданною нам осторожностию? – Чем глубже *весь мир лежит во зле* (1 Иоан. V. 19), так что различие зла и блага становится в нем как бы едва видимым, тем с большею осмотрительностию мы должны в нем прикасаться даже к тому, что кажется благом. Если весь мир исполнен плеснел, и доселе не мог быть очищен от них, то может ли быть очищена от оных душа, исполненная миром? Если враг Божий сокровенно зачинается и живет в сердце мира, то может ли любовь Божия обитать в любви к миру?

Итак, вотще стараются некоторые утончать любовь к миру, вместо того, чтобы отсекасть ее, и, вместо того, чтобы побеждать оную любовию к Богу, надеются примирить одну с другою. Как бы кто ни облакал свою любовь к миру видами добродетелей: воздержания, трудолюбия, нестяжательности, кротости, благотворительности; но поелику душа всех добродетелей есть любовь, то все добродетели его знаменуют токмо сына века сего, живут и дышат миром, и с миром исчезнут. И как две души не могут одушевлять единого тела: так две любви – любовь к Богу и любовь к миру – не могут одушевлять единой души: *аще кто любит мир, несть любви Отчи в нем* (1 Иоан. II. 15). Где же нет любви к Богу, там должна быть по необходимости, хотя иногда сокровенная и не замечаемая, вражда против Него, ибо пред высочайшим Благом нет места равнодушию. В царстве Вседержителя всякий отдельный союз есть возстание на всеобщаго Владыку: кольми паче союз с областию, очевидно зараженною духом буйства и своеволия. *Любы мира сего – вражда Богу есть.*

Воззрим еще раз на Ирода, в котором Евангелие обнажает совершенно сие глубокое и крайнее зло любви к миру. Сия любовь обыкновенному взору представляется в Ироде такую, что желающие избавить ее от имени порока и ввести в общество добродетелей могли бы начать с сего примера. Рождение Царя Иудейскаго приводит Ирода в смущение. Что же? И не простительно ли некоторое смущение, при угрожающей потере владычества и чести? Но притом сие смущение было, повидимому, кратковременным порывом страсти, которая вскоре покорена разсудку. Ирод не запретил волхвам благоразумнаго изследования о Царе Иудейском, но еще содействовал им чрез способных к тому людей: *сбрав вся первосвященники и книжники людския, вопрошаше.* Он сам исповедал грядущаго Христа: где *Христос рождается* (Матф. II. 4)? Он желал достоверных сведений о Его пришествии: *шедше испытайте известно о Отрочати.* Наконец он готов был сам поклониться Христу: *яко да и аз шед поклонюся Ему* (8). Какое безпристрастие и благочестие! – восклицали, вероятно, Иерусалимляне. Мир остался бы в сем обольщении, произведенном любовию к миру: но вдруг явилась небесная истина: *Ангел Господень явился.* Он оставляет без внимания искусственные слова и добродетели, поставленные на зрелище: ведет нас прямо в сердце творца их и открывает, может-быть, еще самим Иродом не примеченное хотение, возникающее из глубины души его: *хочет Ирод.* И что мы видим? – Смерть Спасителя мира, запечатленную в душе миролюбца. *Хочет Ирод искати Отрочате, да погубит Е* (13).

О, еслибы мы могли утвердиться в вожденном уверении, что мир не воздвигает окрест нас подобных сему лису противу Агнца Христа! *Изомроша ищущии души Отрочате!* Но когда призванные воинствовать под знаменем *Победителя мира* (Иоан. XVI. 33) ценою тленных благ увлекаются на страну мятежа; когда овцы Пастыря, имеющаго малое стадо, мнят обрести лучшую пажить посреди хищных зверей и нечистых животных; когда довольствуются тем, что имеют рукою мира написанный *образ благочестия* (2 Тим. III. 5), не предаваясь его силе, сокрушающей и возсозидающей, умерщвляющей и возрождающей, – то не *ищут ли* еще, хотя не Иродовым путем, – не *ищут ли* однако души *Отрочате*? Не возстают ли, то-есть, хотя, может-быть, сами того не примечая, противу истиннаго духа Христова?

Оставим Соломону, котораго поставили мы первым свидетелем противу любви к миру, запечатлеть сие свидетельство и положить настоящему слову соответственный ему конец: *конец слова: Бога бойся, и заповеди Его храни: яко сие всяк человек* (Еккл. XII. 13). Противопоставь обольщениям любви к миру *страх* Божий, и *по заповедям* Божиим принимай, или отвергай подаваемые тебе примеры, а не составляй себе из одобряемых в веке сем примеров, собственных заповедей. *Храни* заповеди Божии, дабы мир, под видом благоустройства и украшения твоей наружной деятельности, не похитил оных из сердца твоего. *Яко сие всяк человек*: то-есть сыновний страх к Богу и хранение заповедей Его, в средоточии коих почивает любви Божия, суть все для всякаго человека: в них его радость, обилие, слава, покой, блаженство, живот временный и вечный. Аминь.

1816 год.

XI.

11. СЛОВО

в великий пяток.

(Говорено в Александроневской лавре; напечатано отдельно

и в собр. 1820, 1821, 1844 и 1848 гг.).

<1816>

Тако возлюби Бог мир. Иоан. III. 16.

Ныне ли о любви, скажут, может быть, некоторые? Ныне ли, когда плод вражды созрел в вертограде Возлюбленного; когда и земля трепещет от ужаса, и сердца камней разрываются, и око неба помрачается негодованием? Ныне ли о любви к миру, когда и Сын Божий, страждущий в мире, оставлен без утешения, и молитвенный вопль Его: *Боже мой, Боже мой, вскую Мя еси оставил* (Матф. XXVII. 46) – без ответа Отческаго?

Правда, христиане! День вражды и ужаса день сей, день гнева и мщения. Но если так, то что с нами будет, когда и земля не тверда под нами и небо над нами не спокойно? Куда убежать с колеблющейся земли? Куда уклониться из-под грозящего неба? Взирайте прилежнее на Голгофу: и там, где видится средоточие всех бед, вы откроете убежище. Тогда, как *трепетна бысть земля и основания гор смятошася и подвигошася, яко прогнеवासя на ня Бог* (Псал. XVII. 8), не видите ли, как непоколебимо там стоит неукорененное древо Креста? Тогда, как и мертвые не почивают в гробах своих, не видите ли, как мирно почивает Распятый на кресте Своем, сколько ни старались Его совлести самую славою Спасителя: *иная спасе, себе ли не может спасти*; самым достоинством Сына Божия: *аще Сын еси Божий: сниди со креста*; самым благом веры в Него: *да снидет ныне со креста, и веруем в Него*? Итак, утвердим в сердцах наших сию странную и страшную для мира, но радостную для верующих истину: что во всем мире нет ничего тверже Креста и безопаснее Распятого. Ужасы от Голгофы для того и рассеяны по всему миру, чтобы мы, не видя нигде безопасности, бежали прямо на Голгофу, и повергались у ног, и скрывались в язвах и погружались в страданиях Распятого Спасителя. О солнце! для чего бы тебе закрывать от Него лицо свое в полдень, когда великое дело тьмы еще при твоём свете достигло уже своей полуночи, и когда *очи* Всевидящаго, *тмами тем светлейшими* света твоего, и во тьме столь же ясно видят позор Богоубийства? – Так! в

твоим негодованием впечатлено было наше вразумление; ты поспешало совершить видимый день вражды и гнева, дабы препроводить нас к созерцаемому дню любви и милосердия, освещаемому незаходящим светом трисолнечного Божества.

Христианин! Пусть *тьма покрывает землю!* Пусть *мрак на языки!* *Встань* от страха и недоумений! *Светися* верою и надеждою! Сквозь тьму *приходит свет твой* (Исаии LX. 1 и 2). Пройди путем, который открывает тебе раздирающаяся завеса таинств; вниди во внутреннее Святилище страданий Иисусовых, оставя за собою внешний двор, отданный языкам на поправление. Что там? – Ничего, кроме святых и блаженных любви Отца и Сына и Святого Духа к грешному и окаянному роду человеческому.

Любовь Отца – распинающая.

Любовь Сына – распинаемая.

Любовь Духа – торжествующая силою крестною.

Тако возлюби Бог мир!

О сей-то любви, христиане, да будет позволено мало нечто немотствовать пред вами, поелику изрещи ея даже и не возможно, так что само Слово Божие, дабы совершенно изобразить ея, умолкло на кресте. Сие же Слово и сия любовь да дарует нам и немотствовать и внимать немотствованию, подобно как дети одной матери ея сердцем и ея словами взаимно немотствуют и разумеют немотствование.

Итак, кто распинает Сына Божия? Воины? – Они суть почти столько же страдательные орудия, как крест и гвоздие. Пилат? – Он, кажется, истощил все усилия в защищении Праведника и торжественно изъявил свое несогласие на пролитие крови Его: *прием воду, умы руце пред народом, глаголя: неповинен есмь от крове Праведнаго сего* (Матф. XXVII. 24). Народ? – Как мог он искать смерти Того, Котораго старался воцарить? Первосвященники? Старейшины? Фарисеи? – Они признаются, что не имеют власти ни над чьею жизнью: *нам не достоит убить никогоже* (Иоан. XVIII, 31). Предатель? Он уже свидетельствовал во храме, что *предал кровь неповинную* (Матф. XXVII. 4). Князь тьмы? – Он не мог коснуться и жизни Иова: ныне же сам осуждается и изгоняется. Но кто лучше, как Распятый, может знать распинателей? И что же глаголет Он? – *Не ведут, что творят* (Лук. XXIII. 34). Коснулся было истинной причины дела сего Каиафа, сказав, что *уне есть, да един человек умрет за люди: однако и сего о себе не рече, но Архиерей сый лету тому* (Иоан. XI. 50 и 51); он прозвучал, как кимвал, в который на тот день надлежало благовестить для церкви, но и сам же не уразумел своего благовестия. Таким образом то, чего не хотели, не могли, не знали, пред целым светом совершилось теми самими, которые не хотели, не могли, не знали.

Впрочем, сие не значит того, чтоб и не было виновных в убиении Невинного! Нет! Кто не мог, еслибы только восхотел, уразуметь то, что уразумел и проповедал отчаянный даже Иуда? Но *аще быша разумели, не быша Господа славы распяли* (1 Кор. II. 8).

Нам должно приметить здесь то, какую ничтожную паутину составляло все сплетение видимых причин, произведших великое Голгофское событие. Как же сия паутина в первых нитях своих не расторглась или от дохновения гнева Божия, или даже от ветра суеты человеческой? Кто связал ея льва от Иуды? Как сделалось то, чего не хотели, не могли, не знали, и что столь удобно было и уразуметь и отвратить? Нет! «Хулители Голгофские также не знают, что говорят, как распинатели не знают, что делают; в самом

же деле»¹ не человеки здесь ругаются Божию величеству: Божий Промысл посмеивается буйству человеческому, «без нарушения свободы»², заставляя его служить высочайшей Своей Премудрости. Не лукавые рабы прехитряют Господа: Всеблагий Отец не щадит Сына, дабы не погубить рабов лукавых. Не вражда земная уязвляет любовь небесную, – небесная любовь скрывается во вражду земную, дабы смертью любви убить вражду и распространить свет и жизнь любви сквозь тьму и сень смертную. *Бог возлюбил мир, и Сына Своего едиnorodного дал есть, да всяк веруя в Онъ не погибнет, но имать живот вечный* (Иоан. III. 16).

Кажется, мы, и прикикая в тайну распятия, и усматривая в страданиях Сына Божия волю Отца Его, более ощущаем ужас Его правосудия, нежели сладость любви Его. Но сие долженствует уверять нас не в отсутствии самой любви, а токмо в недостатке нашей готовности к принятию ея внушений. *Бояйся, не совершился в любви* (1 Иоан. IV. 18), говорит ученик любви. Очистим и расширим око наше любовию, и там, где оно смежалось страхом Божия суда, насладимся зрением любви Божией. *Бог любви есть* (16), говорит тотже созерцатель любви. Бог есть любовь по существу и самое существо любви. Все Его свойства суть облачения любви; все действия – выражения любви. В ней обитает Его всемогущество всею полнотою своею; она есть Его истина, когда осуществляет возлюбляемое; она есть Его премудрость, когда учреждает существующее или существовать имеющее, по закону истины; она есть Его благодать, когда премудро раздает истинные дары свои; наконец, она есть Его правосудие, когда степени и роды ниспосылаемых или удерживаемых даров своих измеряет премудростию и благодатию, ради высочайшаго блага всех своих созданий. Приблизьтесь и рассмотрите грозное лицо правосудия Божия, и вы точно узнаете в нем кроткий взор любви Божией. Человек своим грехом заградил от себя «присносуший»³ источник любви Божией: и сия любовь вооружается правдою и судом, – для чего? – дабы разрушить сей оплот разделения. Но как ничтожное существо грешника, под ударами очищающего Правосудия, невосвратно сокрушилось бы, подобно сосуду скудельному: то непостижимый Душелюбец посылает единосущную Любовь Свою, то-есть едиnorodного Сына Своего, дабы Сей, *носящий всяческая глаголом силы Своя* (Евр. I. 3), восприятою на Себя плотию нашею, кроме греха, понес и тяжесть наших немощей, и тяжесть подвигов на нас правосудия: и Един истощив стрелы гнева, изощренные на все человечество, в крестных язвах своих открыл бы незаградимые источники милосердия и любви, долженствующие упоить всю, проклятую некогда, землю благословениями, жизнью и блаженством. *Тако возлюбил Бог мир.*

Но если Отец небесный из любви к миру предаст едиnorodного Сына Своего; то равно и Сын из любви к миру предаст Себя Самого: и как любовь распинает, так любовь же и распинается. Ибо хотя не *может Сын творить о Себе ничего*, но ничего также не может Он творить и вопреки Себе. *Он не ищет Своея воли* (Иоан. V. 19 и 31), но потому, что есть вечный наследник и обладатель воли Отца Своего. *Пребывает в Его любви*, но в ней и сам восприимлет в Свою любовь все, Отцу любезное, как глаголет: *возлюбил Мя Отец, и Аз возлюбил вас* (Иоан. XV. 9 и 10). И таким образом любовь Отца небесного, чрез Сына, простирается к миру: любовь единосущного Сына Божия вместе и восходит к Отцу небесному, и нисходит к миру. Здесь имеющий очи да видит глубочайшее основание и первоначальный внутренний состав креста, из любви Сына Божия ко всесвятому Отцу Своему, и любви к человечеству согрешившему, одна другую пресекающих, и одна другой придерживающихся, повидимому разделяющих единое, но воистину соединяющих разделенное. Любовь к Богу ревнует по Боге, – любовь к человеку милует человека. Любовь к Богу требует, чтобы соблюден был закон правды Божией, – любовь к человеку не оставляет и нарушителя закона погибать в неправде своей. Любовь к Богу стремится поразить врага Божия⁴, – любовь к человеку вочеловечивает Божество, дабы посредством

любви к Богу обожить человечество и, между тем как любовь к Богу *возносит от земли Сына человеческого* (Иоан. XII. 32 и 34), любовь к человеку разверзает объятия Сына Божия к земнородным, сии противоположные стремления любви соприкасаются, сорастворяются, уравниваются и слагают из себя то дивное средокрестие, в котором *прощающая милость и судящая истина сретаются, правда Божества и мир человечества лобызаются*, чрез которое *небесная истина возсиявает от земли, и правда уже не грозным оком приникает с небеси; Господь дает благодать земле, и земля дает плод свой* небу (Псал. LXXXIV. 11–13).

Крест Иисусов, сложенный из вражды Иудеев и буйства язычников, есть уже земный образ и тень сего небеснаго Креста любви. Без сего мог ли бы оный не токмо удержать на себе, даже до смерти, Держащаго дланию жизнь всего живущаго, но даже и коснуться ramen Того, для избавления Котораго вящше дванадцати легионов Ангелов ожидали токмо мановения. Вотще мрачное полчище подымлет оружие, дабы взять Его в плен, и готовит узы Ему: освещая путь свой огнем злобы, оно не видит, что Он уже пленен и связан собственною Своею любовью, *яко смерть, крепкою* (Песн. VIII. 6). Вотще вопиет незаконное соборище: *мы закон имамы, и по закону нашему должен есть умереть* (Иоан. XIX. 7), – он умрет не по иному, как по сему своему закону: *больши сея любве никтоже имать, да кто душу положит за други своя* (Иоан. XV. 13). Вотще повторяют хулители: *аще Сын еси Божий, сниди со креста* (Матф. XXVII. 40), – Сын Божий тем-то самым и дает познать Себя, что не снидет со креста, доколе не истощит всего Себя в сугубом стремлении любви к Отцу Своему, Которому наконец предает дух Свой, и к человекам, для которых источает воду очищения и кровь жизни. *О сем познахом любовь, яко Он по нас душу Свою положи* (1 Иоан. III. 16). Углубляйтесь, христиане, в сие великое познание не одним словом и языком, или слухом праздным, но духом и истиною: и вы приидете наконец в то, если можно так сказать, содружество креста, что не будете находить сладчайшаго удовольствия, как в духе созерцания вызывать с Богоносным мужем: *Любовь моя распялася!* (Игнат. Богонос.).

|| Любовь Божия, непосредственно действующая в кресте Иисусовом, без сомнения долженствовала сообщить ему Божественную силу. И как быстро, как обильно, как неизмеримо далеко течет из него сия победоносная сила!

Аще зерно, так говорил Иисус Христос о Себе Самом, – *аще зерно пшенично пад на земли, не умрет, то едино пребывает: аще же умрет, мног плод сотворит* (Иоан. XII. 24). О, как скоро сие зерно Божественнаго семени, умирающее на кресте, дает окрест себя отрасли новой жизни! Смотрите, как, еще прежде кончины Иисуса, на древе проклятия, в устах разбойника, процветает молитва: *помяни мя, Господи, во Царствии Твоем!* (Лук. XXIII. 42), и сей подлинно райский цвет в тот же день преносится в рай Божий. Смотрите, как, вместе с потрясенною землею и разседшимися камнями, сокрушается каменное дотоле сердце язычника и немедленно износит зрелый плод устен, исповедующихся Спасителю: *воистину Божий Сын бе Сей* (Матф. XXVII. 54). Каким непреодолимым влечением «оставившие Иисуса»⁵ живаго собираются окрест Его креста и гроба! Наипаче же явилась победа креста в Иосифе Аримафейском. Доколе он знал Иисуса, как пророка и чудотворца, он не имел мужества открыть себя Его учеником: *потаен страха ради Иудейска* (Иоан. XIX. 38). Но когда узнал, что Иисус умер «смертию осужденнаго»⁶, то Вознесенный от земли повлек его к Себе с такою силою, что он не внял ни чести, ни боязни человеческой, и не поколебался обнаружить даже пред правительством свое участие в Распятом: *дерзнув вниде к Пилату, и проси телесе Иисусова* (Марк. XV. 43). Не тою ли же силою и давно согнившим в вертограде смерти зерна показали необычайный плод, – *и многа телеса усопших святых восташа?* (Матф. XXVII. 53).

Чем далее простираться будет сила Креста, тем более торжественны будут его действия. Она сосредоточит в едином Иисусе распятом всякую власть на небеси и на земли; даст ощутить силу благодатного владычества Его и сущим в темнице духовом; вознесет Его превыше всех небес; низведет Им оттоле Утешителя, Который не пришел бы, еслибы Иисус не прошел путем Креста и не соделал его путем истинно царским. Тогда *любви Божия* безпрепятственно и преизобильно *излиется* в жаждущия *сердца* верующих *Духом Святым* (Рим. V. 5), и, не смотря ни на какие препятствия, поведет крестными подвигами искупленный мир ко всеобщему торжеству освящения и прославления. Пусть враги креста Христова устроят новый крест для Его Церкви: они готовят ей тем новую победу и новую славу. Пусть мудрецы века сего огласят *слово крестное юродством*: оно будет юродством только для *погибающих*. Пусть *Иудеи* – древние или новые – *просят знамения*, не примечая знамений, совершающихся пред их очами, и *Еллины ищут* собственной *премудрости* слова там, где должно деятельно веровать в Премудрость Божию: истинная Церковь всегда будет *проповедовать Христа распятого*; *Иудеям убо соблазн, Еллином же безумие*, и Он всегда будет, для званых «Богом»⁷, *Христос, Божия сила и Божия премудрость* (1 Кор. I. 18–24). Пусть наконец настанут и те лютыя времена, когда человеки здравого учения *не слушают, но по своим похотех изберут себе учителя, чешем слухом, и от истины слух отвратят, «и к басням уклонятся»*⁸ (2 Тим. IV. 3 и 4); во след за лжеучением приведут богоотступление, и самую любовь иссушат преумножением беззакония: по мере сих событий сила крестная, как при втором распятии Господа, проникнет с новым обилием все человечество и всю природу, сотрясет всю землю, разрушит в ней то, что было твердо, низринет то, что возвышалось, затьмит то, что блистало, не столько в отмщение врагам Божиим, которые обыкновенно сами уготовляют себе гибель, сколько для того, чтобы ускорить и довершить привлечение всего к Вознесенному от земли. Равным образом и любовь, подобно предуготовленному елею мудрых дев, неприметно для юродивых, соблюдется дотоле, как явится вожаемый Жених, и она седмичным пламенем воспыхает в день брака агнчаго; – и дотоле, как пройдут и небо и земля, и вера и надежда, *и будет Бог всяческая во всех* (1 Кор. XV. 28), поелику во всех Богоносных сердцах будет *любовь, изливаемая в них Духом Святым* чрез язвы крестныя.

Вот, христиане, и начало, и середина, и конец креста Христова – все одна любовь Божия! Как в чувственном сем мире, куда ни прострем взор к Востоку или Западу, к Югу или Северу, всюду зрение упадет в неизмеримость неба: так в духовной области таин, по всем измерениям креста Христова, созерцание теряется в безпредельности любви Божией. Прекратим дерзновенное о сем немотствование. Слово крестное чем более изрекается, тем более онемевает язык плоти, и око земного ума слепотствует от избытка небесного света крестного. Сам вечный Художник креста, *Отец Господа нашего Иисуса Христа, да даст вам по богатству славы Своея, силою утвердиться духом Его во внутреннем человеке; вселится Христу верою в сердца ваша: в любви вкоренени и основани, да возможете разумети со всеми святыми, что широта и долгота и глубина и высота, разумети же в сем непостижимом многокрестии единую преспеющую разум любовь Христову, да исполнитесь во всяко исполнение Божие* (Еф. III. 14–19).

Впрочем, вспомним, что если мы не по имени токмо христиане, но или есмы, или хотя желаем быть истинными последователями Иисуса Христа, то имеем и свой крест, по его заповеди: *аще кто хочет по Мне ити, да отвержется себе, и возмет крест свой, и по Мне грядет* (Мат. XVI. 24). Поелику же наш крест должен быть подобием Креста Христова, то не отрадно ли теперь помыслить, что и наш крест должен состоять из единыя любви? Так, христиане, сей крест, от которого миролюбцы бегут, как от мучителя⁹, и от которого самые крестоносцы не редко стонут, но большею частию потому, что благое и легкое бремя Христово, по неведению, малодушию, неопытности, увеличивают

собственными тяжестями, – сей страшный крест весь из любви – что может быть утешительнее? – весь из любви состоять должен. Но да принесет ныне каждый из нас малый крест свой и приложит к великому Кресту Христову, дабы видеть, сообразен ли онный своему первообразному: ибо мы должны ведать, что всякий крест, не подобный Кресту Христову, не вознесет нас от земли, но падет и с нами и истрется под нами в дрова огню геенскому. Итак, воззрим еще раз на Крест Господень. Се любовь Отца небесного распинает за нас едиnorodного Сына Своего, – как сообразуется сему наша любовь? Совершаем ли мы дело Авраама (Быт. XXII), возношение на жертвенник любви Божией всего нам любезного, без колебания, без остатка собственности, паче упования? Се любовь Сына Божия сама предает себя на распятие не токмо Святейшей руке Отца Своего, но и рукам грешников: научила ли любовь и нас неограниченной сей преданности судьбам Божиим, с которою бы мы, как Исаак, всегда были готовы быть жертвою – для славы ли Божией, для очищения ли собственного, для блага ли ближних? Се любовь Божия, изливающаяся Духом Святым, наполняет горняя и дольняя, объемлет время и вечность, дабы и ожестившее и омертвившее враждою против Бога растворить в живоносную и блаженную любовь: умеет ли и наша любовь побеждать злое благим, благословлять кленущих, молиться за распинающих и не знать ни одного врага во всем мире, хотя бы он не давал нам ни одного друга? – Не умножим сих вопрошений. Здесь должна продолжать беседу – совесть каждого, которая и возвестит нам, ныне, или некогда, непременно, или горе, ожидающее врагов креста, или победу, мир и славу его любителей, по суду закланного на кресте Агнца Божия, Ему же от всякого создания *благословение и честь и слава и держава во веки веков* (Ап. V. 13). Аминь.

ХП.

12. СЛОВО

на Преображение Господне.

(Говорено архиепископом Тверским Филаретом

в Тверском кафедральном Преображенском соборе;

напечатано в собр. 1820, 1821, 1844 и 1848 гг.).

<1820>

*Взыде на гору помолитися. И бысть,
егда моляшися, видение лица Его ино;
и одеяние Его бело блистая.
И се мужа два с Ним глаголюща,
яже беста Моисей и Илия.
Лук. IX. 28, 29 и 30.*

Высокое зрелище на горе Фаворской. Зрелище, подлинно, достойное того, чтобы и видеть оное с восхищением, как видели Апостолы, и воспоминать с торжеством, как мы ныне воспоминаем. Не напрасно и те, которые были свидетелями великих явлений на Синае и Хориве, – не напрасно Моисей и Илия являются на Фаворе. Они увидят здесь более, нежели там. На Синае и Хориве сила и слава Божия открылась человекам сквозь силы видимого естества: на Фаворе не только Божество является человекам, но и человечество является в Божественной славе. Моисей трепетал на Синае (Евр. XII. 21); Илия жаловался

на Хориве (3 Цар. XIX. 14): в Апостолах на Фаворе сквозь ужас сияет радость: *добро есть нам zde быти*.

Христиане! вероятно, сердце ваше готово сказать о зрителях Фаворской славы: воистинну добро есть им тамо быти! Счастливы они, что могли там быть! Что-ж, если скажем вам, что путь к созерцанию Фаворской славы не поглощен бездною, не прегражден стеною, не зарос тернием, не забыт, не потерян, но еще и ныне указывается знающими желающим (Не трудно понять, что сие говорится о пути духовном: ибо телесным шествием, конечно, нельзя взойти к видениям духовным и откровениям Божественным). В самом деле, для чего Евангелист, приступая к изображению славного Преображения Господня, прежде всего свое и наше внимание обращает на молитву: *взыде на гору помолитися*? Для чего еще, как будто не полагаясь на проницание некоторых читателей и слушателей Евангелия и опасаясь, что недовольно поймут важность замеченного обстоятельства, он тут же повторяет, что Преображение Господне случилось во время молитвы: *бысть, егда моляшеся*? Для чего иначе, если не для того, чтоб указать нам в молитве путь к свету Фаворскому, ключ таин духовных, силу откровений Божественных?

Если Богомудрый Евангелист нашел столь нужным с изображением славы Фаворской соединить мысль о молитве, то конечно не излишне будет и нам, христиане, с воспоминанием славного Преображения Господня соединить хотя некое малое размышление *о силе и действии молитвы*.

Хотя должно уповать, что в сем доме молитвы нет никого, кто бы не имел более или менее познания о силе и действии молитвы, однако, для основательного знания, да будет позволено войти о сем предмете в исследование, как бы о неизвестном. Итак, имеет ли какая-нибудь молитва какое-нибудь действие? – Сей вопрос не долго может оставаться неразрешенным. Он разрешается общим смыслом человеческого рода, ибо все от просвещенного чистым светом веры христианина до язычника, омраченного грубым суеверием, – все люди признают обязанность молиться, а большая и лучшая часть людей и самым делом исполняют сию обязанность, хотя не одинаковым образом и не с одинаковым успехом; но для чего бы и устанавливать и совершать молитву, если бы не признавали в ней никакой силы и не ожидали от нея никакого действия? Если кто спросит, как могут и язычники быть свидетелями о силе молитвы, когда они, не имея истинного богопочтения, не имеют потому и истинной молитвы, – того мы опять спросим: как же у них и есть какая-нибудь молитва? Как ни старайся изъяснить, какое бы то ни было, несовершенное, явление молитвы, в основание происхождения его всегда должно будет положить силу молитвы. Молятся и язычники, конечно или потому, что оставляемый тварию, но не оставляющий ее, Бог и в их омраченных сердцах оставляет некоторые искры Своего света, который *просвещает всякаго человека, грядущаго в мир*, и которого *тьма не объемлет* (Иоан. I. 9 и 5), который и во плоти возбуждает некое чувство потребности духовной, дает некое предчувствие о возможности ее удовлетворения, и таким образом побуждает звать к неведомому Богу о неведомой помощи, – или потому, что из самага блага чувственности, в котором погрязло язычество, иногда возникали некоторые окриленные души, которые, при сознании низости и нечистоты сего состояния, искренним желанием и усилием познать силы духовнаго мира, достигали некотораго причастия их, и потом научали других достигать того же искренним и крепким желанием, то-есть, молитвою, – или наконец потому, что еще с тех времен, когда во всем роде человеческом было истинное Богопознание, и следственно во всем роде человеческом известна была сила и действительность истинной молитвы, несмотря на последовавшее повреждение Богопочитания, осталось неизгладимое всеобщее уверение как о необходимости самага Богопочитания, так и о пользе молитвы, то-есть о ее силе и действительности.

К несчастью, есть философия (того рода, который Апостол Павел называет философией *по стихиям мира, и тщетною лестию*) (Кол. II. 8), которая, пренебрегая вообще свидетельство человеческого рода, думает надежнейшее свидетельство истины дать сама себе. Она учит, что как весь мир связан узами причин и последствий, в которых и свободныя существа более или менее запутаны, то, когда человек молится, – например, о изобилии плодов земных, а сие изобилие зависит от благорастворения воздуха, благорастворение воздуха от действия и воздействия солнца, земли и воды, действие же их от законов мира, однажды Творцом его постановленных и всегда постоянно и необходимо действующих, – он молится или бесполезно, или разве только для своего смирения и покорности пред властью и величеством Творца. Заметим, что и сей род мудрования не может отнять у молитвы хотя того действия, что она образует в человеке качество смирения пред Богом, – а это уже не маловажное и спасительное действие. Но сего не довольно. Спросите, если встретите, учеников сего мудрования, что лучше: искусная машина или существо живое, разумное, свободное, и благоустроенное общество таковых существ? Что возвышеннее: художник, который устроил машину и наблюдает за ее движениями, или отец, который родил детей и воспитанием образует их в свое подобие, и царь, который основал царство свободных и управляет ими так, как они хотят быть управляемы, только без нарушения его премудрых и благих намерений? Выбор здесь не труден, и ответа ожидать не нужно. Спросите же их еще: для чего в творении Всесовершенного Творца лучше хотят они видеть совершенное произведение, нежели благоустроенное царство премудраго Царя и великий дом Отца Всеблагаго? Почему охотнее представляют себе Бога Художником мира, нежели Царем неба и земли и Отцем духов? Ответа на сие предоставим им искать в своей совести, а для нашего настоящего разсуждения довольно, что если Бог есть не только Создатель наш, но и Царь и Отец, то нет сомнения, что дети не вотще будут призывать Отца, и Царь не заградит слуха от сынов Царствия. И удивительно ли, если чадолюбивый Отец в удовлетворение добраго, или, по крайней мере, невиннаго желания сына, остановит или переменит движение машины, которую он устроил? Так не удивительно, если Всеблагий Отец небесный, по молитве земнородных чад своих, дает новое, необыкновенное направление природе, управляемой законом необходимости. Сим уподоблением изъясняет действие молитвы сама Истина и само Слово: *аще вы лукави суще, умеете даяния блага даяти чадом вашим: кольми паче Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него* (Матф. VII. 11).

Некоторые христиане, знающие и творящие дело молитвы более наружно, по обряду, нежели внутренно, по духу, не сомневаясь в неопределенной мысли, что молитва может быть сильна и действительна, недоумевают или совсем ошибаются в приложении сея мысли к самим себе и своей молитве. Молясь многократно, и не видя¹ ощутительных последствий своея молитвы ни в себе, ни окрест себя, вместо того, чтоб усомниться в истине и достоинстве своих молитв, они получают духом лености и самопрельщения вдыхаемую мысль, что молитва сильная и действительная есть, может-быть, особенный дар благодати, предоставленный только для некоторых избранных Божиих и для некоторых только чрезвычайных случаев. Для таковых скажем не обинуясь, что нет человека, котораго молитва не могла бы соделаться сильною, если он того твердо и чистосердечно, с верою и упованием на Бога, возжелает; и нет вещи, в которой бы молитва не могла соделаться действительною, если только предмет молитвы не противен премудрости и благодати Божией и благу молящагося. Много сказано: надеемся однако, что не обманем истинных любителей молитвы.

Представьте себе человека, который силою молитвы затворяет и отверзает небо для прекращения и низведения дождя; велит, чтобы горсть муки и немного елея достаточны были для пропитания нескольких человек, на несколько месяцев, и даже, может быть, не на один год, – и сие исполняется; дует на мертваго, – и он воскресает; низводит с небес

огнь, дабы он попалил жертву и жертвенник, погруженный в воду. – Что может показаться необыкновеннее сея силы молитвенныя? Но так кажется только для человека, не знающего силы духовной; а для знающего сие есть дело подобного нам человека. Это не мое мнение, но учение Апостольское. Апостол Иаков, поучая нас *молиться друг за друга*, в убеждение к сему говорит, что *много может молитва праведнаго*, и сие общее для всех наставление, и убеждающую мысль подтверждает именно примером необыкновенного человека, которого мы теперь изобразили и которого он называет подобным нам человеком: *Илиа человек бе подобострастен нам, и молитвою помолися, да не будет дождь; и не одожди по земли лета три и месяц шесть: и паки помолися; и небо дождь даде, и земля прозябе плод свой* (Иак. V. 16, 17 и 18). Для чего сказано здесь, что сей чудодействующий Илиа был *подобострастен нам*? – Точно для того, чтобы, почитая его необыкновенным человеком, не обленились мы подражать ему и достигать силы в молитве.

Если, несмотря на сие, подражать в молитве Пророку – кажется вам жребием, превышающим вашу посредственность, и высотой недосызаемую; то представьте себя, чем вам угодно, меньшим пророка, представьте себя хотя меньше, нежели христианами, хотя только язычниками: и в сем случае, я утверждаю, что молитва ваша может быть сильна и действительна. Она может – чего больше? – может и из язычников соделать вас истинными христианами; может ввести вас в истинное Богопознание и Богопочтение, хотя бы оно и неизвестно вам было, и, если не будет близко человека, который бы мог руководствовать вас к тому, она отверзет небо и низведет вам оттоле Ангела, который наставит вас. Но не мечтаю ли я, увлекаемый желанием возбудить вас к молитве сильной и действительной? Нет, братия и смолитвенники, я все говорю о том, что действительно уже было, а потому и опять быть может, и о чем свидетельствуют наши священные книги. Известный из книги Деяний Апостольских (X) Корнилий, сотник Римскаго войска, был язычник; не известно, знал ли он *единого Бога*, а то верно, что не знал, *Егоже послал есть Бог, Иисуса Христа*; но он творил столько добра, сколько разумел, боялся и непрестанно призывал Бога, хотя и неведомаго: *благоговеин и бояйся Бога со всем домом своим, творяй милостыни многи людем, и моляйся Богу всегда* (2). И что же сделала постоянная молитва язычника? Она точно преклонила к нему Небеса, и низвела в помощь ему вышния, даже Божественныя, силы. Среди самой молитвы является ему Ангел. *Корнилие*, говорит он, *услышана бысть молитва твоя* (31), и потом научает его призвать Апостола Петра. Когда же призванный Апостол проповедал ему Иисуса Христа, Дух Святый, еще прежде совершения крещения, излился на Корнилия.

Изыскивайте, если хотите, изобретайте в мыслях ваших вещь, которая казалась бы недоступною силе молитвы – не отчаяваясь при свете слова Божия показать вам, что она доступна и достижима, хотя бы даже казалась невозможною. Вообразите, например, целый народ тяжким преступлением раздраживший Бога; присовокупите, что Бог уже изъявляет праведную волю Свою погубить сей народ, и что в сии ужасныя минуты остается один только человек на свете, который может принести молитву за сей, почти уже поглощаемый адом, народ. Не кажется ли вам, что уже невозможно спасти народ сей? Опыт Моисея показал, что и сие возможно. Народ Израильский, непосредственно после славнаго Боявления и законоположения Синайскаго, вдруг впадает в идолопоклонство. Моисей предстоит Богу на горе. Выслушайте и уразумейте, какия дивныя слова в сие время изглаголат Господь Моисею: *и ныне остави Мя, и възъярився гневом на ня, потреблю их* (Исх. XXXII. 10). О, Господи Боже духов и всякия плоти! неужели сей раб Твой, который только Твоею силою силен, может воспрепятствовать исполнению воли Твоей? Оставь Меня, глаголет, Я хочу явить праведный гнев Мой, хочу погубить сей народ; но ты меня удерживаешь. *Остави Мя, и възъярився гневом на ня, потреблю их*. Что же еще? Молитвенник и тогда не оставляет Бога, но усугубляет молитву, и гнев

непобедимаго Всемогущаго уступает силе молитвы бrenнаго человека. *И умилившись Господь о зле, еже рече сотворити людем своим* (14). Измеряйте здесь, если можете, чудесную силу молитвы, и найдите после сего, чего бы не могла она совершить во спасение!

Дабы усмотреть еще, с какою удобностию ключ молитвы отверзает духовныя и Божественныя сокровища, воззрим паки к Фавору, к которому и старались мы приблизиться настоящими размышлениями. Всмотримся еще раз прилежно в изображение Преображения Господня у Евангелиста: *взыде на гору помолитися. И бысть, егда моляшися, видение лица Его ино, и проч.* Если смеем мы по сим чертам угадывать сердечную тайну Божественнаго Иисуса: кажется, на пути к Фавору в прямом и непосредственном намерении Его было не преобразование, но просто молитва: *взыде на гору помолитися*. Кажется, и на самой горе, в самыя минуты преобразования, собственною целию действия Его была только молитва: *бысть егда моляшися*. Размышляющему не покажется невероятною и та догадка, что предметом сея молитвы Спасительской долженствовало быть приготовление Себя и учеников к приближающемуся Своему страданию и крестной смерти, о чем Он не задолго пред сим открылся ученикам (Лук. IX. 22), и о чем в самое время Преображения беседовали с Ним Моисей и Илия (31). Как же среди молитвы о страдании открылась слава? – Как самородный, так сказать, цвет и плод обильной живою силою молитвы. Дух молитвы, сливаясь с Духом Божиим, исполнил светом душу Иисусову; преизбыток сего света, не удерживаясь в душе, пролился на тело – и просиял в лице; не вмещаясь и здесь, осиял и преобразил самую одежду; расширяясь еще далее, объят души Апостолов – и отразился в восклицании Петровом: *добро есть нам zde быти*; прошел в область внутреннего мира – и привлек оттоле Моисея и Илию; достиг самых недр Отца Небеснаго – и подвигнул любовь Его к торжественному свидетельству о возлюбленном: *Сей есть Сын Мой возлюбленный*. О, чудо молитвы, единым действием объемлющей небо, и землю, и самое Божество! – Да не скажет кто, что сей пример молитвы до нас не относится, как дело Богочеловека. Он относится, и до нас, христиане; ибо в нас тоже, хотя не в том же степени, должно совершаться, что и во Христе. *Сие да мудрствуется в вас, учит Апостол, еже и во Христе Иисусе* (Фил. II. 5).

Время наконец спросить: отчего же столь многия молитвы остаются без действия, если всякая молитва может быть столь сильна и действительна? Ибо для сего наипаче вопроса сказано все, что доселе сказано. Отличим здесь один случай, когда молитва кажется не исполненною, между тем как она исполняется неожиданным и высшим образом. Так, Павел *трикраты молил Господа, да отступит от него пакостник плоти*, но Бог ему отвечал: *довлеет ти благодать Моя; сила бо Моя в немощи совершается* (2 Кор. XII. 8 и 9). Не прекращено искушение, но еще более дивная дарована победа над продолжающимся искушением. Если исключить подобные сему случаи, то все безуспешныя молитвы объясняются кратким изречением Апостольским: *желаете, и не имате, зане не просите; просите и не приемлете, зане зле просите, да в сластех ваших иждивете* (Иак. IV. 2 и 3). Наши молитвы бесплодны или потому, что это не суть прошения прилежныя и неотступныя, которыя бы исходили из глубины души, и в которых бы вся душа изливалась, но только желанія слабыя, которыя мы изрекаем без возбуждения духа, и думаем, что они сами собою должны исполниться; или потому, что прошения наши не чисты и злы, что мы просим вреднаго, а не полезнаго для души нашей, или просим не во славу Божию, но для удовлетворения наших хотений плотских и самолюбивых.

Молись, христианин, молитвою крепкою, от всея силы души твоя, молитвою прилежною и неотступною, молитвою благою и чистою, а если сего не обретаешь в себе, молись о самой молитве, и ты молитвою сперва приобретешь молитву истинную и действительную,

потом сия все победит с тобою, и все тебе приобретает, возведет тебя на Фавор, или в тебе откроет Фавор; низведет небо в душу твою, и душу твою вознесет на Небо. Аминь.

ХІІІ.

13. СЛОВО

в неделю третью по пятидесятнице.

(Напечатано в собр. 1820, 1821, 1844 и 1848 гг.).

<1820>

*И о одежде что печется?
Смотрите крин сельных,
како растут: не труждаются, ни прядут.
Глаголю же вам, яко ни Соломон
во всей славе своей облечется,
яко един от сих. Матф. VI. 28 и 29.*

Можно предугадывать, что говорено будет против излишних попечений об одежде и «убранстве»; и, может-быть, при сей догадке, некоторые уже помышляют, что сей предмет слишком мал для того, чтобы занять внимание христианского собрания, в час, назначенный для спасительного учения. Но излишества и в малых вещах не суть малости. Излишество в пище и питии в самом начале своем есть источник немощей и болезней; а в своем продолжении может превратиться в медленное самоубийство. Так и вред суетных попечений об одежде простирается от тела до души: это уже не малость! Есть люди, у которых сии попечения составляют не малую долю ежедневных упражнений, и похищают великую часть времени, которое, все без остатка, нужно для приобретения вечности, это никак не малость! Кому, несмотря на сие, поучение об одежде и уборах кажется малостию, тот пусть помыслит, мог ли величайший под солнцем Учитель учить малостям? Не слушайте, если не угодно, малых людей, разсуждающих о малостях, но вы не должны оставить без внимания того, чему Небесный Учитель нас поучает.

О одежде что печется? Смотрите крин сельных, како растут: не труждаются, ни прядут. Глаголю же вам, яко ни Соломон во всей славе своей облечется, яко един от сих.

Что такое одежда? В порядке естественном – средство для защищения человеческого тела от разрушительного действия стихий; в порядке нравственном – защита стыдливости; в порядке гражданском – искусственное прикрытие членов тела, приспособленное к отправлению того или другого звания общественного, и вместе отличительный знак званий и степеней, в них постановленных. Хотя из сих понятий тотчас можно усмотреть, что попечениями об одежде должны управлять необходимость, скромность, постоянство: впрочем, не остановимся на сих понятиях, которые более показывают правильное употребление одежды человеками и обществами, нежели ее происхождение и первоначальное назначение от Творца человеков и обществ человеческих. С сего священного места можно и должно видеть далее, нежели обыкновенно видит мир и его стихийная мудрость.

Возведите мысли ваши к первым дням вселенныя, в которые человеческий род заключался в одной чете, только вышедшей из рук Создателя в совершенной чистоте и святости, – вы не найдете там никакого следа одежды. *Беста*, говорит книга Бытия, *оба*

нага, Адам же и жена его, и не стыдятся (Быт. II, 25). Можно даже сказать без противоречия свидетельству Слова Божия, что они не были и наги, потому что не имели и не ощущали того недостатка, который мы называем наготою: подобно как тот не есть еще гладен, кто не принимает пищи, но и не чувствует в ней нужды. Но вкусили прельщенные лукавым змием от запрещенного плода, и *разумеша, яко нази беша* (Быт. III. 7). Вот начало наготы! Яд греха, принятый в душу и сердце, быстро разлился по всему существу их; страсти возбудились и произвели беспорядочные движения в теле; и похоть ли, которая *зачениши раждает грех* (Иак. I. 15), сама тотчас родилась от первого греха, или несчастные родоначальники устыдились будущего племени, которое носили в чреслах своих и которого сделались теперь убийцами; – только они прежде всего поспешили закрыть сии чресла. *И сшиста листвие смоковое, и сотвориша себе препоясания* (Быт. III. 7). Вот происхождение одежды!

Итак, что есть одежда наша? Она есть произведение беззакония; она есть obligation греховной раны, и притом пустое, без целебного еля; она есть слабое средство для кратковременного сохранения осужденного тела от действия стихий, совершающих его казнь; она есть прикрытие нравственного безобразия, соделавшагося естественным; она есть защита от стыда телесной наготы, изобретенная обнаженным в совести человеком; она есть видимый знак человека – преступника; она есть всеобщий и всегдашний траур, наложенный раскаянием, по смерти первобытной непорочности; она есть знамя победы, которое наш враг выставил наружу, овладев нашею внутренностью. Что же делают те, которые с такою заботливостью наперерыв стараются блистать красотою и величием одежд? – Едва ли что-нибудь более, как только возобновляют и украшают торжество древнего врага человеческого рода. Что значит сия гордость, с которою имеющий на себе дорогую одежду едва удостоивает взора покрытую вретисом или полураздетую нищету, – сия ненасытимость, с какою некоторые со дня на день умножают сие непостоянство, с которым так часто переменяют уборы? Не есть ли сие нечто подобное тому, как еслибы больной вздумал тщеславиться множеством своих струпов и красотою обязанностей; или, еслибы раб, принужденный носить оковы, желал иметь их в великом числе и выработанные с разнообразным искусством?

Правда, Бог некоторым образом освятил то, что есть в одежде простейшего и вместе необходимейшего. *И сотвори Господь Бог Адаму и жене его ризы кожаны, и облече их* (Быт. III. 21). Но чрез сие самое вновь осуждается безразсудная заботливость о украшении тела. Если вещество, по наставлению Самого Бога, употребленное для составления одеяния, было кожа: то для чего некоторые или несчастными, или презренными представляют себе тех, которые носят простой лен и грубую волну? Для чего нам неприятно, если не на нас прядет шелковый червь, не для нас земля рождает золото, и море перла? К чему столь детский прихоть? Чего вам лучше и благолепнее той одежды, которую для вас готовит Сам Бог? Ибо можно сказать, что Он и для каждого из нас, как для Адама и его жены, творит потребные ризы. В какой стране мира Он предопределяет нам произойти на свет, в той же и производит все, что, по качеству сея страны, потребно для тела нашего, и для снискания того, что необходимо потребно, почти всегда довольно средств влагает в руки наши Его премудрый Промысл. Для чего же еще мы не редко желаем, чтобы одежда наша превышала не только требование необходимости, но и приличие нашего состояния? Для чего иногда мы не довольны своими украшениями потому только, что оныя не похищены у отдаленнейших братий наших? Посмотрите – так премудрость Божия постыждает не только суетные попечения о излишнем, но и о потребном излишняя – посмотрите на полевые цветы, как они растут: не прядут и не трудятся, а вы, маловеры, мучите себя по произволу изыскиваемыми заботами о вашем одеянии, как будто Провидение меньше занимается вами, нежели бытием, ныне

цветущим, а завтра увядающим, и будто Оно забыло близ вас произвести для вас потребное!

И какой же предмет столь нетерпеливых забот? – Нежная ткань, драгоценные камни, чистое золото – пусть приложат к сему исчислению, что еще угодно – как все сие мало и недостойно озаботить того, кто хотя мало размышляет! Не знаю, что может давать золоту на весах разумного человека такую же тяжесть, как и на весах торжника, если это не есть тяжесть бед, которыми обременяет оно род человеческий. То, что называют лучшею водою в камнях, не суть ли слезы несчастных жертв, которые вживе, «глубже» мертвых погребаются во мрачном чреве гор, для извлечения оттуда сих драгоценных безделиц? Лучшие произведения искусных рук могут ли составить чью-нибудь славу, кроме своего художника? И далеко ли простирается сия слава? Художник мира положил предел для тщеславия смертного искусства в самых обыкновенных делах природы. Посмотрите еще раз на полевые цветы: Соломон, во всей славе своей, не облачался так, как последний из них, говорит Истина.

Если вы, смотря на полевые цветы, не обретаєте в себе мудрости пчел, дабы собрать с оных тонкий, духовный мед; если зрелище природы не приносит вам наставления, которое бы обратилось в вас в силу и жизнь: изберите себе другое, высшее зрелище; возвысьте дух ваш, и воззрите не на образ и тень истины, но на самое лицо ея, на красоту не созданную, на цвет совершенства, – воззрите, члены тела Христова, на Главу свою и всмотритесь пристально, пристанут ли ей любимыя вами украшения. Какая несообразность! Глава во яслях, на соломе, а члены хотят почивать на своих седалищах и утопать в одрах своих! Глава в унижении, в нищете, а члены только и помышляют о богатстве и великолепии! Глава орошается кровавым потом; а члены умащаются и обливаются благовониями! Со Главы падают слезы, а члены жемчуг осеняет! Глава в тернии, а члены в розах! Глава багреет от истекшей крови, и смертною объемлется бледностию; а члены лукавым искусством дополняют у себя недостаток естественной живости, и, думая сами себе дать красоту, в которой природа им отказала, превращают живой образ человеческий в изображение художественное! Глава то в наготе, то в одежде поругания, а члены любят покоиться под серебряным виссоном, под златым руном, или, вместо наготы Распятого, с презрением стыда и скромности, вымышляют себе одежду, которая бы не столько покрывала, как обнажала! Но – *да не возглаголют уста моя дел человеческих* (Псал. XVI. 4)! Должно опасаться, чтобы не почтено было неблагопристойностию обличение обычаев, которым однакож последовать неблагопристойностию не почитается.

Что ж? – спросят, вероятно, люди, более желающие избавиться от обличения, нежели исправить обличаемое, – неужели все должны отвергнуть всякое благолепие и облечься в рубища? – Нет, совопросники, *мудрые, еже творити злая, благо же творити не познавшие* (Иер. IV. 22)! Никто сего не требует. Божественный Учитель наш обличает, а потому и нас обязывает обличать только попечения об одежде и особенно излишняя, суетная, пристрастная. *О одежде что печется?* Впрочем известно, что и Сам Он (без сомнения, дабы не лишить утешения и награды людей, служивших Его телесным потребностям) носил драгоценный не швейный хитон, который пожалели раздрать разделявшие ризы Его. Есть род и степень благолепия, и даже великолепия в одеянии, который назначает не пристрастие, но благоприличие, не суетность, но состояние, не тщеславие, но долг и обязанность. Но попечения без конца, пышность без меры, расточение без цели, ежедневныя перемены уборов потому только, что есть люди, которые имеют низость заниматься изобретениями сего рода, и что слишком много таких, которые имеют рабскую низость подражать сим детским изобретениям – невероятная безразсудность! Безразсудность тем более странная и нелепая, что, без сомнения, многие,

виновные в ней, признают ее, и однакож не перестают вновь делаться виновными в ней! И пусть бы оставалась она безразсудностию: бедственно то, что ею поражаются и питаются беззакония. Спросите, например, некоторых пришедших в сие священное место не прежде начала, но уже в продолжении общественных молитв и священнодействия, спросите и сами себя, вы, с которыми сие случилось: как похищено сие время у Бога и у души? – Окажется, что у некоторых оно посвящено было телу, из которого творили тогда кумир. Не видите ли, как явно мнимыя малости ваши обращаются в оскорбление Великаго Бога? Или, посмотрите, как иногда на торжище без внимания проходят мимо нищаго, просящаго мелкой монеты на хлеб насущный, и тысячи отдают за ненужное украшение. Кто дерзнет сказать, что тут не нарушена любовь к ближнему? Кто же не видит из сих немногих примеров, как легко извиняемая миром суетность может сделать человека повинным «пред обеими скрижалями» закона Божия.

||Христиане! как наследники и будущие возобновители рая, не обленяйтесь исторгать из сердец ваших и малое бытие нечистых страстей, дабы не умножились плевелы, и не возрасло терние, и не было подавлено семя Божественное. Лучше лишиться тысячи украшений тела, нежели представить Всевидцу малейшее пятно в душе и совести. Ах! хотя бы под рубищем, только бы сохранить то царственное облачение, о котором писано: *Елицы во Христа креститесь, во Христа облекостесь* (Гал. III. 27). Аминь.

ОТДЕЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

СЛОВА и РЕЧИ,

НАПЕЧАТАННЫЯ ПРИ ЖИЗНИ ПРОПОВЕДНИКА,

НО НЕ ВНЕСЕННЫЯ В СОБРАНИЯ 1844, 1848 и 1861 ГОДОВ.

(Слова и речи этого отдела, за немногими исключениями,

частью вошли в первыя три собрания, частью остались напечатанными

только в отдельных брошюрах. Вошедшия в собрания –

печатаются с собрания 1821 года, остальные – с брошюр).

1806 год.

XIV.

1. СЛОВО

на день торжества освобождения обители

преподобнаго Сергия от нашествия врагов.

Говорено Троицкой Семинарии греческаго и еврейскаго языков учителем Василием Дроздовым в Троицкой Лавре генваря 12; напечатано вместе с следующим словом отдельно с таким одобрением на обороте заглавнаго листа: «Я сии сочинения читал, и ничего в них не нахожу к печатанию сомнительнаго». Платон, Митрополит Московский.

<1806>

Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа.

Было время – простите мне, что я от светлаго торжества облеченной славою России бросаю взор на мрачные виды России страждущей: тень возвышает красоту света, – было несчастное время, когда отечество наше, терзаемое иноплеменными, преданное недостойными сынами, готовилось испустить последнее дыхание. Часть верных ему и Богу, бежавших от опустошенных градов и сел, сокрывалась тогда в сей ограде, и враги, которые, казалось, клялись не щадить ничего священного, истощили против нея все усилия злобы своей.

Ужасное состояние! Два ненасытимыя чудовища, война и мор, споря о добыче, соглашаются в лютости, с которою хотят поглотить сию обитель. Смерть за стенами, смерть в стенах; смерть носится в воздухе, смерть крадется подземными стезями. Убийственные орудия досягают самага сего святилища, и Святые Божии приемлют раны в своих изображениях. Мышцы, способныя обращать меч, оскудевают; едва остается несколько слабых рук для воздеяния ко гневным небесам.

Наконец, когда сырия чада отечества слезящими глазами увидели, колико суетно спасение человеческо; когда все колебалось, кроме упования на Вышнюю помощь; когда почти не было уже других орудий, кроме веры и молитвы, – Господь сил венчал нас оружием благоволения, и отчаяние, не нашед места между памятниками благочестия, устремилось в полчища злодеев.

Слава вам, насадители сего вертограда, возрастившаго лавры и оливы! Слава вам, безплотные вожди безоружных воинов, преподобные, Отцы, Сергие и Никоне, основатели и покровители сея обители! Слава тебе, беззащитная защита бедствующаго царства! Торжествуй ныне избавление свое и со всею победоносною отселе Россиею, в подражание победоносной церкви, исповедай, яко сия есть победа, победившая мир, и мир нам приобретающая вера во Всеблагаго и упование на Всемогушаго (1 Иоан. IV. 4).

Твердость в вере и благочестии, слушатели, есть и всегда [будет] первым основанием и единственным залогом благоденствия общественного.

Полагать началом общежития одну только нужду взаимнаго вспомоществования, а причиною распространения его право сильнейшаго есть представлять общество союзом кровожаждущих тигров и жалких агнцев. Сие есть род безбожия, отъемлющаго у Вседержителя великую область безпредельнаго владычества Его. Думать, что множество различных волей само собою соединилось в одну, что из безчисленных частных выгод случайно составила польза общая – значит производить все творение из нечаяннаго стечения пылинок. Да не прельщает нас обманчивое суемудрие: Бог столько-ж есть Творец собраннаго воедино и приявшаго политическое образование, сколько нравственнаго и естественнаго мира.

От одной и той же мудрости, которая вдунула в перстный истукан дыхание жизни, исходит дух благоустройства одушевить колоссальное тело государства. То же могущество, которое водит звезды в кругах, им предписанных, возводит царей на высоту славы и величия. Один Промысл назирает червей, пресмыкающихся во прахе, и бдит над движениями волнующихся народов. Благость, дающая пищу всякой плоти, питает и возвращает их миром и тишиною. Весы нелицеприятнаго правосудия, на коих определяется истинная цена мыслей и деяний человеческих, не отягчаются извешивать царства и империи. Благо добрым, зло злым: сей вечный закон неизгладимо написан в

книге совести нашей и во внутреннем составе всех обществ. Его влияние не менее простирается на всех вообще, как и на каждого в особенности.

Благодеяние общества не может существовать без строгого исполнения должностей, возлагаемых им на своих членов, и без ревностного их содействия благу целого. Трудности, которые встречаются при исполнении сих обязанностей, опасности, которые бывают иногда с ним сопряжены, личная польза, которою должно часто жертвовать ему, — все сие заставляет искать сильнейших, действительнейших побуждений к хранению верности. Сии побуждения находятся только в добродетели, верою в Бога подкрепляемой. Честь, предположенная единственным концem услуг, оказанных обществу, производит подлых самолюбцев; награждения, принятые за основание верности, дают ему наемников; страх делает рабов, которые алчут собственной выгоды на счет общий. Дщерь Вышняго! ты лучшая мать сынов, ты мать отцев отечества, которые служат ему за совесть, благотворят из послушания к небесному Отцу, из любви ко всем во Искупителе братьям.

С какою осторожностью владыки, обладаемые благочестием, употребляют власть свою, почитая себя токмо первыми рабами пред лицом общего Владыки! Как шадят они кровь подданных, коея каждая капля, невинно пролитая, трогает их душу! С каким тогда благоговением правимые усматривают в своих правителях освященный образ Правителя миров. С какою неусыпною заботливостию испытует истину судия, уверенный, что рано или поздно глас ея услышится пред судилищем вечных правды, и громом отдастся в сердцах глухих для ней аспидов! Какою исполинскою крепостию наполняется воин, который более помышляет о нетленных, нежели о увядающих, венцах и надеется подвигом в юдоли смерти восхитить бессмертие! С какою безопасностью каждый в состоянии своем, как Израиль во дни Соломона под виноградом своим и под смоковницею своею (3 Цар. IV. 25) покоится, когда страх Божий, или паче любовь, от престола до хижины, все покрывая своею кроткою сению, изгоняет все ужасы преступлений!

Что здесь могут надменные враги? — Они сильны, но чего не одолеют имеющие Всесильного своим поборником? Они многочисленны, но чего не сотворит в поругание гордыни Тот, Коего волею и неплоты многочислдствуют, Который и бездетного старца возвращает в язык велиий?

Так, Великий Боже! — *Ты речеши на язык и царство, да возсозиждеши и насадиши я* (Иер. XVIII. 9): *и глагол Твой не возвратится к тебе тощ* (Ис. LV. 11). *Тобою царие царствуют и сильнии пишут правду* (Прит. VIII. 15). Ты изыдеши в силах наших и *падет от страны нашей тысяща и тма, к нам же не приблизится* (Пс. ХС. 7). И сие тогда, когда *яко очи раб в руку господий своих, тако очи наши к Тебе Господу Богу нашему* (Пс. СХХII. 2). Но когда возмутившиеся языцы расторгают узы повиновения Тебе, и отвергают от себя иго Твое, Ты *посеши я жезлом железным, яко сосуды скудельничи сокрушиши я* (Пс. II. 9). Они забывают Тебя — и *отвращишу Тебе лице, мнутя, исчезают и в персть свою возвращаются* (Пс. СIII. 29).

Напрасно говорят, что тело общества подвержено такому же разрушению, как тело животных; что падение государств есть только следствие состава их. Можно, без дерзновенного присвоения высокого дара пророчества, сказать с Пророком каждому Иерусалиму, оставившему Бога своего: *накажет тя отступление твое, и злоба твоя обличит тя* (Иер. II. 19). Для совершения сего предсказания не всегда требуется сверхъестественная месть; стрелы нечестия, пущенныя на небо, медленно или скоро собственною тяжестью низвергаются поразить развращенных народов. Религия в обществе есть пружина, по ослаблении коей все действия махины приходят час от часу в

большой беспорядок. По испровержении сего оплота поток беззакония не находит никакой преграды и всюду разносит бедствия и опустошения.

Кому не изменят изменники Божества? Кого послушают невнемлющие гласу разсудка и природы? Каких казней устрашатся союзники ада?.. Если благое иго веры, успокоивающее совесть, облегчающее тягчайшие прискорбия, воображают несносным или бесполезным, то какое бремя должности покажется приятным и священным? Что же тогда будут законы? – паутина, уловляющая слабых. Что правосудие? – искусство запутывать истину и разсекать узлы ее золотом. Клятва? – звук, бьющий воздух и служащий для успокоения легкомысленных детей. Самая добродетель? – прекрасное имя, которое столь часто будет переходить из уст в уста, что никогда не будет касаться сердца. Мужество? – слепое неистовство, кипящее Фараоновым жаром и его угашающее в пучине отчаяния. Если среди сего замешательства внешний враг пожелает дополнить собою число домашних врагов несчастного общества, и оно не прибегнет паки к помощи, низпосылаемой свыше благочестию, сего довольно для его гибели!

О, да не осуществится вечно начертание сие в тебе, любезное отечество! Да царствует в тебе всегда вера: сие едино есть на потребу для продолжения того благоденствия, которым ты наслаждаешься под скипетром Благочестивейшего Монарха.

Наша польза, слушатели, нас да научит сохранять веру, как драгоценнейший залог благаго неба; или если прошедшее несчастье есть убедительнейший наставник, настоящее торжество, торжество незабвенное, доколе не угаснет любовь к отечеству, его произведшая, – при каждом возвращении своем да повторяет нам он полезный урок. Аминь.

XV.

2. СЛОВО

в великий пяток.

(Говорено в Троицкой лавре).

<1806>

Совершишася (Иоан. XIX. 30)! возопил Иисус на кресте, и возопил *гласом велиим*, дабы он услышался в небесных и земных и преисподних; – гласом, который расторгнул церковную завесу, чтобы показать прехождение законной сени; – гласом, который потряс землю и прошел в сердца гор каменных, дабы в тоже самое время проникнуть и – ежели сие возможно, всемогуществу – смягчить каменное сердце ожесточенного народа. Но *одебеле сердце людей сих, и ушима своима тяжко слышаша, и очи свои смежиша, да не когда узрят очима, и ушима услышат, и сердцем уразумеют, и обратятся, и исцелю я* (Исаии VI. 10) – жалуется Врач душ и телес.

О, Распятый! мы и в отдалении многих веков слышим вопль Твой, видим язвы Твои – и оружие скорби сердце наше проходит. *Совершишася!* но Искупитель продан, истина осуждена, святость поругана, Бог *оставил* Бога (Матф. XVII. 46). *Совершишася!* Но благословение Израилево на древе проклятия, но чаяние языков умирает. *Совершишася!* но падший человек вновь падает ниже прежнего – самоубийца делается *богоубийцою*. Какой ужас! Кажется, ад радостно скрежещет, и гордый враг наш хочет уверить себя и своих единомышленников, что *все совершилось* – значит *все погибло*.

О, Распятый! мы не соблазняемся о Тебе; мы с учениками Твоими *глаголем тя быти Христа, Божию силу и Божию премудрость* (Матф. XVI. 16; 1 Кор. I. 24); мы веруем, что Ты *глаголы живота вечного имаша* (Иоан. VI, 68). Исцели словом Твоим рану Твоими ранами пронзенной души, а вместе и загради уста глаголющих неправедная; научи нас тайне страданий Твоих; открой нам, *какое великое дело и для кого с Твоею кончиною окончилось?*

Христиане! Он не отвечает нам более. Уже Он *преклонь главу, предаде дух* (Иоан. XIX. 30), как бы желая оставить нас в размышлении при кресте и гробе своем.

Совершишася! Не думайте, чтоб умирающая премудрость оставила нас в неведении о таинственном знаменовании сего изречения. Мы находим его пространное изъяснение, начатое в *книге бытия человеческого* и оконченное в *книге жизни Иисусовой*. Чтение сих великих книг может и должно занимать целую жизнь, но несколько строк из каждой достаточны вразумить нас.

Первая из сих книг подобна Иезекиилеву свитку, в нем же *вписано бяше рыдание, и жалость, и горе* (Иез. II. 10); или, точнее, сей грозный свиток есть один лист оныя. Естественное положение племени Адамова заключает в себе не токмо *рыдание*, но и отчаяние, не токмо *жалость*, но и ожесточение, не токмо *горе*, но и погибель. *Помышляет человек прилежно на злая* (Быт. VI. 5); за сим необходимо следует целый поток зла, который от мыслей распространяется на все дела, поглощает все способности, и во внешнем даже состоянии ничего не производит, кроме опустошения. Несчастный в сем бурном океане теряет часто самое чувство потерянных совершенств. Не имея вещественного счастья, он приемлет за него призраки лстиваго воображения. *Богат есмь, и обогатихся*, говорит он, хотя и природа, и закон, и совесть обличают его: *ты еси окаяннен, и беден, и нищ, и слеп, и наг* (Апок. III. 17). Сократим безконечное рукописание, которое вы не можете не знать, пиша в нем каждый свою участь слезами и кровию. Зачинаться в беззакониях, рождаться во грехах, жить среди страхов смерти, умирать в страхе жизни – *сия книга бытия человека* (Быт. V. 1).

Может ли правосудный Бог без пламенного гнева взирать на ежеминутного преступника? Может ли благий Творец с хладным пренебрежением внимать стоны бедствующей твари? Правосудие пробуждает мстительные громы, благость удерживает руку, готовую пустить их. Милосердие хочет подать страдальцу чашу спасения, безчувственный сын погибели не терпит и напоминания о врачевании лютой болезни своей. Если бы неограниченная Премудрость не знала средства согласить непостижимыя сии противоречия, разрушающая гармонию созданий и союз их с своим Создателем; если-бы не умела примирить – да, скажем человечески – Бога с Богом и потом Бога с человеком, то бы никогда не было речено в предвечном совете: *сотворим человека* (Быт. I. 26). В плане бытия мира должно быть назначено *пакибытие* нравственного ничтожества – человека.

Раскроем другую книгу, и прочтем чудесное событие сего предопределения. – *Книга родства Иисуса Христа* (Матф. I. 1). Он есть Сын Божий, *сияние славы отчи и образ ипостаси его* (Евр. I. 3); Он есть сын человеческий, *приискренне приобщившийся плоти и крови* (Евр. II. 14). Он – Бог, чтоб иметь силу понести на себе немощи человеческия; Он – человек, чтобы соделать человек *причастниками Божественного естества* (2 Петр. I. 4). Он – Сын Адамов, дабы вторым быть Адамом новых чад Божиих; – Авраамов, чтобы по образу Исаака представить себя чистейшею, совершеннейшею жертвою Господу; – Давидов, чтобы наследовать и возстановить царство благодати. Наконец Он есть вечная любовь, низшедшая соединить с собою отчужденных от нея грехом смертных, удовлетворив за них Небесному Правосудию.

Так самое рождение Иисуса указывает на Его смерть. И какой величественный свет простирается над крестом, из сей точки зрения рассматриваемым! Сие титло, содержащее вину невинного, сии служители мстящих законов, сие орудие казни, – все сие произвольный Страдалец собирает окрест себя для того, чтобы напомнить нам определение Вышнего судилища, которое исполняет земное неправосудие, в слепом неведении водимое одною злобою. Сии простертые руки объемлют и поддерживают мир над бездною, изрытою под ним его развратом. Сей угасающий взор еще испускает луч милосердия и, будучи устремлен горе, тысящекратно повторяет молитву, не только за виновных мучителей, но и еще более за совинный человеческий род возсылаемую: *Отче! отпусти им* (Лук. XXIII. 34). Сия Божественная кровь... О, любовь безконечная! одной капли ея довольно было бы омыть наши беззакония и угасить геенну нашу, а Ты проливаешь ее потоками! О, милосердый даже до немилосердия! прости упрекам изумленной благодарности! – Довольно, довольно! – или нет! проливай до истощания сей неистощимый ток блаженства, сию воду жизни!.. Ах... я не знаю, что мне делать – плакать, или радоваться? Плакать ли о Твоей смерти, или радоваться о моем в ней бессмертии? Но уже довольно! У креста Твоего *милость и истина сретостяся*; у гроба Твоего *правда и мир облобызастяся* (Псал. LXXXIV. 11). Совершишася!

Искупление проданного под грех совершено; безценная цена заплачена за его свободу: но что, если неключимый раб любит свои оковы; если не имеет и не хочет иметь понятия о даруемой ему свободе? – Божия сила и Божия премудрость должна была преодолеть сие затруднение, и – о, чудо жестокости человеческой! – в немногие дни Ходатай наш преклонил Бога к человеку. Целые годы неутомимых трудов потребны Ему были для обращения человека к Богу: по видимому, легче было для Него положить предел вечной Вечного вражде, нежели ограничить дерзость праха, вихрем непостоянства возметаемаго. За чистейшее учение, за пример святейшей жизни, за поражающия знамения, за безчисленные благодеяния Он требовал вместо благодарности одного согласия принять новое, величайшее благодеяние. Сими златыми оружиями наконец победил Он неверие, и торжественно исповедался Отцу Своему: *Аз прославих Тя на земли; дело соверших, еже дал еси Мне; явих имя Твое человеком* (Иоан. XVII. 4 и 6). Я напомнил Тебя забывшим о Тебе; проповедал им славу благодати Твоей, и вместо имен, коими земнородные доселе называли Тебя, и которые приводили только их в трепет, открыл им сладкое имя *отца*, которым Я даю им область призывать Тебя. Я достиг цели моего посольства. Совершишася!

Но, о Совершитель благодатного о нас смотра! не для всех ли человеков Ты совершил его? Для чего-ж еще не все наслаждаются плодами Твоих подвигов? Ты явил имя Отца Небесного: почто же и ныне слишком много таких, *иже древу рекоша: яко отец еси Ты; и камени: Ты мя родил еси* (Иер. II. 27). Доколе, Господи, доколе?.. Что я сказал? Пусть таким образом вопрошают те, которым *слово крестное юродство есть* (1 Кор. I. 18). Для чего толь наглým любопытством хотеть раздрать завесу непроницаемых судеб? *Нестъ наше разумети времена и лета* (Деян. I. 7); наше есть только желать любовию и молить духовнаго вертоградаря, *да все дивии ветви прицепятся к плодоносному древу веры, да исполнение языков внидет в Церковь, и весь Израиль спасется* (ст. 25 и 26).

Обратим лучше заботливость нашу на самих себя. Для всех ли нас во всем пространстве совершилось великое дело Иисусово? – Увы! и солнце не освещает вдруг вся земля; угрюмая ночь не стыдится ступать по его следам и разстилать свои мраки в местах, им посещенных. Самая глубокая тишина не есть прекращение бури, но только ея действие в других странах воздуха... Пусть бы одна только буря закрыла тучами Солнце правды; пусть бы единожды пострадал и распялся Сын Божий; но тягчайшия страдания Его еще не кончились. Его Апостол и между чадами новаго Израиля видит извергов, *второе*

распинающих его (Евр. VI. 6). Паки оставленную добродетель окружают противныя полчища. Паки в жилище благочестия чистая теплота ревности оскудевает; а суеверие и гонение *возвземают свой огонь* (Лук. XXII. 55), изгребием и плевелами питаемый. Паки робкое и вероломное сердце, страшись трудных путей Иисуса, едва осмеливается следовать за ним издалека и, при малейшей опасности от его врагов, или даже по одному стыду от его поносителей, отрицается его с клятвою: *не знаю человека* (Матф. XXVI. 72). Тщетно Христовы *алекторы* на сих священных местах возглашают жалостную песнь: она не извлекает более слез раскаяния; она проста и единообразна, как истина, и не трогает искусственной чувствительности. Паки Святый предается нечестивому суду – суду неочищенного верою разума. Новый Пилат, вместо безпристрастного исследования, старается показать мнимую власть свою, представляя Его в чужой одежде и странном виде. Мятеж неистовых страстей умножается; слабый оный судия слышит вопль: *распни его* (Иоан. XIX. 15) и, в угождение зверству сей толпы и князю века сего, отказывается далее защищать справедливость. Паки венчает Христа тернием – нега; напояет желчию и оцтом – невоздержание; жестокосердие к меньшим его братьям обнажает его, и заставляет алкать и жаждать; злоба источает кровь его; корыстолюбие и грабительство разделяют ризы его; самолюбивое суемудрие и упорное невежество уже с большим, нежели в первом мучении, бешенством раздирают его нешвенный хитон, терзают самое тело его на части; вольнодумство и неверие прободают его сердце. И здесь все совершается, но совершается к совершенному осуждению богоубийственного нечестия, а во благо, во спасение ничего не совершается. *Се лежит сей* и по смерти своей, так как прежде в пеленах, не токмо на *возстание*, но и на *падение многим* (Лук. II. 34), – многим, которые, гонясь за высокоумными мечтаниями своими, претыкаются о гроб его и невозвратно в преисподняя низвергаются.

Вы безопасны от сего преткновения, слушатели, когда столь внимательно и внешним и внутренним оком разсматриваете гроб сей; когда ваше сердце не распинает Иисуса, но сраспинается ему. Таковыя расположения составляют славу настоящего дня и ваше будущее блаженство. Нести крест самоотвержения и терпения, восходить на самую высоту любви к Божеству и человечеству, распинать плоть со страстями и похотями, умирать миру, чтобы жить Богу – сие есть стяжать все, что совершил Богочеловек; сие дает право каждому подражателю его при конце своего течения и чувствовать и говорить: *совершишиася!*

Совершитель нашего спасения! соверши стопы наши во стезях Твоих. Жизнь умершая! оживи нас Тобою во веки. Аминь.

1808 год.

XVI.

3. СЛОВО

на освящение храма Святыя Троицы

в Махрицком монастыре.

(Говорено 23 августа Троицкой Семинарии высшего красноречия и риторики учителем Василием Дроздовым; напечатано в 1867 году в Истории Троицкой Семинарии С. Смирнова с рукописного сборника, подаренного Московской Духовной Академии Павлом Архиепископом Черниговским, при чем самим проповедником сделан значительный выпуск и некоторое изменение в тексте).

*Страшно место сие:
 несть сие, но дом Божий,
 и сия врата небесная. Быт. XXVIII. 17.*

Вот как и мертвое вещество приемлет живое напечатление живой веры! вот как благочестие изменяет и прославляет места им посещаемыя! Вчера безпокровный странник остановился почить в пустыне, *и взяв от камней места того, положил в возглавие себе:* ныне открыв очи, он видит, что *страшно место сие*, что это не простое место, но *дом Божий, и врата небесная*. – Иакове! сон ли единой ночи соделал сие чудо? Когда спала плоть моя, ответствует он, моя вера бодрствовала, – *и се лествица, ея же глава досязаше до небес, и Ангели Божии восхождаху и нисхождаху по ней, Господь же утверждашеся на ней.*

Обитатели пустыни! не видите ли вы отверстыми очами сновидения Иаковлевы? К вам пришел недавно муж по сердцу Божию, и вы думали, что хотел только препочить у вас; но, увидя здесь развалины, он взял от камней места сего и положил во основание новаго здания. Несколько раз потом видело его место сие почивающа; но тогда бдел над ним попечительный дух его; благотворная рука отверзлась; проливался елей щедрот, каменеие возрастало и процветало. И се что вы наконец видите? Се лествица, ея же глава досязает до небес; ибо Господь на ней утверждается. Место страшное, дом Божий, врата небесная. Это с тех пор, как мы ныне узрели тебя, строитель таин и ангел Божией Церкви, восходяща и нисходяща по сей лестнице; ты низвел небо на верх ея, и утвердил на ней престол Бога триипостаснаго; впрочем мы не отнимаем у тебя дела рук твоих, когда отдаем его Богу: мы тем исповедуем твою добродетель. Суетность устроила бы жилище утех; гордость воздвигла бы капище самой себе, – благочестие созидает храм благочестия и дом Божий. Но поелику духовному Иакову предоставлено зреть ясно тайны онаго; суть же неции от zde стоящих, которые видят едино каменеие места сего и лепоту его наружную, то призови ныне свыше благодать сию, да хотя отчасти прозрю духом моим и, раздрав завесу грубой чувственности, открою *величие дома здесь Божия.*

Когда мы одно место именуем преимущественно пред прочими домом Божиим, – да не подумает кто, будто мы представляем Бога вмести́мым и ограниченным. Охотно соглашаемся с древним мнением, что *Бог есть круг, коего средоточие везде, а окружие нигде*. Но как тогда только мы можем указать средоточие круга, когда оно изображается видимым знамением; подобным образом, тогда говорим с Иаковом: *есть Господь на месте сем*, когда Его присутствие становится нам ощутительно. Так мы видим невидимая Божия от создания мира твореньми помышляема и говорим: природа есть храм Творца. Удивляемся очам бдящим на страже дня и ночи, находя тонкое существо света паче всего видимаго близким к духовному, и называем небо престолом Царя невидимаго. Так и Апостол, приметив, как Бог действует в избранных Своих, еже хотети и еже деяти, приветствует их: *вы есте церкви Бога жива, и дух Божий живет в вас.*

Храм природы необъятен или неуважаем по привычке или невежеству; престол небес недосыгаем для ума земнороднаго; внутренняя церковь невидима иногда и для самих членов ея, как то случилось с Илиею, коему Бог показал в ней седьмь тысяч мужей тогда, когда он почитал себя последним ея останком; а для тех, которых надобно еще призывать к ней, она и совершенно непостижима. Между тем человек более или менее чувственный ищет приблизиться к Богу чувственно; в сем случае, без сомнения, Он Сам приближался к немощи плоти нашей, для возведения нас чрез чувственное к духовному, – когда открывал Себя видимо в сверхъестественных и таинственных явлениях, и сие было чистое начало

как внешнего богослужения, так и всех священных мест, начиная от Авелева жертвенника до безкровных алтарей христианских; тогда как места богослужения соделались предметом богослужения и знаменам приписана сила знаменуемого, родилось идолопоклонство, суеверие, истуканы, капища. — Что бы другое, как не капище был и сей храм, еслиб его только чувственное великолепие привлекало наше почтение? Не превратились бы для нас в идолов и сии священные изображения, еслибы мы повергались перед ними в слепой надежде получить от них освящение, а не потому, что, читая сию открытую книгу таин благопознания и добродетелей христианских, возвышаемся духом в горня? Вещество может освящаться Божеством, а не освящать человечество. Се есть храм Господень: ибо Творец приемлет здесь поклонение твари, в лице человека. Се есть престол Царя царей: ибо здесь Он слышаны творит царям Свои суды и оправдания. Се есть церковь Бога живаго: ибо здесь приходящие ко Христу, камени живу, от человек убо уничижену, от Бога же избранну, честну, и сами яко камение живо зиждятся в храм духовен, святительство свято, возносить жертвы духовны, благоприятны Богови Иисус Христом. Наипаче же се есть дом Божий: ибо здесь Бог является не столько во облечении величества и славы, сколько в кроткой простоте Отца, обращающегося посреди чад и присных своих, к ним беседующаго любовию, им внемлющаго милосердием, их питающаго хлебом живота, и то простирающаго к ним Свои объятия, то их объятиями приемлемаго. Се чудесное ложе, на котором под покровом тайны покоится самое Божественное тело Божественнаго Искупителя, и вместе трапеза, от которой верные вкушают плоть и пьют кровь Его.

(Далее проповедником сделан пропуск).

Христоименитые слушатели! если не вотще вы носите славное имя сие и притекли сюда в сопровождении веры и любви: то вы сами зрите духом вашим преимущество и неприкосновенную для нечестивых святыню, подобающую дому Господню, коея тень начертать я осмеливался. В таком расположении не трудно вам понять, как можно чувствовать и говорить: *коль возлюбленна селения Твоя, Господи сил! возвеселихся о рекших мне: в дом Господень пойдем.* Вам не покажется также удивительно, что вся церковь признает себя одолженною создателям святых храмов и приглашает вас молиться за их долгоденствие и благоденствие. Аминь.

1810 год.

XVII.

4. СЛОВО

в день Благовещения.

(Говорено бакалавром Богословия,

иеромонахом Филаретом в Александроневской лавре;

напечатано отдельно).

<1810>

*И даст ему Господь Бог престол Давида
отца его, и воцарится в дому*

Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь.

Прииди, воцарися, Царь блаженства и славы! без Тебя – *мир во зле лежит* (1 Иоан. V. 19); мрак Египетский распространяется и угрожает всей земле; Твои враги рыкают, яко скимны, или безпечно засыпают на трупах добыч своих; остальные капли елея догорают, кажется, в лампадах бдящих рабов Твоих и своим мерцанием освещают повсемственную полночь. Поспешай, Жених чистых душ! взыди, Солнце правды! воцарися, Царь блаженства и славы!

Давно уже бедствия человечества призывали таким образом Избавителя. Наконец ожидаемый веками день приближается. Сокрушенный скипетр Иуды, совершение седмин Данииловых, молва о предопределенном судьбою новом царстве, имеющем начаться от Иудеи, распространившаяся между самыми язычниками, предварительно возвещают о Нем; Ангел приносит непосредственное о грядущем Семени обетованном предсказание; блаженная Дева готовится быть его матерью; чающие избавления во Иерусалиме исполняются нетерпеливости.

Но что последует за сим ожиданием! Великий преемник Давидов родится в низком семействе древоделя; возрастет в бедности; проведет чудесную жизнь свою в бедах и напастях; на минуту признают его Царем, и вскоре, вместо престола, воздвигнут для него крест. Он сам едва не отречется, повидимому, от короны Давида отца своего: *царство мое несть от мира сего* (Иоан. XVIII. 36).

При сем виде, порок снова воздымает чело; малодушие падает; вера и добродетель воздевают руки к небу и призывают утешение.

Свете тихий святых славы! послы луч твой развеять мглу беспокойных мыслей, да видим хотя зарю надежды, во тме сидящие.

Истина, слушатели, не должна быть ужасна любителям истины: поелику *совершенная любовь изгоняет страх* (1 Иоан. IV. 18). Да внемлем любовию; тогда и грозный для слуха глас ея будет сладок для сердца нашего. *Царство мое*, говорит Истина, *несть от мира сего*. Я не отвергаюсь царства, которое неотъемлемо принадлежит мне: только это не есть мир. Оно в мире, но не от мира. Я имею малое стадо, но которое от Востока разсеяно до Запада, от Юга до Севера. Я имею обширнейшее владычество, но котораго средоточие выше всех столиц мира. Во храме, в чертоге, в хижине я нахожу верных себе; в хижине, в чертоге, даже во храме я вижу врагов моих. Князь тьмы объемлет своею властью большую часть подсолнечной: *Аз же поставлен есмь Царь* от Отца светов *над Сионом горою святою его, возвещаяй повеление Господне* (Псал. II. 6 и 7). Повеление Господне, Божие слово есть мой скипетр; слышащие и хранящие оное – слуги моего царствия. До времени, которое Отец положил во своей власти, слово сего царства сокрыто внутри его, и оно не отделено безопасными границами. Мир, как царство тьмы, не видит его; но всегда противоборствует ему, как царству света. *Царство мое несть от мира сего*.

Слышите, как единый глагол устрашает и ободряет, поражает и укрепляет; или, лучше, прежде ободряет и укрепляет, потом устрашает и поражает. *Царство мое* – вот надежда укрепляющая! *Несть от мира сего* – вот страх поражающий. Какое прозорливое попечение о немощи нашей! Какое мудрое руководство к великодушию! Прежде нежели открывает причину беспокойства, указывает на источник утешения; представляет уже совершающуюся победу, и тогда поставляет в сражении; подает щит, и после наносит

удар. Что же медлим? Преодолеем искушение, даруемую нам силою, – изгоним страх любовью. Христос царствует: что может быть сего вожделеннее! *Господь воцарися, да радуется земля* (Псал. ХСVI. 1). Нет нужды, что еще *облак и мрак окрест его* (Псал. ХСVI. 2), что его царство не всегда имеет довольно чувственного великолепия; что иногда как бы поглощается царством тмы. Довольно: *Господь воцарися, да гnevаются людие* (Псал. ХСVIII. 1), сколько хотят. Пусть нетерпеливость негодует, нечестие издевается, злоба ярится. Пусть мятется мир: это его несчастье, что он не удостоивается иметь толь великаго, толь благаго Владыку, – христианам почто смущаться? *Любящим Бога вся поспешествуют во благое* (Рим. VIII. 28).

Так, христиане, сии временныя противности царства Христова и его, так сказать, изгнание от мира, иногда явное и грубое, иногда тонкое и хитрое, суть такая события, которыя предопределил человеколюбивый Бог в пользу любящих его человеков. Он искушает их, яко злато в горниле, дабы приять их наконец, яко всеплодие жертвенное. Мир есть то горнило, в котором огонь искушений, постепенно разрушая плоть, очищает сокровище духовное и возвышает цену его пред очами неба. Если небесный Царь требует свободного и сердечнаго себе служения, если Он созидает царство чад и братий, то удивительно ли, что не покупает нашего повиновения видимыми выгодами, что не порабощает нас опасением близких уронов, а уносит от взоров наших свою награду, и даже выставляет иногда пред нами некоторыя неприятности, чтобы дать нам непринужденнее и безкорыстнее избрать его Владыкою нашего сердца? Если вере даруется благодать и вечность упованию, то не нужно ли отдалить видение, чтобы дать место вере и упованию? Если *кроткие должны наследовать землю* блаженства (Матф. V. 5), то на земле испытания нет ли причины терпеть окрест их дерзких и притеснителей? Если любовь к Богу, чтобы мы были Его достойны, должна взять в нас верх над всякою другою, то не обязаны ли мы Ему тем, что Он облегчает нам исполнение сея должности, делая нашим врагом прелестный мир, который так трудно перестать любить?

Прииди, отважный мудрец, который мнит судить судящаго всей земли: скажи нам, как бы ты поступил иначе? «Я отдал бы и земныя блага тем, которые достойны небесных». Умолкни: ты человек, твои мысли, твои желанья тебя обличают. Не такова воля Того, Кто творит избранных своих *причастниками Божественнаго естества* (2 Петр. I. 4). Он желает им Божественнаго счастья – счастья превращать зло во благо, препятствия в средства, и не иметь надобности в земле на пути к небу. «По крайней мере, самая любовь христианская не заставляет ли желать, чтобы те, которые не суть от мира, были от него исхищены, дабы не иметь опасности прикасаться его нечистоте?» О, сия любовь христианская, однако еще не Христова. Ты любишь христиан; Христос – и христиан и человеков. Ты благоприятствуешь верным; Он печется о всех. Ты хочешь соблюсти сущих его; а Он чрез своих приобрести и тех, которые не суть его. Он окружает свет тмою для того, чтобы мало-по-малу, сколько можно, просветить и тму; позволяет сынам света смешиваться с сынами неприязненными, дабы и сим подать случай *приять любовь Божию, во еже спастися им* (2 Сол. II. 10). Еслибы царство света отделилось так, чтобы ни одна искра не падала из него в царство тмы, то что был бы мир, как не ад, и что сталося бы с теми несчастными, коих Христос теперь и не числит своими, так как еще не распявших плоть со страстьми и похотьми, но и не отрывает в надежде их исправления?

Предположим на минуту возможность таковаго совершеннаго разделения сынов царствия от сынов века сего. Вообразим, например, что Христос внезапно явился бы в сем храме, подобно как некогда в Иерусалимском, и нашед здесь, как там, *продающих и купующих* (Матф. XXI. 12), продающих фарисейское благочестие и покупающих славу ревностных служителей Божества, продающих свою пышность и покупающих удивление легкомысленных, продающих обманчивую лепоту взорам и покупающих обольщение

сердцу, приносящих в жертву Богу несколько торжественных минут и хотящих заплатить ими за целую жизнь порочную, – всех сих, немедленно, навсегда извергнув бы отсюда, да не творят дома молитвы домом гнусной купли, и, как недостойных, отсекай бы от сообщества истинно верующих... Какая надежда осталась бы тогда сим изгнанникам? Покаяние? Но кто бы научил их ему? Кто бы уверил, что еще может оно быть принято? Кто бы поддержал в постоянном его совершении? Без наставления, без возбуждений, среди соблазнов, будучи непрестанно влекомы стремлением житейского моря, они совсем были бы потеряны для царствия Божия, так как и оно для них. Ныне, если совесть их усыплена, то пробуждает ее наставление; когда наставление не действует, пример добродетели влечет за собою; стыд исправляет; самая благопристойность, принуждающая до некоторой степени подражать действиям благочестия, есть уже род наставления в нем. Посему-то Сеятель небесного семени повелел рабам своим отсрочить разлучение своея пшеницы от плевел, доколе все созреет: *оставите расти обоя купно до жатвы* (Матф. XIII. 30).

Правда, плевелы, кажется, иногда слишком тучнеют и чрезмерно теснят пшеницу: но не будем обманываться пустою наружностью; не будем завидовать тучности, которая скоро будет тучною пищею огня. Сколь прискорбно для плоти слышать, что царство Христово не есть от мира сего, столь низко было бы ревновать лукавующему миру сему. Он не царствует, но рабствует. Если исключить от него тех, которые всем его званиям предпочитают звание христианина, то в нем останутся одни рабы, – рабы честолюбия, рабы злата, рабы чрева, рабы сладострастия, и все вместе, рабы самолюбия. От чего иначе все они так спешат переходить от приобретения к приобретению, от удовольствия к удовольствию, от чести к чести, если не от того, что каждый в настоящем его состоянии слишком чувствует свое рабство?

Отврати, верующая душа, очи твои, еже не видети суеты; обратися в покой твой, и в тайне ищи тихаго, безмятежнаго царствия Божия в себе самой. *Царствие Божие внутри вас есть* (Лук. XVII. 21). В живой вере, и в твердом уповании, в чистой совести, в ангельской любви – здесь царствие Божие. Здесь Христос второе зачинается, рождается, обитает, владычествует. В сем Божественном царстве нет никаких бед, ни глада, ни жажды, ибо Царь наш питает рабов своих *манныю сокровенною* (Апок. II. 17); ни скорбей и уныния, Он есть радость; ни болезней и смерти, – Он есть жизнь; ни гонений и угнетения, *идеже бо дух Господень, ту свобода* (2 Кор. III. 17). Небесное дыхание сего Духа, освежая воздух души, разливает в ней сладкую воню мира. Сердце – сие море великое и пространное, которое так часто волнуют бури, наполняют гады безчисленные, и коему змий бездны ругается, сокрушает волны свои о камень постоянства, и в кротком стремлении своем изображает единое вожделение, *насыщуся, внемлю явитимися славе Твоей* (Псал. XVI. 15). Здесь всегда ясное небо: ни тучи сомнений не закрывают света Божия, ни гром гнева его не потрясает слуха внутреннего. Поле деятельности покрывается златыми класами, которые чем более теплота любви наполняет и возвращает, тем более преклоняет долу смирение. Какое зрелище! Се новое небо, и земля новая! Се малый мир, сокращающий в себе высочайшая красоты великаго!

Все сие – начало блаженства; скоро – безконечность! Теперь оно в меру; скоро без меры! Сие заря утренняя; скоро день не вечерний! Сие бдение полнотное; скоро торжество брачное!

Да приидет, *да приидет царствие Твое* (Матф. VI. 10), Царь славы, Жених безсмертия: сперва царствие Твое в сердце наше, и потом сердце наше в царствие Твое. О сем Дух Твой ходатайствует в нас воздыханиями неизглаголанними; о сем взывает Црковь, Невеста Твоя; они возбуждают и нас приближаться к Тебе, несмотря ни на какия препоны.

И Дух и Невеста глаголют: прииди, и слышай да глаголет: прииди! (Апок. XXII. 17). Аминь.

1811 год.

XVIII.

5. СЛОВО

в день Святыя Пасхи.

(Говорено в Александроневской лавре; напечатано отдельно).

<1811>

Христос воскрес!

Так, Он воскрес, христиане! *Возсияла истина от земли* (Псал. LXXXIV. 12), куда низвели ее неправды человеческия и правый суд Божий. Печать, положенная неверием на хладном гробе ея, растаяла от огня Божества, в нем таившагося. Тяжелый камень соблазна покрывавший его упал, и только поразил Иудейскую жестоковейность и Еллинское высокоумие. Сей гроб, в котором недавно погребено было *чаяние всяе твари* (Рим. VIII. 19), теперь пуст, и небесный вестник, сидя в его возглавии, кажется, чертит на нем доселе ни одному смертному неприличествовавшее надгробие, но которое отныне будет общим надгробием смертных: *Где ти, смерте, жало? где ти, аде, победа* (1 Кор. XV. 55)?

Как одно мгновение изменяет лице мира! Я не узнаю ада; я не знаю, что небо и что земля. Ад ли это, заключивший рабов проклятия, который теперь отдает сынов свободы? Земля ли это, где Божество сияет пренебесною славою? Небо ли это, где поселяются земнородные и царствует человечество? Непостижимое *прехождение* от совершенного истощания к полноте совершенства, от глубочайшаго бедствия к высочайшему блаженству, от смерти к безсмертию, из ада в небо, из человека в Бога! Великая *Пасха*!

Торжествуйте Пасху сию, счастливые странники страны несчастной! *И будет вам день сей в память, и празднуйте той праздник Господу во вся роды ваша: законно вечно празднуйте его* (Исх. XII. 14).

Раскроем более свойство вечной Пасхи, дабы тем лучше определить внутреннюю цену торжества настоящего.

Известно, что как имя Пасхи, так и празднственное установление первоначально принадлежит Евреям. Их Пасха знаменовала *прехождение* мимо их Ангела истребителя первенцов Египетских, исход из дома работы, избавление от лютаго тирана. Агнец снедаемый при наблюдении некоторых обрядов изображал сии происшествия, и составлял празднество.

Жизнь сохраненная во Египте, но вскоре жалким образом потерянная в пустыне, — изшествие из дома работы, о котором однако не раз проливаемы были слезы во время четырехдесятилетнего странствования, — избавления такого народа, который после соделался образцем злополучий, стоили-ль *вечнаго* празднования? — Но вечная Премудрость определила представить ученикам своим сокращение книги судеб в истории

сего удивительного народа, – и его Пасха сделалась важною, будучи образованием другой важнейшей.

Вот как *в последок дней сих* (Евр. I. 2) разрешаются древния гадания. – Иисус Христос, *агнец* (Исх. XII) по кротости, совершенный по соединению Божества с человечеством, *мужеск пол* по крепости для понесения немощей наших, *непорочный* по чистоте от греха, даже наследственного, *агнец единоклетный*, то-есть, достигший в полноту естественного возраста, *закланый* на кресте, искушенный *огнем* правосудия Божия, дает себя в духовную пищу духовному *племени Авраама*. На таинственной *вечери*, всегда *без недостатка*, и всегда *без избытка*, он *снедается в безквасии* чистоты. Между тем, как прирожденное растление *убивает* в сынах века сего всякую мысль, всякое желание, *сих первенцов* разума и сердца, и они производят мертвые токмо дела; заветная *кровь* Христова, *окропляя* души верующих, возрождает в них небесное начало жизни. Чрез *сие* *работа* греху прекращается; *брение и плевеи*, низкая нужда и суетность, не отвлекают более от свободного служения Богу, и невидимый *Фараон, Миродержитель тмы века сего* (Еф. VI. 12), изнемогает в своем неистовстве.

Такова, слушатели, новая, благодатная Пасха, прообразованная ветхозаконною.

Впрочем сие торжество не есть еще полное и совершенное. Се есть таинство еще сокрываемое *в дому едином*, во внутренности души отражаемой. Внутренно преходя к Богу от мира, мы еще остаемся в нем по внешнему человеку и, причащаяся благодати верою, не можем вдруг истребить проклятия, проникшаго, так сказать, сквозь всю поврежденную природу. Посему-то и к нашей духовной трапезе, так же как и у Евреев к Пасхальной вечери, много должно быть примешано *горькаго*: прискорбия и напасти в изобилии растут на сей юдоли плачевной. Мы должны вкушать таинственную пищу со *тицанием*, с торопливостью, и спастись бегством от рода строптиваго. Должны быть *препоясаны чресла наши истиною* (Еф. VI. 14); нам нужно быть в непрестанном подвиге противу врагов ея. Должны быть *в руках наших* жезлы бодрости, каждый шаг угрожает нам претыканием и падением. Должны быть *сапоги на ногах наших*, – древний *змей*, несмотря на то, что сам получил смертоносный удар *во главу*, доселе *блюдет* нашу *пята* (Быт. III. 15), изощряет притупленное жало на плоть нашу.

О, бедная плоть! ленивый прах, коим подавляется дух деятельный! бремя, которое и в бегстве от мира следует за мною! друг вероломный, враг лстивый! помощник – изменник! страшный – любимый! куда я сокроюсь от тебя? мирюсь с тобою, не победив тебя, и не наслаждаясь миром, возобновляю брань. Ты стонешь, когда изнуряю тебя; когда поблажаю тебе, своевольствуешь. Острые терны прободают тебя; благовонные розы погружают в негу и расслабление. Ты служишь целию для разженных стрел лукаваго и даже прикрываешь ковы его. Я стремлюсь ко свету Сиона: ты удерживаешь меня *во тме* египетской. И тогда, как ты в непонятной тебе тоске сама совоздыхаешь о Господе моем, – и тогда, приближаясь к самому источнику жизни, подобно как она Магдалина, все ищешь мертвого тела, – чувственных образов. *Не прикасайся мне* (Иоан. XX. 17), глаголет тебе Господь; и самый дух, более или менее, принужден разделять с тобою сие осуждение.

Кто, кто из нас обезпечен от сих разнообразных искушений, сокрушавших иногда избранные, повидимому, сосуды благодати? Убо *со страхом работая Господеву*, мы можем и *радоваться ему* только *с трепетом* (Псал. II. 10). Позволено нам *вкушать, и видеть, яко благ Господь* (Псал. XXXIII. 9), но еще не насыщаться. Наша таинственная Пасха исхода, будучи событием древних прообразований, сама есть токмо новое пророчество и ожидание торжественной Пасхи входа.

Полная и торжественная Пасха Израилева долженствовала совершаться в земле обетованной, *на избранном месте* (Втор. XVI. 6), присутствия Божия, в Иерусалиме, *граде покоя*, подобно и наша Пасха совершится тогда, когда окончим земные жизни странствование. Как Израилю кивот завета разделил воды Иордана для прехождения, так нам гроб воскресшаго Ходатая новаго завета откроет безопасный путь чрез поток тления, на он пол бытия нашего. Мы бросим ветхие останки плоти, как странническую одежду, и взыдем во Иерусалим горний. Тогда уже не двери олтаря сего, но нерукотворенная скиния Божия пред нами отверзется. Безлетный агнец не под покровом таинства, но во всем сиянии своей истины явится нам. Трапеза богатая, без глада и без пресыщения! Хлеб ангельский, вино новое, уже не жизнь, а бессмертие! не радость, а блаженство. Тогда-то наконец *вечная Пасха* сопряжется с *вечною Субботою*, вечное восхождение к Богу с вечным в нем покоем.

По сему разумению вечной Пасхи должны мы, слушатели, судить и о настоящем праздновании. Поелику торжественная Пасха входа в вечность для нас еще не приблизилась, а таинственная Пасха внутреннего соединения со Христом сокровена от нас; то Церковь, для взаимнаго назидания своих чад, предваряет одну, и некоторым образом открывает другую в наружном торжестве светлых седмиц. Итак чем живейшими чертами торжество сие изображает великую тайну христианскаго учения и благочестия, – примирение и соединение человека с Богом, тем оно совершеннее, тем оно величественнее.

Что-ж, если некоторые из нас ограничивают Пасху седмию днями веселия, не помышляя о непрестанном ко Христу приближении? Если *упиваются от тука дому* Божия (Псал. XXXV. 9), но не хотят и капли вкусить от горькой чаши Иисусовой? Если, вместо преимущественнаго над собою бдения, во дни святые предаются безпечности языческой, *седоша людие ясти и пити, восташи играти* (1 Кор. X. 7)? Если среди торжества духовной свободы работают единой плоти; празднуя Пасху новую, остаются ветхими человеками; радуются о воскресении, а пребывают мертвы Богу? – Что будет таковой праздник? Ах, таковой праздник есть тело без души; и для таковых христиан – страшно, а должно сказать, – для таковых нет и воскресения Христова. Ибо *мы спогребохомся Ему крещением в смерть, да якоже воста Христос от мертвых славою Отчею, тако и мы во обновлении жизни ходити начнем* (Рим. VI. 4).

О, Пасха велия и священнейшая, Христе! настави нас праздновать Пасху исхода законно и благодатно, удостой нас торжествовать Пасху входа славно и вечно. Аминь.¹

XIX.

6. СЛОВО

по освящении в Казанской соборной церкви

придельнаго храма во имя

Рождества Пресвятыя Богородицы.

(Говорено архимандритом Филаретом,

сентября 17 дня; напечатано отдельно.)

*Господи, возлюбих благолепие дому Твоего,
и место селения славы Твоея. Пс. XXV. 8.*

Вот сердце Царя по сердцу Божию! Оно не почивает на великолепии престола, не стремится за славою браней и, объемля благодатью народы, не наполняется: его сокровище в Боге, и оно в доме Божием. Чувствует оно, что храмом надежнее крепостей и бойниц охраняется мир и безопасность царства: между тем не ищет в оном наружной только подпоры благочиния гражданского, но пленяется внутренним благолепием веры; не успокоивается, как в крепкой ограде человеческого величия, но благоговеет, как в селении славы Божеской.

И вот, христоименитые соотечественники, сердце нашего Монарха, и вместе единое сердце всего Августейшаго племени! Ты, великолепный Храм, державное творение! Ты немолчный свидетель и видимый образ благоговейной любви Дома Царева к дому Божию. Твой чертеж напоминает нашего Давида, который, возжелав создать тебя, столь дорого ценил сие благочестивое намерение, что, как некую часть наследия, завещал оное своему Сыну. Все здание возвещает новаго Соломона, который начал сей труд с безкорыстием и великодушием; поелику, ища единственно Божией, и уклоняясь от собственной славы, поставил себя исполнителем назначенного уже предприятия, и совершил оный с таким неослабным вниманием, что здесь, можно сказать, все сделано в его присутствии, под его манованиями. Сии драгоценности, украшающая изображение Преподобных в женах, сияют усердием Жен порфиноносных. И если мир, благоприветствовавший строению древняго храма Соломонова, был изъявлением благословения ниспосланного свыше на дело благочестия: равным образом не есть ли глаголющим знамением и благочестивой твердости Александра и небеснаго к Нему благоволения то, что сей царственный памятник веры, среди непрерывных почти браней с мощными врагами, воздвигнут не с меньшим благопоспешеством, как бы среди глубокаго мира.

Благочестивейший Государь! Вниди в радость церкви о тебе веселящейся, так как ты входишь в ея пользы и желания. Ты принес ей и Богу тем величественнейшую службу, что твой искренний дар, без сомнения, во множестве приведет за собою другия чистыя жертвы. Созданный тобою храм созиждет души во благочестии тем самым, что он создан тобою. Ничто так гласно не проповедует важности Богослужения, как благоговение Государя.

А мы не умедлим, слушатели, предаться внушению высокаго примера. Воззовем к сердцу, о чем говорит взорам самое сие камение, – о славе и благолепии дома Божия.

Тот, Котораго престол есть небо и земля подножие, Который, по уверению прозорливца, и глубины ада проникает своим присутствием (Пс. CXXXVIII. 8), который наполняет, объемлет и носит всяческая глаголом силы Своея так, что мы в Нем живем, движемся и есмы (Евр. I. 3; Деян. XVII. 28), может ли заключиться в тесном, брэнном жилище? *Кий дом созиждете Ми* (Ис. LXVI. 1), вопрошает он людей, – которые думают не Его присутствием освятить место, но святостию места ограничить Его присутствие? Однако поелику сердце человеческое так оземленело, что не имеет собственных сил возноситься к небесным ощущениям, и ум помрачился до того, что в ясный полдень присутствия Господня, когда *невидимая Божия творенми помышляема видима суть* (Рим. I. 20), должен ходить по осязанию грубых чувств, прежде нежели достигнет к чистому духовному созерцанию: то Бог сам преклоняет небеса, дабы приблизить к Себе земнороднаго и чтобы научить его непрестанному хождению пред собою, для конечнаго и плотоноснаго духа его, сокращает, так сказать, Свое духовное вездесущие в чувствєнные знаменія и явленія преходящія. Человек, с своей стороны, дабы удержать себя в сей

спасительной близости к Богу силою веры, и по естественному побуждению, и по внушению самого Божества, собирает Бого-напечатленные знамения; наблюдает следы Божественных явлений, и места, способные посредством таковых напоминаний возобновлять ощущение благодатного присутствия Божия, усваивает Богу, исключительно предоставляя их для торжественного ему служения. Так Иаков, видев во сне тайну соединения человека с Богом в образе лестницы, соединяющей небо с землею, нарицает место сна своего *домом Божиим* (Быт. XXVIII. 19) и с сего времени посещает оное не иначе, как с особенным благоговением. Так скиния Моисеева создается *по образу показанному на горе* (Исх. XXVI. 30) и возвеличивается чудесными памятниками скрижалей, манны и жезла прозябшаго. Так *гумно Орны* (2 Пар. III. 1), чрез явление Ангела становится местом храма Соломонова. Так и христианские храмы, по древнему обыкновению, сохраняют в себе или целые гробы, или по крайней мере части тех священных телес, в коих Бог явился дивным во святых Своих, и устрояются в виде памятников или некоторых действий, в которых Бог открыл и прославил Себя в мире, или некоторых лиц, которые предшествовали нам в благодатном с Ним соединении. Посему вообще дом Божий на земле образуется снисхождением Бога к человеку и приближением человека к Богу. Бог сообщает ему славу благодатного присутствия, а человек – благолепие живых веры. Слава Божия делает его святым для человека, а благолепие человеческое угодным для Бога.

Приидите убо желающие ходить во свете лица Господня: *Господь во храме святем своем* (Пс. X. 3)! Во храме: ибо он един для присутствия Божия, хотя и множествен для приближения к Нему людей. Здесь является Господь в величии Творца и Вседержителя: воздвигает, яко Царь царей, видимый престол Своего владычества; преклоняет пред Собою колена разумных тварей; внемлет славословиям; приемлет благодарные исповедания; принимает на мольбы; освящает власть сильных земли, признавая их своими орудиями; связует узел общественного доверия силою клятвы своей и поставляет страх свой на страже совестей; утверждает в своем святилище средоточие, окрест которого должны обращаться и нравственный и гражданский мир так, что если нет алтаря, то нет ни престола, ни судилища. Здесь глаголет Его присносущное Слово; исходит из священных книг и из уст своих служителей; беседует в своих изображениях; возобновляет каждый день свое воплощение и крестную жертву на таинственном олтаре; питает присных своих своим духом и истиною, да будут *един дух с Господом* (1 Кор. VI. 17), питает своим телом и кровию, да будут *уды единого тела его, от плоти его, и от костей его* (Ефес. V. 30). Здесь пребывает Божественный и животворящий Дух, изливая спасительные дары свои в таинствах, воздыхая в молитвах, утешая в сокрушении, возперяя в восхищениях, открывая поток Божественной сладости в любви Божественной. О, как пред сею горнею славою или скрывается, или облекается вышним сиянием и то, что здесь есть земного и человеческого! Это уже не персть и брение, не дело искусства смертного, не бедная гостинница, созданная странниками для домовладыки: *несть сие, но дом Божий, и сия врата небесная* (Быт. XXVIII. 17). Ангелы проходят ими, проникая в наши таинства; и мы сами, предстоя Господу сил, Херувимов образуем таинственно.

Впрочем да не возмним, христиане, что святыня, подобающая дому Господню, может отделена быть от той *святости* (Лев. XI. 44), коей от входящих в него потребует небесный домовладыка, или восполнить ее недостаток. Что еслибы дом Божий наполнился язычниками неведущими Бога, или Его безчествующими? Не отвратил ли бы Он от недостойных лица своего, и не оставил ли бы их в осязаемой тме чувственных образов без духа и жизни? Итак, слава храма, будучи Божественною в своем источнике, зависит и от человека в своем соблюдении, открытии, распространении. Ключ, который должен отверзать и хранить сокровища дому Господня, есть вера смиренная, прозорливая, деятельная. Смиренная: ибо если со страхом предстоят рабы владыке, подданные царю,

судимые судии, то может ли довольно уничтожить себя тварь пред Творцем, раб в самых заслугах своих неключимый пред Всемогущим Владыкою, преступник по природе пред Самосушим Правосудием? Прозорливая: ибо в доме Божиим есть образы, в которых должно находить истину, – наружные обряды, в которых заключена внутренняя польза, – украшения, в которых скрыто поучение. Деятельная: ибо тот, который от первого *да будет, доселе делает* (Быт. I. 3; Иоан. V. 17), не представляет нам бесполезных зрелищ и не праздных требует зрителей; Творец хочет *творцев* (Рим. II. 13). Здесь *приходяще* ко Христу, *камени живу, и сами мы яко камене живо должны созидаться в храм духовен, святительство свято, возносити жертвы духовны благоприятны Богу Иисус Христом* (1 Пет. II. 4 и 5). По подобию ветхозаветного прообразовательного храма, в котором приносились в жертву животные во дворе, курение во святилище, и неугасимо хранился с неба низшедший огонь, – мы должны воздвигнуть в себе как олтарь внешний, дабы пожертвовать Богу чувственностью, так олтарь внутренний, дабы принести Ему *дух сокрушен* (Пс. L. 19); совершить сие всеожжение ветхаго человека так, чтобы в душе остался один небесный огонь чистой, Божественной любви и потом предоставить самому Богу изрещи в нас новый свой завет, соделать нас *сообразными образу Сына Своего, жилищем* Своего Духа, Своими *церквами* (Рим. VIII. 29; 1 Кор. III. 16; 2 Кор. VI. 16). О, еслибы каждый по сему чертежу созидал свое внутреннее святилище, и рукотворенный храм Божий был бы токмо тихою оградой нерукотворенных, – с какою любовию и небо и земля взирали бы на его духовное благолепие, и с какою сугубою ясностию сияла бы на нем слава Господня!

Но сие-то и среди настоящего веселия еще остается предметом нашей заботливости. Может-быть нас обезпечивает благолепая наружность Богослужения; и в самом деле она должна быть чистым отсветом сердечного благочестия; однако и под сим блеском иногда сокрывает крошечную тму человеческое сердце глубокое. *Раскопай стену* (Иез. VIII. 8), сказал некогда Бог Иезекиилю, приведши его в видении ко храму Иерусалимскому; и Пророк, вошед сквозь тайную дверь, увидел в нем идолопоклонство в многообразных видах. Что еслиб и ныне Господь повелел рабу своему сквозь благовидности обычая, сквозь забрала лицемерия, сквозь развалины обетшавшей набожности проникнуть и войти в сердца людей предстоящих при Богослужении: *сыне человек, раскопай стену? не увидел ли бы он паки кумиров дому Израилева* (ст. 10), кумиров страстей, которые приносят с собою во храм и боготворят пред самым лицом Божиим? Не увидел ли бы людей приносящих пред Господа *чуждый огонь* (Лев. X. 1) любви к тварям, и думающих, что он и не занимается их сердцем: *не видит Господь, оставил Господь землю* (Иез. VIII. 12)? Не увидел ли бы *жен плачущихся о Фаммузе* (ст. 14), сих изнеженных душ, которые просят от Бога токмо пищи для своей чувственности, или оплакивают такие потери, за каковыя должно бы благодарить его милосердию? Не увидел ли бы людей *задняя своя давших ко храму Господню и поклоняющихся солнцу* (ст. 16), людей невнимательных, которые хотят быть услышаны Богом, сами не слыша своих молитв, или корыстолюбивых, которые от лица Господа преносятся духом к предметам их мирской деятельности? Не увидел ли бы... но почто испытывать тайны сердец, когда и внешнее благочиние Богослужения, столь твердо, повидимому, огражденное и обыкновением предков, и примером и попечениями Благочестивейшаго Монарха, в глазах наших, иногда нарушается видом и движениями холодности и невнимания? Сего ради тако глаголет Господь: если вы небрежете о благолепии дому Моего, и приносите в него с собою мерзость запустения, – изыду из него Я моею славою. Если вас не трогает жертва, в которой Я приношуся за вас ежедневно моему милосердию на олтаре, Я сниду с него, и взыду на судище, дабы единожды навсегда принести жертву моему правосудию. Я осужду вас за то самое, что вы присутствовали при моих таинствах.

Да не будет, да не будет сего с нами, долготерпеливе Господи! Ради возлюбленные Твоя Матери, коея именем желаем мы соделать Тебе любезным сие место, ради Твоя собственные благости, с каковою благоволил Ты совершиться сему державному делу, исполни, умоляем, храм сей славы Твоего присутствия, и облеку ею и все храмы наши в велелепоту благочестия; соделай храм сей оградой сего града, кровом Августейшаго Дома, украшением отечества нашего, и чрез сие преддверие неба введи нас в тот отечественный град, в котором нет храма, ибо Ты *Господь Бог Вседержитель храм ему еси* (Апок. XXI. 22). Аминь.

XX.

7. СЛОВО

**при отпевании тела действительного тайного советника 1-го класса,
графа Александра Сергеевича Строганова.**

(Говорено в Казанской соборной церкви, октября 3 дня;

напечатано отдельно в 1811 г. два раза).

<1811>

*Ты же отъидеши ко отцем твоим в мире,
препитан в старости добрей.* Быт. XV. 15.

В мире отходишь ты, знаменитый муж, но можем ли мы провождать тебя в мире? Когда один от великих столпов, украшающих Престол и поддерживающих народные сословия, сокрушается пред нами, наше око и сердце невольно с ним упадают. Ты отходишь в старости добрей, и может-быть ты находил ее слишком долгою, поспешая к жизни нестареющей; но коль краткою теперь она кажется тем, которые покоились под твоею сению, возрастали под твоими сединами, жили твоею жизнью! Отходя к вечности, ты ничего не теряешь во времени, поелику дела твои вслед тебе идут; но все тебя знающие теряют в тебе тем более, чем долее ты принадлежал их сердцу.

Что же однако делать, сетующие слушатели? Слезный дождь не оживит зерна, которое теперь *сеется в тление*, но которое *возстанет в нетлении* (1 Кор. XV. 42) под солнцем невечерним, и мы не должны уподобляться тем, которые не имеют утешения, не имея упования. Дух в Бозе почившаго мужа оскорбится, если с меньшим великодушием будут взирать на смерть его другие, нежели он на свою, и Церковь, воздая столь торжественная почести земле отходящей в землю, хочет, чтобы преставление чад ее было предметом не столько страха или печали, сколько благочестиваго внимания. Их мирные гробы она поставляет пред нами, яко памятники благодати, которая сохраняла их в мире, и яко указателей пути, по которому тако текут, да постигнут.

Кто, кроме Владычествующаго жизнью и смертию, мог обещать Аврааму: *ты отъидеши ко отцем твоим в мире, препитан в старости добрей*? И чем, как не деятельною верою, он мог достигнуть в исполнение обетования? Есть ли и ныне какое другое предопределение для таковых событий? Дадим убо при сем безмолвном гробе славу Богу живых, Который *дает вере и добродетели мир и долгоденствие в залог бессмертия и блаженства*. Всыплем, по образу Елисея, сию Евангельскую соль в источник горести, да он исцелится во отраду (4 Цар. II. 21).

Человек рождается под грозным небом. Зачатый в беззакониях, осужденный на смерть прежде рождения, поставленный в противоборстве со всею природою, мстящую своему владыке за покорение себя суеде, имея в разуме вождя, в наибольших опасностях наиболее слепотствующаго, в сердце друга, часто изменяющаго, в совести судию, коего бдительность ужасна для чувственности, а усыпление для духа, — что есть бедный пришлец земли, как не язвенный воин, принужденный в одно время сражаться и с внешними врагами и с внутреннею немощию? Что суть подвиги без Бога предприемлемые им для счастья, как не усилия разслабленнаго, желающаго воздвигнуться? Что его земныя удовольствия, как не обманчивыя врачевства, на краткое время заглушающия неисцельную болезнь, и которыя становятся тем менее действительными, чем чаще употребляются? Счастлив, если среди сих бедственных опытов, наконец, он почувствует, что нет безопасности на земли без примирения с небом!

Вера изливает целебный бальзам на раны открываемыя самопознанием. Она уверяет, что Бог для того токмо предает нас заслуженным страданиям, чтобы мы познали нужду помощи его, и прилепились к его милосердию: она скрывает нас от взоров его правосудия под одеждою заслуг Христовых; облакает нашу слабость и буйство в Божию силу и Божию премудрость и, подвизая нас к высокой деятельности по намерениям любви Божией, присовокупляет, что *иже своего Сына не пощаде, но за нас всех предал есть его: како убо не и с ним вся нам дарствует* (Рим. VIII. 32). Таковыми небесными влияниями проникнутый христианин желает без своекорыстия, действует без самонадеяния, покорствуя без ропота: и, видя над главою своею не мрак или меч, но руку Господню его покрывающую и наставляющую, является в подвигах крепок, в падениях не отчаян, в опасностях *яко лев уповая* (Прит. XXVIII. 1). Наказания превращаются для него в испытания и страдания в заслуги; там, где посеяны проклятия, он пожинает благословения.

Та же вера, которая примиряет с Богом, обращая лице свое к человекам, становится добродетелью и служит вернейшею ходатаицею мира с ближними. Общества человеческия учреждаются для взаимной пользы и сохранения членов; но страсти не редко представляют в них зрелища раздора и взаимнаго истребления. Зависть враждует против достоинства; любочестие старается подавлять заслугу; корысть сражается с правом; безопасность поддерживаемая силою, испровергается другою преобладающею силою; союз, утвержденный на выгодах, разрушается от малейшаго их неравновесия; сердца, соединенныя сострастием, разлучаются непостоянством: одна благочестивая добродетель может быть положена в основание такого согласия, которое бы противустояло всем разрушительным силам, или лучше сказать нет согласия, в коего бы основании она по крайней мере не скрывалась. С нею человек если не избавится от беспокойства иметь врагов, то не будет по крайней мере иметь мучения быть врагом; если найдет злейших противоборцев, то и надежнейших поборников; если и весь мир на него возстанет, то промысл Божий останется на его стороне, и все устроит ему во благое. Он есть *Израиль*, который *понеже укрепился с Богом, и с человеки силен будет* (Быт. XXXII. 28).

Но исполненный живым чувствованием Божией благодати и деятельно утвержденный в любви его может ли уже подвижник веры и добродетели оставаться во вражде с самим собою? Примирясь с Тобою, Боже сердца, говорит он, я мирюсь и с собою в твоём присутствии; среди неусыпной бдительности в исполнении моих обязанностей я буду спокойно почивать на твоём провидении; преданность твоему водительству есть моя безопасность. *В мире вкупе усну и почию, яко ты Господи на уповании вселил мя еси* (Псал. IV. 9).

Упование не посрамляет, слушатели, и Господь, коего существенныя обетования духовны и вечны, изрекает также Свои благословения во временном и наружном во услышание и поревнование мира. Если Он *восхищает своих возлюбленных, да не злоба изменит разум их, или лесть прельстит душу их* (Прем. IV. 11), то он же *насаждает их в дому своем, да процветут во дворах его, умножатся в старости мастите* и своим благоденствием *возвестят, яко прав Господь Бог наш* (Пс. XCI. 14, 15 и 16). Если он попускает им быть гонимым и угнетаемым, дабы, подобно стираемым ароматам, тем далее разливали воню благоухания, и дабы показать, что истинная их награда не на земли находится; то он же показывает иногда их на высоте земного счастья и славы, дабы мир не подумал, что они забвены. Сей самый мир, хотя и всегдашний враг добродетели, но который не смеет иначе нападать на нее, как под ея же личиною, столько иногда поражается *светом ея просвещающимся пред человеки* (Матф. V. 16), что и он принужден казаться *прославляющим Отца ея, Иже на небесех*, и, положа у ног ея свое оружие, оставляет ее непереткновенно совершать блистательное течение.

Так скончал земное течение провождаемый нами в вечность знаменитый боярин граф Александр. Добродетель была твердым основанием его мира и любви с ближними, в семейственных и гражданских отношениях; вера открыла в нем мир с Богом и самим собою на одре смерти; почему и счастье, до гроба ему сопутствовавшее, было не столько даром неведомой судьбы, сколько видимым благословением Провидения.

Будучи отцем семейства, он раскрывал в нем, так сказать, все сокровища нежного сердца и, своею любовию образуя из него единое тело, был единою его душою. Его кротость водворяла окрест его искренность и свободу, а для утверждения порядка ему не нужна была иная сила, кроме своего примера. В домочадцах он видел не рабов, но человеков; он почитал их вверенными себе не столько для услуг своих, сколько для созидания их благоденствия, и свобода готова была тому, кто был способен ею воспользоваться. Тот же дух человеколюбия, простираясь за пределы домоправительства, повсюду обнимал нужду и бедность так, что, по его чувствованиям, каждый неимущий имел право на его избыток, каждый сырый входил в круг его семейства (Быт. XVIII). Он любил гостеприимство, как такую добродетель, которую сам Бог некогда удостоил своего посещения; и его дом, будучи хранилищем древних отечественных обрядов, мог быть также училищем древних семейственных добродетелей.

А когда исходил он на поприще заслуг и славы, — каких видов ни принимала его деятельность ко благу общественному и усердие к Престолу под непосредственными манованиями Скипетра! Ходатай союза между знаменитыми Державами Европы, присный во Дворе царевом, сотрудник высоких правительственных сословий, покровитель наук и художеств! — Но кому я сие поведаю? Отечество знает сына, который жил для отечества. Вы знаете, питомцы и любители свободных художеств, с какою неутомимостию приводил он ваше общество в сие цветущее состояние, в котором оставил оное; с каким вниманием ободрял ваши труды покровительством и предстательством у Престола; с каким удовольствием открывал он младенчеству гений и с какою отеческою попечительностию его воспитывал; сколь охотно жертвовал вашему образованию своею собственностию, так что шуйца его не ведала, что творила десница; как на самом краю гроба он еще заботился об исполнении благодетельных о вас намерений! Ты знаешь, почтенный сонм дворянства, с каким достоинством он представлял тебя в своем лице: девять трехлетий, в которых он по твоему избранию был твоим вождем, — какой незабвенный памятник доверенности и праведного уважения к его правилам! Какое еще светлое знамение ничем непомрачаемой верности к Престолу — видеть на нем одного после другаго пять скипетроносцев, и приобрести, и сохранить благоволение каждого!

Наконец семьдесят семь мирных лет – какой непрерывный ток небесных благословений!

Сего довольно было бы, слушатели, для славы сына отечества; но Бог восхотел с таким же блеском явить в нем и сына Церкви, дабы внушить свидетелям его благоденствия, что истинное благословение мира требует более, нежели гражданских добродетелей. Итак, Монарх, которого сердце в руке Божией, предприяв создать достойный своего царствования храм Зиждителю мира, нашел его достойным быть первым споспешником своего благочестия. При сем избрании он почувствовал, что Провидению угодно запечатлеть его деяния сим священным служением, и с благоговейною покорностью начал великий подвиг в такие лета, в которых не многие имеют счастье оканчивать. Его бодрый дух напрягал оставшиеся силы изнемогающей природы и, истощая их на сие Богоугодное дело, все свои желания ограничил он тем, чтобы увидеть его совершение. Тогда-то собраны самые зрелые плоды в вертограде, им возделанном; совершеннейшие произведения отечественных художников принесены Виновнику всякого совершенства, как богатые начатки народного изобилия и образованности; изящные искусства, сии нежные исчадия роскоши, облагородствовались и освятились, работая благочестию; и таким образом деятельно проповедано любителям изящного, что истинно-здоровый вкус должен быть направлен не к услаждению только воображения, но к пище духа. Когда же десятилетний труд его увенчался, когда Церковь в присутствии помазанника Божия призывала Господа в уготованное для него селение, и его слава таинственным наитием приосенила сие священное ныне место, – здесь стоял утешенный ревнитель сея славы и приносил жизнь свою в благодарственную жертву за величественное служение, принесенное им в одно время и небесному и земному Царю. *Ныне*, взывал он втайне с Симеоном, и сие чувство неоднократно изливалось из души его, – *ныне отпускаеши раба твоего, Владыко, с миром*. Мои желания, мои предчувствия исполнились; я готов предать в руки Твои жизнь, которую желал иметь токмо для ближних и для Тебя, Жизнодавец!

Бог услышал его молитву – и удержал его здесь на несколько дней токмо для того, чтобы показать нам его на одре смерти. Смертный одр есть камень испытания прошедшей жизни; человек отлагает на нем то, чем он казался, и остается тем, чем он был: на нем-то и сей муж должен был выдержать последнее испытание в вере и преданности Промыслу. Приходит болезнь, и говорит ему, как пророк Езекия: *устрой о дому твоем, умираеши бо ты и не будеши жив* (Исаии XXXVIII. 1); но он не *плачется*, как Езекия, хотя и не менее уверен в истине сего пророчества. Изнемогает плоть, но дух не колеблется. Он делает распоряжения, долженствующие исполниться по его смерти, с таким равнодушием, как бы учреждал дружескую вечерю, и единственное утешение, которого он в сие время требует, есть исполнение последних обязанностей христианских, толь часто удаляемое от болящих неблагоприятною чувствительностью. Если что могло возмутить глубокую тишину души его, то это нежные чувствования родительские; но он, преподавая достойному сыну своему свое последнее благословение, предавался вместе с ним благодати Отца Небесного; он поручал ему не столько свое имя, богатство и славу, сколько свой пример, заслуги и добродетели, и наиважнейший урок давал ему спокойствием последних минут своих. Последняя воля его была та, чтобы и по смерти своей предстать Господу в сем самом храме, в котором он получил первое предчувствие смерти, дабы из самого гроба своего еще воззвать к нему: *ныне отпускаеши раба твоего, Владыко, «по глаголу твоему» с миром*.

И се он пред лицом Твоим, о Владыко жизни и бессмертия! Ты внял его молитве о его временном отшествии; вонми и нашей о его вечном в тебе упокоении. Дажь ему во Твоем свете и истине узреть спасение Твое, которое он видел здесь в зеркале и гадании. А

в утешение сетующих о нем сохрани знаменитое имя его в достойном его потомстве. Аминь.

XXI.

8. СЛОВО

в неделю двадесять четвертую по пятидесятнице,

по случаю поминаения покойного

действительного тайного советника 1 класса

графа Александра Сергеевича Строганова

в четыредесятый день по его кончине.

(Говорено в Лазаревской кладбищенской церкви,

что в Александроневской Лавре, 5 ноября;

напечатано отдельно).

<1811>

*Не плачьтеся: не умре бо,
но спит* Лук. VIII. 52.

Можно пожелать себе несчастья, чтоб иметь такого Утешителя. Одно слово Его превращает смерть в легкий кратковременный сон: *не умре бо, но спит*. Чтобы доставить утешение сетующим, Он сам подвергается осмеянию: *ругахуся Ему* (53). Он прикасается мертвому телу – и возвращает ему душу: *и воскресе абие* (55).

Но благословен Господь, Коего дары тем более обильны и повсемственны, чем более вожделенны и необходимы! *Иисус Христос вчера и днесь, той же и во веки* (Евр. XIII. 8). Он доселе и творит и глаголет, – и творит словом и глаголет делами. Сын вдовы Наинской, дочь князя сонмища, Лазарь, друг Иисуса, воззванные от смерти к жизни во дни Его пребывания на земли, не суть единственные причастники Его благоволения; но токмо ранние предвестники нашего в Нем блаженства. Воскрешая их, Он проповедует нам, что *веруяй, аще и умрет, оживет* (Иоан. XI. 25) и тройственным сего рода знамением внушает ожидание тройственного воскресения, да, по пророчественному желанию Апостола, *всесовершен наш дух и душа и тело непорочно* в его славное пришествие сохранится (1 Сол. V. 23). Так, истощая владычество смерти до оснований, Он не оставляет ей ниже имени: *не умре, но спит*.

И естественный человек издревле имел гадание, что гроб не есть последний предел бытия его. Приникая в открытую пред ним книгу истины, перстом Божиим написанную внеуду – в творениях видимых, и внутриуду – в себе самом, он читал в ней предсказание о своем бессмертии. Подлинно, вся природа вопиет против ужасной мысли о уничтожении. Растения увядают, и прозябают; зерно умирает, чтобы дать жизнь дереву или злаку; засыпает пресмыкающееся – и пробуждается окриленным; грубейшия сущности

разрешаются в тончайшие; свет удаляется, и возвращается; времена оканчиваются, и начинаются; исчезающие гласы воскресают в отголосках; все сокрушается для воссоздания, умирает для жизни, погибает для хранения: один ли человек, – толь громкое имя, издаст минутный звук, и более не отзовется? Напротив, еслибы даже существование видимого мира могло сократиться в пределы земной жизни человеческой, бытию духа человеческого не свойственно было бы стесниться в существовании видимого мира. Бытия чувственные совершенствуются поспешно, и достигают своего назначения: человек, возрастая непрестанно и всегда чувствуя внутреннее воззвание к высшему совершенству, доколе старается приблизиться к небу, доколе не снидет в землю; и возможно ли, чтобы сей сын неба родился токмо для младенчества и воспитания? Животные, водимые чувственностью, находят свое счастье и покой в удовлетворении нужд, ограниченных сохранением бытия. Человек, управляемый высшими побуждениями, живет более в будущем, нежели в настоящем, и не может насытить безконечного желания. Не ужели в сем случае владыка мира должен быть несчастнее покоренных под ноги его? Не ужели никогда не постигнет сего будущего, которое он столь неутомимо преследует? Не ужели сие безконечное желание могло быть насаждено в конечной природе? Что будут сии высокие побуждения любви к Богу и ближнему, если один из сих предметов никогда не достигается, а другой всегда исчезает? Что будет кроткая добродетель, если дерзкое злодеяние, которое иногда упреждает ее в снискании благ земных, смешается с нею в прахе могилы и может-быть переживет ее в памяти потомства? – Жив Господь порядка, правды и благости, – и в Нем жива по смерти душа наша!

Впрочем, сколь ни естественно сие умозаключение, признаемся, что естественный разум не может соделаться победителем смерти. Подобно малодушному воину, он гордится блестящим оружием, доколе находится вне опасности; но при виде врага трепещет и опускает оное из рук своих. Приближаясь к вождьленному бессмертию, он встречается с неизвестностью, которая поражает его столько же, а иногда и более, нежели самая смерть, – и влечется вспять пристрастием к жизни, которая наиболее ласкает тогда, как должно ее оставить. По своей склонности кичить, он может в сие время произвести в человеке отчаянное хладнокровие, но не спокойствие сердечное.

Более, повидимому, долженствовал обеспечивать противу смерти закон, откровенный Богом избранному народу. В нем вечный Законодатель, указуя на свои веления и судьбы, уверяет всемогуществом и величием существа Своего, что жизнь будет неотъемлемым достоянием тех, которые исполняют оныя. *Сотворивый та человек жив будет в них: Аз Господь Бог ваш* (Лев. XVIII. 5). И дабы сие высокое обетование низвести к разумению и ощущению чувственных даже человеков, Он пролагает им путь к чаянию живота вечного чрез надежду возрождения в потомстве многочисленном. *Поживете и умножитесь* (Втор. IV. 1).

Но что должен был чувствовать человек, внимая благословию жизни, возвещаемому законом, тогда, как сей же закон гремел проклятием на каждого, кто хотя на единую черту от него уклонится; тогда, как человек, взирая на дела свои, не мог не сознавать, что не оправдится всяк живой пред судом Господним? Он видел смерть одесную закона жизни, и принужден был или непрестанно трепетать пред нею, или спастись бегством от самага закона и искать инаго утешения.

Един Иисус *избавляет сих, елицы страхом смерти повинни беша работе* (Евр. II. 15), и развеивает ужасы, ее окружающие. Он совокупляет все наши смерти в едину собственную смерть; возносит их с собою на крест; повергает в свой гроб и, по воскресении своем, оставляет в нем единыя ризы, дабы показать, что и в нашем гробе останется только внешнее, из грубых стихий сотканное облачение существа нашего, а человек воспарит к

высшей жизни небесной. Иисус во свете показывает верующим бессмертие, в которое разум прозревает в сумраке. В Иисусе отдаленное обетование закона о жизни представляется в осязательной вещественности, так что Дух Святой употребляет уже простую человеческую клятву, когда хочет уверить нас, что смерть соединившихся со Христом не есть более смерть, но блаженное успокоение от трудов жизни. *Блажени мертвии умирающие о Господе отныне: ей, глаголет Дух: да починут от трудов своих* (Апок. XIV. 13).

Заметим тщательнее, слушатели, в глаголах Духа свойство сея блаженныя смерти. *Блажени мертвии умирающие...* Кто суть сии мертвые, которые умирают? – Те, которые *спогреблися Христу крещением в смерть* (Рим. VI. 4), ибо противу всеобщей и после греха неизбежной болезни смертной единственное врачевство есть то, чтобы привить себе спасительную смерть Христову; – те, которые *плоть распяша со страстьми и похотьми* (Гал. V. 24); – те, которые не *живут* более, но *живет в них Христос* (Гал. II. 20). По той мере, как их *внешний человек тлеет, обновляется внутренний* (2 Кор. IV. 16): почему совершенное отложение мертвенных останков первого будет совершенным торжеством последнего. С радостною покорностию воле Господа, они совлекутся одежде тела и починут в мире, доколе Он, измыв ее в потоке тления, возвратит им нетленну и светлу. *Ей, глаголет Дух: да починут.*

О, благословенная суббота для тех, которые не погубили дней делания! Они понесли зной дня и хлад ночи, трудились до пота, сражались до крови, бдели до изнеможения: теперь уже не будут они носить никаких бремен, налагаемых миром и плотию; не изыдут собирать себе пищи, но будут ясти от манны уготованной Господом; никакая страсть не возгнетет в них огня, кроме того, который пылает пред Господом; никакой враг не достигнет их. *Да починут от трудов своих.*

Единственный спутник, который следует за ними в покой их, есть совесть, умирная заслугами Спасителя: *дела бо их ходят в след с ними* (Апок. XIV. 13). Она разгибает пред ними свиток прошедшей жизни; указывает им светлыя черты положенныя в нем благодатию; исполняет их сладким упованием, доколе наконец явится Первородный в братии с благословением Отца Своего и торжественно введет их с Собою в наследие Царствия.

Не к славе умерших о Господе, но к утешению нашему, должно присовокупить, что, преходя к ближайшему соединению с Богом, они не разлучаются и с нами, если и мы живем Господеву. Их души в той же руке Божией, которая отверзаясь и нас исполняет благодати; яко члены единаго тела Христова, мы имеем с ними единую главу и сердце, единую жизнь и свет. Церковь каждый день возобновляет сей священный союз живых и мертвых, когда, в час всемирной жертвы, единожды принесенной на кресте и доселе продолжающейся таинственно на олтарях наших, погружает и тех и других совокупно в животворящую кровь Христову; когда гласом благочестивой любви взывает о живущих, да скончают в мире живот свой, и о скончавшихся, да починут.

Почий, взывает она днесь и тебе, блаженная душа, которую недавно весь град сей сопровождал в мирном твоём отшествии! По нашему земному счислению, ты совершила теперь во твоём *исходе* из *бытия* земнаго сорок четыре года, чудес исполненного странствия. Я сказал: по земному; ибо нам неизвестны дни небесные, и мера вечности, всегда настоящей. Мы веруем, что, исходя из мира, из сего мрачнаго *Египта*, из сей *тесноты* духовной, ты готова внити в обетованный покой: ибо мы видели, как ты преходила еще прежде духовный путь очищения, чувственно некогда образованный странствованием Израиля. Ты крестилась не только наружно в воде купели, но и в облаке веры внутренно; ты с благоговейным страхом внимала гласу закона Божия на горе святой;

ты еще из страны пришествия соглядала землю обетования и, когда плоть и кровь страшились трудного в нее восхождения, укротила мятеж их силою веры твоей, ты подвизалась доблестно ко славе Бога и ближняго; и, взирая на верного вождя Иисуса, тихими стопами прешла за пределы времени. Сей внутренний путь, предначертанный четырьдесятилетием странствовавшего Израиля, мы начертали себе в четырьдесяти днях воспоминаний и молитв по твоем видимом исходе и, будучи воскрисяемы твоею и нашею верою, не преставай тебе сопутствовать, – восходи, взываем с упованием, восходи в мире в полную радость Господа твоего и нашего, а во свидетельство нашей любви и благодарности к твоим подвигам, прими еще наше духовное целование, которое в Нем тебе препосылаем!

А вы, которые в сем знаменитом Муже лишились нежного отца, верного друга, кроткого домовладыки, попечительного начальника, твердого защитника, ибо всем сим он был, по природе, по долгу, по сердцу, – примите утешение, которое Церковь подает вам из уст самого Господа: *не плачьтеся: не умре*. Умеряйте печаль о такой потере, которая для оплакиваемого вами есть приобретение. Ему же бо *жити Христос*, для того и *умрети приобретение есть* (Фил. I. 21). Нет и для нас инаго средства восполнять потерю умерших о Господе, как следовать за ними путем истины в живот. Аминь.

1812 год.

XXII.

9. СЛОВО

при отпевании тела действительного тайного советника

графа Петра Васильевича Заводовскаго.

(Говорено Александроневской лавры

в Благовещенской церкви, 17 января;

напечатано отдельно).

<1812>

*Блажен муж, иже в премудрости
помышляет правая: и иже в разуме
своем поучается святыни. Сир. XIV. 21.*

Если, по слову Премудраго, *светла и неувядаема есть премудрость* (Прем. VI. 12), то почто гроб избраннаго служителя державной Премудрости толь мрачную простирает окрест себя сень смерти? Пусть родство болезнует от удара, пресекающаго узы, связанные природою и укрепленные нежностью; пусть дружба сетует над памятию того, кто забывал себя для нея; пусть признательность приносит священную печаль в последнюю жертву виновнику своих радостей; пусть чувствительность изливается в слезах над сими знаменами заслуг и славы, которые теперь суть вместе и победныя знамения смерти, – Ты, бессмертная Премудрость, Ты, светоносная Истина – не ужели оставляешь в смерти того, кто жил для распространения и ограждения твоего владычества от коварства и

порока? Прииди, предстани: Твой образ осветит сердца, омраченные печалию; глас твоего суда и утешит нас и наставит.

Блажен муж, иже в премудрости помышляет правая: и иже в разуме своем поучается святыни.

Были люди толико изумленные славою и толико плененные красотою мудрости, что быть мудрым и быть блаженным казалось им одною и тою же вещию. В самом деле что может быть величественнее мудрости, которая изменяет лице земли и прозирает в глубину ея; велит волнам твердеть под стопами своими; раздробляет лучи солнца и мысли человеческия; восходит на небо и указывает пути светилам; преходит твари и повергается пред их Зиждителем? Что ея сладостнее, когда она становится соперницею природы в изяществе, или проникает в сердце гласом убеждения? Что ея спасительнее, когда покоряет страсти разсудку и народы закону; когда созидает оплоты для безопасности гражданина и разрушает преграды, удаляющие человека от его назначения? Но как не всякое сокровище делает богатым, а разве употребляемое с благоразумием и умеренностию, так просвещение не всегда обращается в совершенство. Есть высший род премудрости, которая состоит в употреблении премудрости.

Стремление к познанию, которое, преходя от исследования к исследованию, не находит себе пределов, алкание просвещения, которое питается токмо своею ненасытимою – не есть ли любостязание в мудрости? И не уподобляются ли некоторые мудрецы оному баснословному корыстолюбцу, который домогался власти все обращать в золото своим прикосновением, не примечая, что чрез сие лишит себя пищи? Все превращается у них в хладное созерцание ума, между тем как сердце их томится голодом. Они столько учатся, что никогда не приходят в разум истины; столько мыслят, что не имеют времени жить. Нет ли напротив и расточителей мудрости, которые ценою истины покупают удовольствие суетности; которые жертвуют приятному полезным и добрым изящному; которые, подобно некоторым деревьям, истощают всю свою силу в цветы так, что не приносят никаких плодов? Не есть ли уничижение мудрости, если сей священный дар небес не посвящается на благотворение человечеству, но становится игрищем любопытства и тщеславия? И что если свет ума предносим будет сердцу единственно в путях заблуждения? Тогда самая мудрость делается предметом отвращения Божия и жертвою гибели. Тот, Который есть вкупе Премудрость, Правда и Благодать, отвращает взоры благодати своей от тех, которые гордятся премудростию без правды и благодати. *Пагублю премудрость премудрых.* Даровавый нам разум и волю не приемлет от нас единого разума. *Разум разумных отвергу* (1 Кор. I. 19).

Чем опаснее таким образом и пагубнее злоупотребление мудрости, тем величественнее и славнее участь того, кто, стяжав сие сокровище, умеет и обладать им.

Блажен муж, иже в премудрости помышляет правая. – Если дух ведения нисходит свыше, то для чего правда Божия разделяет его между людьми не равною мерою? Не для того ли, чтобы сосредоточенная сила его тем безпрепятственнее и обширнее была в своих действиях, и чтобы чрез преимущество некоторых возрастало благо всех и каждого? На сей-то правде Божией истинно мудрый муж утверждает свои правыя помышления. Способности и сведения он почитает не собственностью, которую может изживать в свое удовольствие, но вверенным ему от небеснаго Домовладыки для употребления богатством, которое чем многочисленнее, тем неусыпнейшей требует бдительности, тем строжайшему подвергает отчету. Посему он не повергнет своего таланта в землю, подобно рабу неключимому; не будет измерять круга знаний любопытством и суетностию; не наречет себя гражданином мира, дабы свергнуть иго священных

обязанностей к отечеству; он столько пожелает знать, сколько его знание может содействовать ко благу ближних, и в сем едином благе полагать будет свое удовольствие, корысть и славу. С сею правою мудрости, по Божественной правде, возмеривающей человеку в нюже меру он мерит другим, он может соделаться тем благодатным сосудом, который, подобно сосуду очудодействованному Пророком (4 Цар. IV. 4), поколику будет изливаться в благотворения, потолику будет наполняем невидимою рукою, если токмо предварительно находится в нем чистый елей помазания, – елей внутренней, сердечной благодати.

Блажен, иже в разуме своем поучается святыни. – *Разум кичит* (1 Кор. VIII. 1): сия укоризна, которою его поражает откровение, оправдывается ежедневным опытом. Ослепясь собственным блеском, он не находит в мире ничего себе равного и думает вознести нас превыше небес, украсив своим именем – *разумных существ*, как будто сердце, способное любить Бога есть ничто в сравнении с разумом способным познавать Его, между тем как непостижимый для разума Бог хочет обитать токмо в сердце, между тем как наши настоящие познания служат нам только для времени, а сердце для вечности. Истинно мудрый знает, что как *от сердца исходят помышления злая* (Мат. XV. 19), так в нем же скрываются *исходища живота* (Прит. IV. 23.); что в *злохудожную душу не внидет* чистая, небесная *премудрость* (Прем. I. 4); и потому он взирает на образование ума, несопутствуемое благодатию сердца, как на пышные украшения дома, имеющего гнилое основание и готового низринуться. Он не углубляется в исследование природы, не исследовав глубины сердечной; не хочет быть мудрым для света, не сделавшись таковым для себя, и не попускает обретенному им духу ведения быть пророком безчестным в отечестве своем. По образу воплощенной премудрости Божией он прежде *творит* и потом *учит* (Деян. I. 1); прежде исполняет закон, а потом повелевает или советует, и не разрушает того примером, что назидает словом или властью.

Где бы Провидение ни поставило человека, руководствуемого сею правою и святою премудростию, везде он является и орудием и предметом его благодати. Гражданин ли он? – на него взирают как на образец послушания, миролюбия и жизни благоустроенной. Воин? – отечество уверено в его мужестве, а неприятель в его великодушии. Страж законов? – ни коварство не обманет его бдительности, ни нерадение не смежит очей его, ни блеск злата не ослепит его. Образователь юношества? – вера и нравы суть первый урок его. Умножаются его дни? – умножаются небесные и земные на него благословения. Умирает? – жалеют, что его не стало, но благодарят Промысл, что его имели.

О, как с приближением сего светлого образа премудрости редет мрак предстоящего нам гроба! Удалитесь обманчивые призраки смерти, которой нет более: нам должно видеть любителя деятельной и благодетельной премудрости, который из смертного соделался ныне бессмертным.

Почившаго в Бозе боярина графа Петра еслибы я хотел представить любомудрым для света, – я мог бы сказать, что любомудрие составляло утешение жизни его, и что на последнем даже болезненном одре его собеседником и врачом была книга. Но он жил не свету, а отечеству, и его истинное любомудрие было не занятие праздного времени, но подвиг и польза.

Первые семена сих здравых правил он получил в некоторых из тех рассадников просвещения, которые, будучи насаждены для Церкви, принесли первые цветы онаго и для отечества. Древнее, но не блистательное благородство, – ибо он не принадлежал знаменитому своему достоинству настоящему прежде, нежели оно могло принадлежать ему, и Промыслу было угодно, чтобы он не столько был обязан своим предкам, сколько

ему его потомки, — благородство не препятствовало ему испытать себя и приобучить к деятельности на самых низших степенях должностей общественных. Его способности обратили на него внимание Задунайского героя среди славных его побед, а сие внимание более раскрыло его способности, и можно сказать, что тогда мечем победителя изострено перо политика. Сие-то счастливое перо привело его потом к подножию престола и толико крат освятилось начертаниями священной державной воли. Чем обширнее становилось поле его деятельности, тем более возрастала его ревность к благу общественному. Екатерина предпринимлет озарить Север благотворными лучами просвещения — и обретает в нем надежнейшего споспешника в деле, требующем толикой прозорливости, духа и силы. Александр хочет возсотворить свет наук во всем пространстве своего владычества — и избирает его первым своим светоносцем; и сей свет разливается повсюду, собирается в средоточия, образуется в сферы, созидается, так сказать, новый мир просвещения. Наконец, на трудном поприще законодательства, на котором он поставлен был Екатериною, отличен Павлом, превознесен Александром, полагает он остатки своих сил, не уклоняясь от служения отечеству и тогда, когда преступил уже обыкновенный предел жизни человеческой, указанный Пророком (Псал. LXXXIX. 10).

Сколько за сими знаменитыми подвигами сына отечества скрывается скромных добродетелей человека, но которые, будучи ближе к сердцу, ручаются за чистоту деяний блистательных! Кротость и чадолубие в семействе, твердость в дружбе, снисходительность в домочадстве, умеренность во власти, справедливость без строгости, милость без пристрастия! может-быть вас не напишут на мраморе, но за то в сердцах вы неизгладимы останетесь!

Да превратятся убо вопли сожаления во гласы благословений, и бесплодные слезы сетования в утешительныя слезы молитвы. Воззовем к Богу щедрот и Отцу утешения, да восходящей от нас к нему душе, во множестве своих обителей, отверзет Он ту, в которой просветители человеков просвещаются Его незаходимым светом и зиждители временного покоя народов во веки в Нем починут. Аминь.

XXIII.

10. СЛОВО

во Святый и великий пяток.

(Говорено в придворной соборной церкви, в присутствии Их Величеств Государыни Императрицы Елисаветы Алексеевны и Государыни Императрицы Марии Феодоровны, Императорских Высочеств Государей Великих Князей и Государыни Великой Княжны в 1812 году; напечатано отдельно).

<1812>

*Дщери Иерусалимски, не плачитесь о мне,
обаже себе плачите и чад ваших.* Лук. XXIII.
28.

Ах, утеха Израилева! так ли ты утешаешь Израиля?

Муж болезней из Врача душ и телес, Агнец среди волков из Пастыря заблуждших овец, Судия осужденный преступниками, Царь славы поруганный рабами, слово умолкающее, свет угасающий, сый воскрешение и живот, но умирающий и погребаемый — о Тебе ли не плакать? О чем же сетует небо, содрагается земля и камене воздыхает? Не ужели сей

есть *день твой*, который Авраам, отец наш, *рад бы был видеть, и виде и возрадовался* (Иоан. VIII. 56)?

И теперь ли нам плакать о себе самих? Еслибы весь Израиль, еслибы весь род человеческий, еслибы весь мир погибал теперь, – сего мог бы не приметить взирающий на Богочеловека страждущаго. Стоит ли неизмеримость творения единой капли крови Твоей, стоят ли все времена и лета единой минуты скорби Твоей, Иисусе!

Но я забываюсь. Я не пришел препираться с Тобою о любви Твоей, довольно уже препираемый и попираемый злобою, Человеколюбец! Я пришел возвестить волю Его вам, сопровождающия Его в пути креста и гроба, дочери новаго Иерусалима, души христианския! Он видит благочестивую скорбь вашу – и в ней самой открывает для вас источник исцеления. Он хочет, чтоб из созерцания крестной смерти Его вы почерпали вкупе и сладкое утешение и спасительное сокрушение. Утешение о Нем: *не плачитесь о мне*. Сокрушение о себе: *себе плачите и чад ваших*. Повинемся нашему кроткому Наставнику в сии наипаче минуты, когда Он так мало имеет повинующихся.

Что такое заставляет нас плакать при виде страдания и смерти? Если разрушение находится в законах бытия, то почему действие природы ужасно для самой природы? Если бессмертная душа возмущается тлением, как противным существу ея – почему более поражает ее преходящий образ тления, нежели бессмертие существенное и неотъемлемое? Будем внимательнее к самим себе, и мы заметим, что болезни смертныя отзываются иною предшествующею им болезнию человеческого естества – болезнию *греха*, который *рождает смерть* (Иак. I. 15). Убо где грех теряет свою силу, там должно притупиться и болезненное жало смерти.

Христос греха не сотвори (1 Пет. II. 22). Сколько ни разглашал князь тмы, устами своих единомышленников, *яко человек сей грешен есть* (Иоан. IX. 24), дабы затмить сию возжеленную для нас невинность, сию святость Божественную – ее осияло полдневным светом самое осуждение Иисуса. Посмеяваясь шатаниям возстающих на него, Провидение повелело единому от среды их проповедать о нем то, в чем не верили его последователям, его учению, его житию, его знамениям. Пилат, в то самое время, когда уступает воплям кровожаждущей толпы: *распи, распи его* (Иоан. XIX. 15), сам не престаёт вопиять: *аз ни единыя вины обретаю в Нем* (Иоан. XVIII. 38). Соглашается пролить кровь его, но не иначе, как умышленными в Его неповинности руками. Итак, пусть страждет Иисус, но да не радуются враги Его и да не унывают Его любящие: тот, иже есть Истина и Святость, не вотще вменяется с беззаконными. Пусть умирает Иисус, но да трепещет смерть приемлющая Его в свое владычество: ея права не простираются на безгрешнаго. *Немощно держиму быти Ему от нея* (Деян. II. 24).

Да не будет, христиане, чтобы мы нашего Вождя воображали хотя на минуту побежденным, когда видим Его мучима или бездыханна. Не случай или насилие ведет Его крестным путем: *Он идет по предоставленному* (Лук. XXII. 22). Не исторгают Его душу: *Он ее полагает* (Иоан. V. 18). Давно назнаменал Он смерть свою народам; возвестил ученикам; носил в уме и сердце так, что за неосторожное желание поколебать в Нем сию мысль, друга, котораго недавно называл *каменем веры*, которому *вверял ключи царства небеснаго*, поразил ужасным наименованием *сатаны* (Мат. XVI. 18 и 19; 22 и 23). Вчера на вечерней трапезе ясно предначертал Он события настоящего дня – и предложил в снедь свое тело, ныне терзаемое, дал в питье кровь, ныне изливаемую. Он указал своего предателя; и принял его измену, подобно как служение: *друзе, твори на неже пришел еси*. (Мат. XXVI. 50). Легионы Ангелов ожидали повеления ополчиться окрест Его;

единое слово Его: *Аз есмь* (Иоан. XVIII. 5) явилось сильнее Легионов: но не торжества хотел Он, а плена, уничтожения и смерти.

Теперь уже не время, подобно Петру, пререкать сей любви к страданию. Нам предоставлено проникнуть в тайну оных, дабы не токмо утешиться в смерти Иисуса, но и возблагодарить к ней. В своей смерти, слушатели, Он любит человека. *Тако бо возлюбил Бог мир, яко и Сына своего едиnorodного дал есть, да всяк веруяй в онь не погибнет, но имать живот вечный* (Иоан. III. 16). О сей-то конечно любви написал Премудрый: *крепка яко смерть любви, жестока яко ад ревность* (Пес. VIII. 6). Поелику жизнь показалась человеку сомнительною споручницею любви Божией: сия любовь обручает его себе смертию. Человек отпал от любви Божией; ревность, яко ад жестокая, отверзла в его падении ад: но любовь, яко смерть крепкая, умирает за него, и утоляет ревность, затворяет ад, воспламеняет его любовь угасшую, дает ему жизнь новую. Страждущий Ходатай Бога и человеков примиряет ревность почивающую во святых со всеобъемлющею любовью, правосудие с милосердием, смерть с жизнью, человека с Богом. Смерть Иисуса есть средоточие сотворенного бытия и возвешенным от Него *совершением искупления* (Иоан. XIX. 30) восполняется *совершение творения* (Быт. II. 2), предуготовляется *совершение всеобновления* (Апок. XXI. 6). Судьба мира висит на кресте Его, жизнь мира лежит во гробе Его. Сей крест озаряет светом плачевную страну жизни; из гроба сего взйдет солнце блаженного бессмертия. Только наш грех посрамляется на кресте; только наша смерть погребается во гробе: но Сын Божий прославляется; но Богочеловек побеждает.

О, кресте славы! не буди отныне древом проклятия и ужаса, но древом благословения и мира; повергни к подножию твоему языческие оливы и лавры; взыди на священные венцы державных глав; будучи свидетелем и орудием подвигов, буди также их воздаянием и украшением; являйся любящим Тебя во всей природе; паче же водрузися в сердцах наших, *да не будет нам хвалиться, токмо о тебе, кресте Господень* (Гал. VI. 14). И ты, гробе жизни! утвердися непоколебимо среди воинствующей Церкви, яко победное знамение, и, улаждая ее воспоминанием победы, одержанной Главою ея в единоборстве противу князя тмы, предвозвещающей ей победу во всеобщей брани противу царства тмы!

Но что мы видим, слушатели! Гроб нашего Иисуса окружен мраком и сетованием, подобно гробам смертных. Не ужели Церковь не знает тайны сего гроба животворящего? Нет, она полагает на нем токмо нашу собственную печаль; она повторяет нам Господню заповедь сокрушения о себе самих: *себе плачите и чад ваших*.

Сколько страдания Господа нашего выше сострадания по их Божественному величию и блаженным последствиям, столь далече отстоят от утешения те, которые дерзнули возстать на своего Избавителя и поругаться Святому Божию. Те, которые принесли Его на жертву своему корыстолюбию, любочестию, человекоугодию, не могут довольно себя оплакивать и быть оплакиваемы. Весь Иерусалим, – Иисус не исключает ни *дщерей Иерусалимских*, ни *чад их*, – весь Израиль достоин испить горькую чашу от руки того, *иже отдает грехи отцев на чада и на чада чад* (Исх. XXXII. 7). Слепленный чувственностью и суеверием народ *не разумел времени посещения своего* (Лук. XIX. 44), и так он узрит посреди себя мерзость запустения. Он торжественно принял *кровь праведника на себя и на чад своих* (Мат. XXVII. 25), за то скоро позавидует безчадию. *Се дние грядут, в няже рекут, блажены неплоды* (Лук. XXIII. 29).

И уже Иерусалим разрушен; Израиль оплакан: однако Иисус гласом Евангелия и Церкви доселе вызывает: *себе плачите и чад ваших*. Нет ли убо и еще виновных в Его страданиях? – Увы! и кто же не виновен в Его страданиях? Он есть *Агнец Божий* *вземлющий грехи*, не Иерусалима, не Израиля, но *мира* (Иоан. I. 29), всего мира. *Он грехи*

наша носит, и о нас болезнует (Исаии LIII. 4). Будучи все потомками единого грешника и чадами гнева по естеству (Ефес. II. 3), мы наследовали горестную необходимость быть виною страданий Сына Божия; мы были Его врагами прежде, нежели могли возлюбить Его, – прежде, нежели вкусили жизнь, Он терпел от нас и для нас болезни смертные. Не знаю, долготерпеливе Господи! какая наипаче слезы мы должны за сие приносить Тебе: горькия ли слезы покаяния, или сладкия слезы любви и благодарности.

Грех наследственный не есть единственное бремя, под тяжестью которого мы страждем и которое возвергаем на страждущаго Искупителя. С какою неутомимою деятельностью мы умножаем печальное наследие Адама даже и тогда, когда поклялись обнажить себя, *совлецися ветхаго человека и облещися в новаго* (Кол. III. 9 и 10). Слава Всеблагому, если благодатный Иерусалим не имеет ни своих фарисеев, ревностию по славе Божией облакающих мирское славолубие; ни саддукеев, пренебрегающих царствие Божие, потому, что оно не есть плоть и кровь; ни книжников, желающих *письменем* закона губить дух Евангелия; ни лжебратий, самым лобзанием уязвляющих Иисуса; ни малодушных человекоугодников, истиною Божиею жертвующих буйству человеческому: да не видим – что к сожалению видел уже Апостол – *второе распинающих Сына Божия* (Евр. VI. 6). Нет ли по крайней мере таких, которые, подобно Петру, и после искренней решимости не разлучаться с Господом в животе и смерти, смутясь от гласа коварной рабыни – плоти, не смеют произнести пред нею даже имени Его: *не знаю человека* (Мат. XXVI. 74)! и особенным только воззрением благодати возвращаются к своему обету? И можем ли мы довольно иметь Петровых *горьких слез* (ст. 75), дабы оплакать таковыя преткновения, которые все приражаются к сердцу нашего Возставителя?

Кто не плачет с Петром, тот да плачет со дочерьми Иерусалимскими. Кого не смиряют прежния падения, кого не смягчает милосердие Божие, того да сокрушит страх будущего. *Себе плачите и чад ваших.*

Чада Иерусалима новаго! Довольно ли разумеваем и мы время нашего посещения? Соделав спасение наше посреде земли, Господь *почил* от своего дела втораго творения. Ожидаем ли мы после сея *субботы* Его инаго дня великаго и просвещеннаго, в который Он *воскреснет*, дабы *судить* земли (Псал. LXXXI. 8)? *Дух Христов, прежде свидетельствовавший о Христовых страстях, и о словах, яже по сих* (1 Пет. I. 11), повидимому не глаголет нам более: Он скрывается во гробе обрядов, под печатню маловерия, за стражею земной мудрости; и покой долготерпения Божия погружает нас в сон, подобный сну дев юродивых. Но долготерпение Господа не есть коснение, и покой Его не есть дремание. *«Аз сплю, а сердце мое бдит»* (Пес. V. 2). Он исчисляет лета и дни; взирает на преливающуюся меру беззакония, болит о страданиях и терпении своих избранных, толь давно уже к нему взывающих: *Востани, вскую спиши, Господи* (Псал. XLIII. 24) и призывает день гнева и день суда. *Се днии грядут, в няже рекут: блажены неплоды, и утробы, яже не родиша* (Лук. XXIII. 29). Не *родившим* в себе духа Христова отраднее будет в страшный день откровения славы Божией, нежели тем, которые имели, но угасили оный небрежением.

Помедли, Господи! помедли еще со днем славы Твоея: нам еще нужен день нашего сетования. Дай нам оплакать себе самих; и рукописание грех наших, изглаженное Твоею кровию, но непрестанно нами возобновляемое, смыть слезами покаяния. Сотвори, да заветная кровь Твоя, не будет *на нас*, яко на Иудеях, в усугубление смерти уже для нас естественной; но да будет *в нас*, и даст нам новую душу живу от Твоего Духа животворящаго (1 Кор. XV. 45). Тогда наконец – *воскресни, Боже! суди земли: яко ты наследииши во всех языцех* (Псал. LXXXI. 8). Аминь.

XXIV.

11. СЛОВО

**на освящение храма во имя Св. Живоначальной Троицы, в доме
Святейшаго Правительствующаго Синода г. обер-прокурора и кавалера
князя Александра Николаевича Голицына.**

(Говорено октября 1; напечатано отдельно и в собр. 1820 и 1821 гг.).

<1812>

*Возмите врата князи ваша, и возмיתесь
врата вечная, и внидет царь славы. Псал.
XXIII. 7.*

Вы слышали среди настоящего тайнодействия сию торжественную весть. Она из уст пророка Давида. И можно ли было не спросить при сем: *кто есть сей царь славы?* (Псал. XXIII. 8). Столь превознесенный над всяким величием, что славный царь Израилев является перед ним только провозвестником Его шествия и вратником дома Его, – столь глубоко снисходящий к рабам своим, что желает внити в тесные врата, немогущия вместить его шествия, – *кто есть сей царь славы?* Дух Божий предваряет сие благоговейное недоумение и превращает его в радостное изумление – *Господь крепкий и сильный в брани, Господь сил, той есть царь славы, приходящий вселиться посреде людей своих* (10; 3 Цар. VI. 13). *Господь крепкий и сильный*, который совершает силу свою в самой немощи (2 Кор. XII. 9), – *Господь сильный в брани*, победитель мира и ада, греха и смерти, *Господь сил*, который водит все воинство небесных и земных тварей в чине их, ополчает их за славу свою и ополчается за благо их, – сей-то *царь славы* преклонился ныне внити под кров сей, дабы утвердить здесь престол своего царства, силы, славы, благодати, святыни. Какое блаженство для души, которая желает и скончается во двory Господни (Псал. LXXXIII. 3)! Очами веры она видит теперь, как сии врата вняли гласу Дому-владыки, *вознесли главы свои, соделались вратами небесными* (Быт. XXVIII. 17).

Но примечаете ли вы еще другия тайныя врата, к которым, сквозь сии видимыя, взывает вратник Царя славы? *Возмיתесь врата вечная*, говорит он. Врата вечныя конечно не суть те, которыя устрояются из древа, и украшаются златом: итак, видите ли вы другия врата, в которыя внити, другой храм, который освятить, желает Царь славы?

Христиане, *вы есте церкви Бога жива* (2 Кор. VI. 16). Если Он еще не *живет* в вас, то стоит у *вечных врат* бессмертной души вашей, ожидая, чтобы вы *уготовали путь Господень, правы сотворили стези его* (Мат. III. 3). *Се стою при дверех и толку: аще кто услышит глас мой, и отверзет двери, вниду к нему* (Апок. III. 20).

Суежное было бы любопытство видеть освящение видимаго храма, еслибы мы в сие время не помышляли *об освящении нашего храма невидимаго*. Но как един Бог совершает сие внутреннее освящение, так един Он может и показать славу торжества сего. Воззовем к Нему из глубины сердец наших, да даст нам очи видети, уши слышати, ум разумети.

Образ освящения внутренняго нам представлен в обрядах освящения внешняго. Здесь, при содействии молитвы, храм очищается в своих важнейших частях омовением, кроплением,

помазанием, курением фимиама; уготовляется облачением и украшением престол таинственного присутствия Божия, и Царь славы, сокрывающий неприступное величие свое в осязаемых изображениях и знамениях, видимо сопровождаемый служителями олтаря, но невидимо Ангельскими дори-носимый чинми, силою своего слова, отверзает, проникает и наполняет свое жилище. То же самое и в освящении души. *Освящение, украшение* и благодатное *посещение* составляют всю тайну и всю славу храма внутреннего.

Храм Божий в человеке в самом начале своем был чист; ибо хотя создан был частию из персти земной, но создан руками Божиими: был благолепен, ибо в нем поставлен был *образ* Божий (Быт. I. 26): был свят, ибо исполнен был *дыханием жизни* (Быт. II. 7) от Духа Святаго. Но дыханием змия отравлено дыхание жизни: человек сокрушил образ Божий, воздвигая собственный истукан, и тогда сам он толико возмерзил видением поруганного храма Божия, что восхотел его сокрыть от себя, ничтожною впрочем оградой – *листвия смоковного* (Быт. III. 2). В сем печальном виде храм Божий остается доселе в каждом естественном человеке, ибо Адам, как написано, *роди сына по виду своему и по образу своему* (Быт. V. 3), то-есть чуждый образа Божия грешник распространил и на потомство свою нечистоту и безобразие.

Если сия прирожденная нечистота мало примечаема человеками, сие точно потому, что, подобно лютой прокаже, она внедрилась в существо их и смешалась с самою природою. Но не она ли, будучи сознаваема, хотя темным, но тем не менее постоянным ощущением в таинственной глубине души, заставляет их чуждаться безсмертного естества своего, заниматься только временными нуждами, питаться только чувственными удовольствиями, жить в суете, в рассеянии, далече от себя самих: – «*Адаме, где еси*»? Бегут во мрак, дабы скрыться от мрачного вида внутренности своей, и, страшась испытать снедающую жалость обветшавшего дома Божия, предают его в мерзость конечного запустения.

Кто сделает решительное усилие войти в себя самого, тому представится первою потребностью, и первым его желанием будет – *очищение*.

Уже Бог *очистил* нас, христиане, *банею водною в глаголе* (Еф. V. 26). Впрочем церковь, при всей уверенности в силе и преизбыточестве благодати единокротного крещения, признает и второе крещение в покаянии. Первый креститель водою проповедывал еще *крещение Духом Святым и огнем* (Мат. III. 11).

Все сии крещения заключаются в *едином*, которое исповедует Церковь *во оставление грехов*: но единая благодать очищения толикократно изливается, колико крат для нея открывается и упраздняется сосуд наш; она является многообразною, по видам греховных нечистот. Кто не видит, что древняя проказа разсыпается в новых язвах и после очищения, и корень зла непрестанно дает отрасли? Какое же право имеем мы желать, чтобы Бог в одно мгновение ока оставил нам те грехи, которые мы в течение целой жизни хотим и не хотим оставить? *Измыйтесь, и чисти будите*, повелевает Господь чрез Пророка. Но как, Господи? – *Отъимите лукавства от души ваших пред очима моима, – и приидите, и истязимся, глаголет Господь, и аще будут греси ваши яко багряное, яко снег убелю, аще же будут яко червленое, яко волну убелю* (Исаии I. 16 и 18). Отрекийтесь прежде сами от нечистот своих искренно и постоянно, и потом с совершенною доверенностью предоставьте Богу продолжать или переменять купель, им для вас поставленную. Кровавые пятна нечистой природы будут убелены кроткою водою благодати; язвы непослушания омыются и уврачуются слезами раскаяния; деяния плотския умертвятся духом; вожделения и помыслы душевные очистятся огнем искушения и страдания.

Ничто так не опасно для желающих очищения, как то, чтобы они не успокаивали себя одною наружною чистотою, которая, услаждая их самолюбие, удержала бы стремление ко внутреннему и всецелому очищению. Да видят они, что делает Церковь в очищении видимого храма: оно начинается от внутреннейших и существеннейших частей, и от сих сообщается всем. Так должно быть и с человеком. «*Очисти прежде внутреннее*, говорит Христос, – *да будет и внешнее чисто*» (Мат. XXIII. 26). Человек! источник нечистоты твоей в твоей внутренности: заграждай потоки в источнике. Уклонением ума и воли ты отпал от Бога, и погибаешь в самом себе; отпади от себя глубоким внутренним самоотвержением, и ты обрящешься в Боге, и Бог в тебе. Изглаждай сокровеннейшие следы твоей собственности, где только их заметишь. Положи в огонь очищения самую добродетели твои; не ограждай себя сим *листвием смоковым*, которое более обнаруживает, нежели покрывает наготу немощи твоей; ищи лучше в наготе самоотвержения чистоты своей пред очами того, который в чистейшей наготе пролил за тебя очистительную кровь свою; *отложи без остатка твоего ветхаго человека тлеющего в похотех* (Еф. IV. 22).

По мере совлечения ветхаго человека христианин облекается в новаго, и за очищением храма внутреннего следует *украшение*.

Если очищение внутреннего человека состоит в отложении всего, что свойственно растленному человеческому естеству, то тем менее обновление и украшение оного может быть располагаемо по чертежам человеческого мудрования. Красота тварей недостойна человека, призываемого к славе Божественной, и может ли она в человеке удовлетворить Богу? Одно то украшение, которое с таким великолепием сияло в первосозданном, возвеличить может обновляемый храм Божий. Образ Божий в человеке есть такое сокровище, которое не только человека, но в нем и весь мир делает Богу драгоценным и любезным.

Где же найдем мы сей возжеланный образ, толь давно изглаженный, разрушенный и потерянный ветхим Адамом? – Он явлен, слушатели, паки в новом Адаме, в воплотившемся Сыне Божиим, и преподан нам Его словом и жизнью. *Образ дах вам*, сказал Он пред разлучением с учениками своими, *да якоже Аз сотворих, и вы творите* (Иоан. XIII. 15).

Доколе внутренний храм наш не столь еще упразднен от образов мира и плоти, чувств и воображения, чтобы мог вместить в себе великий образ Иисуса Христа, – мы можем собирать в оный уменьшительные образы Его, которые Он показал миру в избранных своих последователях. Апостол даже с убеждением предлагает себя самого в образец для тех, которые не смеют взирать на Божественный пример Господа: *молю вас, подобни мне бывайте* (1 Кор. IV. 16). Впрочем сие подобие, присовокупляет он, не должно вас удовлетворять и успокаивать само собою, но только приближать к существенному образу совершенства во Христе: *подобни мне бывайте, якоже аз Христу*.

Нет сомнения, что только неослабным подвигом и даже *болезнью* мы можем достигнуть того, *да вообразится в нас Христос* (Гал. IV. 19). Мы должны, по словам Писания, *преднаписать* его себе *пред очами* (Гал. III. 1) и непрестанно брать для себя с образа его каждую черту, для которой будем находить место в нашем уме, в нашем сердце и в нашей жизни. Надобно, чтобы мы его сопровождали от его рождения до его смерти, от яслей до креста и гроба, и подражали Ему во всем, что вочеловечившийся Бог может сообщить человеку должествующему быть *причастником Божественнаго естества* (2 Пет. I. 4). И когда наконец раздробленные черты истины, правоты, любви, смирения, послушания, долготерпения, умерщвления Христова, нами приемлемыя и сохраняемыя, слиются в

единый живой образ Его; когда сей нерукотворенный образ отразится во всех наших силах, способностях, действиях и наполнит их так, что мы не *восхотим и ведети что, точию Иисуса, и сего распята* (1 Кор. II. 2), и сие не по плоти, но «по духу» (2 Кор. V. 16); когда во внутреннейшей храмине души, в небесной славе смирения, совокупно видимы будут ясли и крест Иисусов, подобно как в сем видимом олтаре священная трапеза, где Христос таинственно рождается и совершает крестную жертву свою; когда дух человеческий готов будет ежеминутно с духом Иисусовым предавать себе в руце Божии, – тогда *готов престол Твой оттоле, и одушевленному дому Твоему подобает святыня Господи в долготу дний* (Псал. ХСII. 2 и 5) не земли, но неба.

Престол Вездесущаго не может быть празден, слушатели. Господь не умедлит *посетить* дом, коего един Он есть зиждитель и краеугольный камень, и украститель, и украшение.

Аще снасаждени были подобию смерти Его, то и воскресения будем (Рим. VI. 5). Если мы насадили в себе его жизнь умерщвления, то процветет в нас и *сущий в нем живот и свет человеков* (Иоан. I. 4). Если мы не стыдимся *носить поношение* (Евр. XIII. 13) Сына человеческого, и хвалимся о кресте Его, то узрим и *славу едиnorodнаго от Отца* (Иоан. I. 14). Если в Нем умираем себе и миру, Он воскреснет в нас и в безмерном избытке все возвратит нам в себе самом. Привлекаемый силою своего в нас подобия Он *явится сам, и посетит* (Бл. Мак. 33), как изъясняется некто из посещенных Его благодатию, – *посетит душу чрез все ея исходы, стези и чувства. Он приидет дверем затворенным* (Иоан. XX. 19) и предстанет во внутреннейшем ея основании; постигнет и *приблизится* на пути (Лук. XXIV. 15) внешней деятельности; *предварит в горе* (Мат. XXVIII. 16) Богомыслия; возсияет в духе неприступным светом своим; воспылает в сердце *преспеющею разум любовию своею* (Еф. III. 19). Человек не столько будет чувствовать жизнь и бытие свое, сколько присутствие и действие возлюбленного своего Спасителя. *Живу не ктому аз, но живет во мне Христос* (Гал. II. 20).

Но почто прежде времени немотствовать там, где и достигшие в меру возраста Христова, самые гласы словесе, в благоговении трепещут и умолкают? Апостол Павел освящение внутреннего храма называет *тайною сокровенною от век и родов* (Кол. I. 26 и 27), и, в то самое время, когда открывает, что уже она *явися святым, что Бог восхоте сказати, кое богатство славы тайны сея во языцех*, – заключает сию богатую тайну в сих только словах: *Христос в вас, упование славы*. Един тот может ввести во святилище тайны сея и показать ея богатство, кто повелевает вратам вечным, и тогда только покажет, когда они отверзутся. *Тайна Господня боящимся Его, и завет Его явит им* (Псал. XXIV. 14).

О, тайна таин, тайна славная и неизвестная, толь близкая и недостижимая, толь давно проповеданная, но всегда неизреченная, толь часто пререкаемая, и толь редко постигаемая! Тщетно любопытство желает одним взглядом проникнуть всю глубину христианства, тщетно неверие думает слышать осязанием и слухом познавать свет, – Бог разумов таится от премудрых и разумных и открывается младенцам; его тайна не может быть исторгнута или похищена, но только испрошена терпеливо и дарована милосердо.

Наш долг, христиане, очищать и украшать храм свой, а не назначать Господу время и образ Его благодатнаго посещения. Если мы желаем испытать, как Он может обитать в сем храме, то испытаем прежде, как мы совершаем наше к тому приуготовление.

Отделимся на минуту от самих себя и внидем во внутренний храм наш хотя столь же хладнокровными зрителями, каковыми бываем иногда в храме видимом. Можем ли мы не приметить в нем множества образов мира, и плоти, которые одни за другими в него вносятся, одни над другими утверждаются и возвышаются, совокупно или попеременно

требуют какой-либо жертвы и, хотя от времени до времени, ее получают. И сие ли есть храм единого Бога, или, это всебожница мира?

И между тем Господь *при дверех*. О милость, о неблагодарность, непостижимыя! Какой раб может пренебрегать посещением владыки своего, и какой владыка может снести такое пренебрежение? Может ли богатый оставить нищего толкать во врата свои от утра до вечера, и нищий не проклясть жестокосердаго? Но Ты, Господи, с неизреченными сокровищами щедрот Твоих, с того времени как возсиял надо мною свет Евангелия Твоего, стоишь у вечных врат души моей, а я не внемлю Твоим кротким толканиям, и вратами тления убегаю, скитаться по миру, и просить у врагов твоих моей погибели.

Пожелаем, слушатели, чтоб у каждого, кто будет отверзать врата освященного ныне храма, и входить в них, в то же время отзывались в душе, и отверзали бы ее Богу, Божественныя слова освящения: *вознесите, врата, главы ваша, и отверзитеся врата вечная, и внидет Царь славы*. Аминь.

XXV.

12. СЛОВО

на Рождество Христово.

(Говорено в третий день сего праздника, в Троицкой церкви, что в доме г. синодального обер-прокурора князя Александра Николаевича Голицына; напечатано отдельно и в собр. 1820 и 1821 гг.).

<1812>

И се вам знамение: обращаете младенца повита, лежаща в яслях. Лук. II. 12.

Третий день, как славословящая Церковь и при олтарях, и в домах возвещает нам сие знамение *родившагося* «Спасителя» (Лук. II. 11). Вифлеемские пастыри, может-быть, не более трех мгновений слышавшие небесную о Нем весть и славословие, в ту же ночь поспешили обрести Его по данному им знамению: *реша друг ко другу: преидем до Вифлеема, и видим глагол сей бывший, егоже Господь сказа нам* (Лук. II. 15). Мы, толь долго и многократно уже оглашаемые славою, и сами призываемые к прославлению рождающагося Христа: *Христос рождается, славите*, – мы, почти влекомые во сретение нисходящему с небес: *Христос с небес, срящите*, – прешли ли наконец до Вифлеема и видели ли глагол сей бывший, его же Господь сказа нам?

Но как можно нам прейти до Вифлеема, скажут те, которые не имеют ни простосердечной веры пастырей вифлеемских, ни мудрости волхвов сущих от восток? – А разве можно нам, христиане, оставаться в большем удалении от родившагося Спаса нашего, нежели языческие мудрецы, и в большем неведении о нем, нежели пастыри обращающиеся токмо с несмысленными? Церковь конечно не обманывается, когда вопиет во уши наши: *Христос с небес, срящите!* Конечно, Христос доселе нисходит с небес, и в такой близости к нам, что мы, подобно пастырям или волхвам, благовременно можем приспеть на место его Божественнаго явления. *Преидем до Вифлеема*.

Вифлеем значит *дом хлеба*, – какого, если не *хлеба животного сходящаго с небесе* (Иоан. VI. 51)? Прейти в сей Вифлеем, или, паче, соделаться сим Вифлеемом, долженствует каждая христианская душа, дабы внити потом и преобразиться самой в *Иерусалим новый*,

в скинию Божию (Апок. XXI. 2 и 3). Бог хочет во всех нас *явити Сына Своего* (Гал. I. 16) посредством нашего благодатного рождения.

Дабы путь к родившемуся Спасителю не оставался для нас неизвестным или сомнительным, и дабы вместо Вифлеема нового рождения не закоснеть нам в том ветхом Иерусалиме, который в день спасения на пагубу свою мятется с своим Иродом – отважимся испытать, какое бы знамение могло нас удостоверить в нашем приближении ко Христу, в истине нашего возрождения?

В Евангелии мы видим два пути к рождающемуся Христу: путь волхвов и путь пастырей. Путь волхвов есть путь света и ведения, управляемый ясным знамением звезды, которую они видели на востоке и которая предводила их до Иерусалима и Вифлеема. Путь пастырей есть путь сени и тайны, путь веры, а не видения, который, по кратковременном осиянии славою Господнею, предпринимается в стражу ночную, совершается без руководителя и не обеспечивается никаким особенным знамением, кроме удобопререкаемого знамения *младенца повита, лежаща во яслях*. Кто бы не подумал, что светлый путь волхвов должен быть безопаснее, удобнее и кратчае? Напротив, он был и продолжительнее, и труднее, и опаснее, нежели темный путь пастырей. Вместо Вифлеема, мудрецы являются прежде в Иерусалиме: здесь проповеданные ими ведения ни к чему не служат, разве ко всеобщему смятению; они впадают в недоумение о продолжении пути своего; наставление небесного знамения становится не внятно для них; и Божественное Отроча, пред которым они желали повергнуться в благоговении, едва не повергается ими в руки нечестия. Пастыри преходят поприще мрака и, достигнув Вифлеема, достигают того, что слава Господня, единожды осиявшая их с небес, теперь невидимо вселяется в них самих: *возвратишся пастырие славяще и хваляще Бога* (Лук. II. 20).

Прославим прославившего путь волхвов; не презрим пути пастырей. Если светлый путь ведения привлекает наши взоры, – не забудем, что мы должны быть не путешествующими зрителями, но «осмотрительными путешественниками». Между тем, как очи наши теряются в созерцании величественных видов, нам представляющихся, легко стать может, что мы не примем под ногами нашими камней, сетей и пропастей, или остановимся на пути нашем тогда, как надлежало бы простираться в предняя. И потому яркие озарения ума не всегда можно принимать за непреложные знамения приближения ко Христу и за верные указания истинного пути возрождения. Есть просвещенные духи подобные прозрачным телам, которые приемлют и передают свет, но сами его не чувствуют, и даже производят в других пламя, но сами остаются холодны и мертвы. Самая высокая мудрость человеческая есть такое светило, которое поколику само идет неопределенным еще путем, потолику и не может быть надежным путеводителем, и которое чем славнее в своем сиянии, тем страшнее в своем затмении. Как можно и желать лучшего? Истинное и живое видение собственно не есть удел настоящей жизни нашей, самое блаженство ее состоит в веровании: *верую ходим, а не видением* (2 Кор. V. 7): *блажени не видевши и веровавшие* (Иоан. XX. 29). Снимем же по следам пастырей вифлеемских, на сеннотаинственный путь веры; и чем более он сокровен и невидим, тем более потщимся его заметить осязательным знамением ему свойственным.

Токмо тот может оставить странствующим ясные и несомнительные знамения на новом и неизвестном для них пути, кто его прошел, изведаль, измерил. И кто может совершеннее и ведать, и открыть, и назнаменовать ход чистаго рождения, *еже не от крове и плоти* (Иоан. I. 13), как не Тот, Который един не родился во гресех, но *наитием Святаго Духа и осенением силы Вышняго* (Лук. I. 35), и Который един всем Его приемлющим *дает область чадом Божиим быти* (Иоан. I. 12)? Для сего-то, слыш., Он и родился на земли, чтобы явить здесь небесное рождение, родился видимо, дабы положить пред очи

рождение невидимое, и поелику рождаемый в чистоте и святости не имел нужды восходить к иному лучшему рождению, то самое рождение свое по плоти соделал токмо прозрачною *завесою* (Евр. X. 20), сквозь которую мы можем «прозирать» на *новый и живой путь* нашего духовного рождения. Не вопрошайте убо, вземлющие души ваши ко Господу, не вопрошайте более с Давидом: *скажи ми Господи путь, в оньже пойду* (Пс. CXII. 8): сей неведомый путь во услышание самой плоти ныне изглаголан воплощенным Словом Божиим: *Аз есмь путь* (Иоан. XIV. 6). Мудрствующие горня! не полагайте в сердце вашем иных восхождений к Богу, кроме степеней, по которым Сын Божий нисходит к человеку: *Сие да мудрствуется в вас, еже и во Христе Иисусе, иже во образе Божиим сый, нещцева быти равен Богу, но себе истоцил, зрак раба приим, в подобии человечеством быв, и образом обретеса, якоже человек* (Филип. II. 5 и 7). Не преходите спешно мимо знамения, с такою неукрашенною простотою открывшагося в Вифлееме Иудейском; сею самою простотою запечатлена тайна вашего собственного Вифлеема: во внешнем знамении родившагося Спасителя заключено внутреннее знамение спасительного возрождения.

И во-первых *се вам знамение: обрящете младенца*. – Гордость денницы, воплотясь в человека, возрастила его в исполина, для которого *узкая врата и тесный путь вводяи в живот* (Мат. VII. 14) соделались непроходимыми: Сын Божий, дабы обновить сей путь своею плотью, стесняет свое необъятное величие в скудный возраст младенчества, и полагает его мерою, в которую бы мы приходили, вступая на путь живота и приближаясь ко вратам царствия. То, что некогда сказал Он ученикам своим на их вопрос: *кто есть болий в царствии небесном*, еще прежде проповедано было немотствующим Его младенчеством: *Аще не обратитесь, и будете яко дети, не внидете в царство небесное* (Мат. XVIII. 1 и 3). Итак, кто хочет обрести путь Иисуса, тот да взыщет Его младенчества. Младенец почивает на руках своей матери; мыслит ея умом; управляется ея волею; питается ея пищею; живет ея жизнью: если вы в детской простоте успокоиваетесь на руках Провидения; если ум ваш забывает себя в благоговейном смирении пред судьбами Премудрости Божией; если вы совершаете волю Божию так, как бы она была вашею волею; *если вы возлюбили словесное и нелестное млеко* (1 Пет. II. 2), не токмо яко услаждение, но и яко пищу, возвращение и оживление духа, – то благословите Бога, который утвердил в вас живое знамение Спасова рождения.

Во-вторых, *се вам знамение: обрящете младенца повита*. – Знамение повития пеленами нам изъясняет один из древних учителей «Христианских» (Tert. adv. Marcion, cap. IV). В повитии пеленами, говорит он, Иисус предначинает свое погребение. В самом деле, пелены младенца и плащаница умершаго вначале истканы одним художником; колыбель и гроб имеют одного изобретателя. Еслибы грех не изобрел гроба и плащаницы, то не было бы также пелен и колыбели. Как немощи рождения суть начатки смерти, так колыбель – предтеча гроба, и пелены – первый край постепенно развиваемой погребальной плащаницы. Почему Сын Божий, благоволив быть повит пеленами, предобразует ими жизнь непрестанного умерщвления. Кто бы вы ни были, желающие ходить во след Иисуса, вы также должны проходить сень смертную на пути рождения в живот вечный. Каждое орудие соблазна должно быть *усечено* (Мат. XVIII. 8), каждое движение собственности удержано и прекращено, «каждое земное вожеление связано и умерщвлено: *умертвите уды ваша, яже на земли* (Кол. III. 5)». Вы должны, подобно повитому пеленами, сохранить свободу, отверзать очи ваши токмо для того, чтобы приобыкнуть спокойно взирать на узы вашего ветхаго человека, и таким образом умертвить самое зрение; должны сохранить уста ваши токмо для того, чтобы дышать воздыханиями молитвы. Так верные последователи Господа *носили мертвость его в теле своем, и умирали по вся дни* (2 Кор. IV. 10; 1 Кор. XV. 31), но в сей самой смерти почерпали новую жизнь: *яко умирающе, и се живи есмы* (2 Кор. VI. 9). Жизнь

умерщвления есть непререкаемое знамение пути Христова, и гроб ветхаго есть истинная колыбель новаго человека.

Наконец, *се вам знамение: обрящете младенца повита, лежаща в яслях*. Если младенчество и пелены Богочеловека суть знамения глубокого смирения Его и умерщвления, то ясли его суть изображение непостижимаго истощания. Уже Он умалил себя пред Ангелами своим человечеством, своим младенчеством и пеленами восприял на себя то, что есть уничиженнейшаго в человеках: Он нисходит еще, и слово неразлучно *сущее у Бога* (Иоан. I. 1) вменяется с безсловесными. О, как пред сим знамением Божественнаго истощания все превознесенное в человеках, все славное в мире, не унижается и умаляется, но рушится, исчезает, и скрывается в естественном своем ничтожестве! И блажен, кто благоговеет пред яслями Богочеловека так же, как и пред престолом Его Величества, – кто, повергаясь пред ними, видит их над собою в такой же высоте, как небо! Пусть он теряет весь мир, теряет себя самого в безпредельной глубине своего ничтожества: сия безпредельность есть предел сообщения с безпредельным Божеством. Пусть, по изречению Псалмопевца, *исчезает душа его: она исчезает во спасение* (Пс. CXVIII. 81).

Вы видите, слуш., каким образом Вифлеемское знамение родившагося Спаса дано не одним Вифлеемским пастырям, но и каждому из нас, дабы управлять нашим духовным путем ко Христу Спасителю. Вопросим еще единожды; прешли ли мы до Вифлеема, и то, чего естественно ищет душа наша, обрели ли столь же неукоснительно, безпрепятственно, верно, как сии верные в простоте своей пастыри – *приидоша поспешиеся, и обретоша* (Лук. II. 16)? О, Иисусе младенчествующий! Как трудно нам кажется сократиться в сию скудную меру Твою! Мы любим не малиться с Тобою, но расти в себе самих – расти своеумудрием, расти вожделениями, расти ложною славою. О, животе, повитый в погребение! Как часто мы без внимания попираем и дерзновенно раздраем пелены Твои! Мы желаем лучше жить, дабы умереть, нежели умирать, дабы жить! О, мудросте и Слове Божий, поучающий нас ныне из яслей Твоих! как мало мы внимаем великой проповеди Твоего немотствования! Как будто знамения Сына Божия на земли для нас малы и низки; как будто мы ждем, чтобы для нас *явилось знамение Сына человеческого на небеси* (Мат. XXIV. 30)! Оно *явится*; но тогда уже не время будет ни праздновать, ни поучаться: *тогда восплачутся вся колена земная*.

Поспешим, христиане, проходить примрачный путь веры, дабы свет суднаго дня внезапно не ослепил нас. Сретим любовь Христа нисходящаго с небес, дабы Он сретил нас милосердием, восходящих на небо. И если кто уже пришел к нему с пастырями, да возвращается тот всегда с ними от славных знамений к простоте верования, восписуя славу единому Богу. Если же кто с волхвами притек в сокровенный Вифлеем от шумнаго Иерусалима: *да не возвратится тот ко Ироду* (Мат. II. 12) похвалиться своим обретением; да не соделается тайна Царя славы оружием миродержителя тмы века сего, который *ищет Отрочате, да погубит Е* (13). Аминь.

1814 год.

XXVI.

13. СЛОВО

**на день торжественнаго венчания на царство и священнаго миропомазания
Благочестивейшаго Государя Императора Александра Павловича.**

<1814>

*Господи, силою Твоею возвеселится
Царь, и о спасении Твоем
возрадуется зело. Псал. XX. 2.*

Не будем ныне изследывать, слушатели, чья наипаче радость исходит из уст Давида в сем восклицании молитвенном: собственная ли радость Давида, когда он, в некоторый, подобный настоящему, день с торжественною благодарностию воспоминал, какою чудесною *силою* вознесен он был от стада на престол, и колико крат видел *спасение* Господне, явленное для себя и в себе для целого народа; или предвкушаемая радость Мессии, котораго в пророческом духе созерцал он восшедшаго на высоту и сидящего, яко Царя, одесную *силы* Божия, да в Нем узрит всяка плоть *спасение* Божие. Будучи не только пророк Христа Богодухновенным словом, но и пророчественный образ его, Богоправимою жизнью, Давид мог слиять сию сугубую радость во едину. Как бы то ни было, мы не можем сомневаться в том, что Царь по сердцу Божию возвещает нам радость истинно царскую.

Сынове Сиони! Вы предстоите здесь для того, чтобы пред Богом *возрадоваться о Царе своем* от Бога помазанном, венчанном и превознесенном. Праведно, ибо истинная радость Царя и царства едина есть. Итак, вслушаемся прилежнее в священный глас радости сея, исходящий из уст Царя Пророка; последуем, сколько можем, его восхищению или, паче, наставлению; он ведет нас чрез радость Царя в радость Господа; он проповедует *силу Божию и спасение Божие*, как твердешшее основание и чистейший источник *царственной радости*.

Господи, силою Твоею возвеселится Царь, и о спасении Твоем возрадуется зело.

Радость и счастье Царя и царства начинается тогда, когда ощущается сила, отражающая страх коварств или насилий, в котором каждое общество естественно находится. Если закон гражданский ручается за безопасность частную, то спокойствие общественное и неприкосновенность самого закона охраняется силою. Сердце государства слабого потрясается от каждого движения, происходящего близ его пределов, и легкий ветер молвы кажется ему грозною бурей.

Но если слабыя царства принуждены быть в непрестанном беспокойстве со стороны сильных, то и сильные не менее могут страшиться сильнейших, и сильнейшие союза многих, или счастливой дерзости единаго. И где же основание, на котором бы могущество сильных земли утверждалось незыблемо? И есть ли невозмущаемая радость для царей и царств?

Человеки проходят сушу и море, ища подпор для своего утверждения, и пристанища для своей безопасности. В искусстве градодержавства, принятом от миродержителей тмы века сего, сила и насилие, мудрость и ухищрения, мужество и дерзость, искренность и притворство, верность и клятвопреступление, союз и распри, мир и война, золото и железо, – словом, все без разбора приемлется орудием для созидания мечтательнаго величия и могущества. Но сие обилие в средствах всегда ли, – по крайней мере часто ли, приводит к желаемой цели? Дает ли преимущество пред теми, которых и предприятия, и пособия к их совершению – заключаются в пределах справедливости? – О, еслибы те, которые столь неутомимо работают над сооружением великаго кумира суеты,

непрестанно разсыпавшегося в руках их, упразднились и *обратились* бы с Соломоном к безпристрастному разсматриванию *суеты*! Подобно ему, они бы увидели *под солнцем, яко ни легким течение, ниже сильным брань, ниже самому мудрому хлеб, ниже разумным богатство, ниже ведущим благодать, яко время и случай случится всем сим* (Еккл. IX. 11).

Время и случай: так на языке мира называет Премудрый неведомую миру причину происшествий. Но что есть время, как не движение вещей под перстом Вечного? Что есть случай, как не сила невидимая, сокрытая в действиях видимых, но не предвидимых, тень руки Вседержительной, облачение Провидения? – О время, на которого непостоянство толико жалуются легкомысленные, и которое столько же обвиняют в медленности, как и в скорости, колико верным показалось бы ты нам, еслибы мы внимательнее наблюдали твое вышнее измерение – милостию и судом, искушением и воздаянием, долготерпением и наказанием! О, случай, которому слепотствующие зрители мира приписывают собственную их слепоту, колико бы ты явился провидящ и праволучен, когда бы мы довольно имели прозорливости, чтобы открыть тайную руку направляющую твои стрелы на их мету, и отличить, подобно Пророку, *стрелу спасения* (4 Цар. XIII. 17) от стрелы всегубительства!

Дотоле все в мире как непонятно и сомнительно, так ненадежно и опасно для нас, доколе, не примечая в нем вышней премудрости всеучреждающей и силы всесозидающей, мы думаем устроить на земли свое блаженство собственным только мудрованием и усилиями. *Вотще*, говорит пророк Моаву, *имел еси надежду во оградах твоих, и в сокровищах твоих, и ты ят будеши* (Иерем. XLVIII. 7). *Нощию*, то есть, внезапно и непредвиденно, *погибнет земля Моавитская* (Исаии XV. 1). *Еда*, взывает другой к князю Тирскому, *еда хитростию твоею или смыслом твоим сотворил еси себе силу, или во мнозех хитрости твоей, и в купле твоей умножил еси силу твою? умреши смертью язвенных в сердце морstem* (Иезек. XXVIII. 4, 5 и 8). Будем, слушатели, внимательны и к настоящим судам Божиим, также как и древним, и примем от уст Пророка совершившуюся уже притчу сию на новаго царя Вавилонскаго, на сего надменнаго исполина недавно мечтавшего разделить державу вселенныя со Вседержителем: *сокруши Бог ярем грешников, поразив язык грешный, работающий властителю неправедному, язвою ярости, еюже не пощаде* (Исаии XIV. 6). Безсмертный год благословенныя Богом державы, коему священный предел ныне полагаем! Ты гласом грома взываешь к сим *шатающимся дерзостию языкам*, и не престанешь взывать к родам грядущим, *да не глаголют высокая в гордыни, и да не хвалится сильный о себе силою своею, но о сем да хвалится хваляйся, еже разумети и знати Господа* (1 Цар. II. 3 и 10).

Блажен народ, который, не делая себе идола из собственного могущества, славы и величия, *полагает сердце свое в силу Божию. Блажени людие, имже Господь Бог их. Предзря его выну пред собою, и одесную себя*, они не *подвижутся* никаким смятением и опасностью. Царство, управляемое верою и упованием на Бога, если возмущается несправедливостию и притязаниями сынов чуждых, успокоивается в *Боге судителе праведном и крепком*; если угрожается насилием, прибегает к *Богу препоясующему силою*; если открыто ковам тайным и нападениям нечаянным, имеет *хранителя*, который *не воздремлет, ниже уснет*; если даже изнемогает, *чает Бога спасающего* немощных *от малодушия и от бури отчаяния*. Вступая в праведную брань, оно дерзает противу целаго мира, признавая верховным вождем своим того, который благоволил нарецися *Богом воинств*, который *исходит в силах возлюбленнаго ему народа и дает крепость людям своим*: приобретая мир, оно сугубо наслаждается им, и как благом земным и как благословением небесным, зная, что *Господь благословляет люди своя миром*. А когда о *Боге сотворит* оно себе такую *силу*, в которой и враги его начнут усматривать перст

Божий, тогда его радость и веселие столько же неотъемлемы у него, сколько сила Божия непобедима, милость непреложна и слава неприкосновенна.

И сия-то радость, сие-то веселие отверзают сердце и уста царя Псалмопевца: *Господи, силою Твоею возвеселится царь*. Не могущество человеческое, не могущество собственное утешает меня, Господи! суетно то утешение, которое мир может и даровать и похитить. Но когда помышляю, что Ты устроил меня избранным орудием Твоея силы, тогда в благодарном восхищении я забываю самого себя; я ощущаю токмо Твою вседетельную силу, о ней веселюся, ее славлю; ею живу и блаженствую. *Господи, силою Твоею возвеселится царь!*

Впрочем чувствование могущества есть еще половина царственной радости. *Господи, силою Твоею возвеселится царь, и о спасении Твоем возрадуется зело.*

Если сила и могущество царей и народов есть талант вверяемый им от Господа сил, то не иначе, как верно в его употреблении, могут они обогатиться до преизбытка и внити в полную радость Господа своего. Если раб, сокрывающий в землю свое сокровище и не приносящий Господу лихвы своего делания, и находит некоторое успокоение в безопасности своей и услаждение в своекорыстии: но вскоре является Судия и Мздовоздаятель, и призрак счастья исчезает.

Было время, когда самый Давид, — ибо и праведники падают, — когда самый Давид возжелал насладиться только могуществом своим, которое он думал видеть во многочисленности повинующагося ему народа: *да увем число людем* (2 Цар. XXIV. 2). Но еще он не вкусил сего наслаждения, как уже впал в гневныя руце владеющаго царством человеческим: *и даде Господь смерть во Израили* (2 Цар. XXIV. 15). То, что соделал здесь Бог рукою чудодейственною, вразумляя своего избраннаго, совершается некоторым образом и повсюду самым естественным течением дел человеческих. Тогда как на земли живейшим образом начинают ощущать собственное могущество, в слепом самонадеянии проповедывать *мир и утверждение* и счислять токмо выгоды, а не обязанности сопряженные с дарованною от Бога силою, — тогда в судьбах небесных уже написан приговор разрушения и *всегубительства*: *и даде Господь смерть во Израили*. От мечтательнаго самодовольства рождается безопасность, безопасною питается роскошь, а сия есть уже язва смертная и на крепость, и на мудрость, и на благоустройство, и на обилие.

Но если успокоивающее чувствование могущества опасно тогда, когда оно погружает в мечтательное самодовольство и бездействие; то не менее пагубно и тогда, когда сила становится только средством к умножению силы, и приводится в действие духом преобладания, ибо сила погубляется как бездействием, так и непрестанным напряжением. Хотя бы дух преобладания и не был осуждаем верховным Владыкою мира, он должен рано или поздно сам уготовать себе гибель потому, что принуждением возбуждает против себя и противоборствующие и поборствующие ему силы, раздражает в одно время и притесняемых, и тех, которые могут опасаться притеснения, и чрез самыя завоевания и порабощения превращает только врагов внешних и открытых — в домашних и сокровенных. Но и взаимно, хотя бы он не был во вражде сам с собою, он должен быть истреблен правосудием Вседержителя, производя в Его державе крамолу и возмущение и преступая пределы судеб Его. *Егда разделяше Вышний языки*, говорит первый дееписатель мира, *постави пределы языков по числу Ангел Божиих* (Втор. XXXII. 8): конечно в сие время положено было и то, да будет един Вышний царем всея земли. Каждый, кто когда либо с царем Вавилонским желал в сем *быти подобен Вышнему*, и

домогался всемирного единовластительства, подвергался единому с царем Вавилонским осуждению: *во ад снидеши и во основания земли* (Исаии XIV. 14 и 15).

Одно только есть истинное, так как и естественное, направление народного могущества – направление ко благу общественному и спасению бедствующего человечества. Если царь и народ имеют то благословение Провидения, что их сила, открываясь в собственном их спасении от опасности, простирается и на спасение других народов страждущих под тяжким и несправедливым игом, тогда счастье оных не обманчиво и радость их исполнена. Если Бог не только нам, но и чрез нас являет спасение свое, то мы есмы не только предмет, но и действующее орудие промысла Его; и что может быть надежнее сего состояния, только бы мы своеволием не исторгались из руки Его? Мы есмы споспешники благодати Его; и что может быть величественнее и блаженнее сего служения?

Посему-то *сила Божия и спасение Божие* составляют полную *радость и веселие* Богоправимаго царя. Следуя более небесным, нежели земным внушениям и ощущениям, он не радуется о гибели своих врагов: видя их падение, он сетует о их ожесточении, милует их несчастье. Не устремляется от побед к преобладанию, но восхищается тем, что, спасенный Богом, имеет власть споспешествовать спасению людей Божиих. Не превозносится высотой своего служения: он бы устранился его, еслибы *не предложил Бога помощника себе*. Не утешается своею славою, но приносит ее Богу Спасителю. *Господи, силою Твоею возвеселится царь и о спасении Твоем возрадуется зело.*

Такова, слушатели, радость Давида и такова радость Александра, – такова наконец – поколику и мы можем разделять ее, – такова должна быть всеобщая радость настоящего дня. Не слышите ли вы еще и ныне радостными сердцами, как Благочестивейший Самодержец в то самое время, когда желает воздать достойную славу победоносному воинству своему, возносясь духом к Богу, воспевает Давидскую песнь: *не нам, Господи, не нам, но имени Твоему даждь славу?* Или как показуя нам совершившийся под его водительством чудеса брани, паки восклицает Давидски: *кто Бог велий, яко Бог наш? Ты еси Бог творяй чудеса!* Или, как, управляя сердцами разнородных воинов и правителей, пленив сердце враждебного царства силою оружия, и сердца врагов правотою и благодатию, на высоте своей славы, вновь исповедует, что *един Бог всем управляет*. И что еще, – блаженная преданность воли предержавшей, воле всеуправляющей, – уже не токмо исповедует сущее, но и предошущает и предрекает грядущее действие Промысла над своими деяниями, *Един Бог, говорит, всем управляет, Он же и совершит сие дело, и великое дело спасения сокрушенных царств и стнящих народов и умирения мира совершается.*

Сынове России! *возрадуемся о царе своем, и с царем своим, истинно царственною и Божественною радостию, да пронесется по всем местам и временам грядущим, паче же да проникнет во все сердца и души животворящий глас радости и спасения, слышанный Пророком в селениях праведных, глас народной радости: десница Господня сотвори силу; глас веселия царева: десница Господня вознесе мя* (Псал. CXVII. 15 и 16).

Воистину, Господи, ты сам *вознес избранного от людей своих, и положил его первенца, высока паче царей земных. Силою Твоею веселится Российский Царь, и о Твоем токмо спасении, прежде над нами, потом чрез нас и над всем родом христианским совершающемся, радуется благодарением и упованием.* В сих чувствованиях исходил он прежде из пределов своей державы для защищения и спасения, и ныне исходит паки для умирения и облагоденствования народов. Воздаждь ему исполнену сию радость великаго Твоего спасения. *Господи, спаси царя, и услыши нас, вместе с ним восписующих Тебе славу и честь и силу. Аминь.*

XXVII.

14. БЕСЕДА

из псалма LXXXIII, по освящении храма Пресвятыя Богородицы, в память явления всечестныя иконы Ея Казанския, устроеннаго в доме его сиятельства гр. Виктора Павловича Кочубея.

(Говорена 13 ноября; напечатана в собр. 1820 и 1821 гг.)

<1814>

*Коль возлюбленна селения Твоя,
Господи сил! Псал. LXXXIII. 2.*

Сия древняя песнь, без сомнения, многократно уже воспета и в сем, хотя только еще обновленном, селении Господа сил. Ее торжественно воспела Церковь при священном обновлении сего храма. Ее деятельно воспели те, которые толико возлюбили Божие на земли селение, что восхотели под один кров соединить оное с жилищем собственным. Не знаю, приметили-ль вы сами за собою, но Церковь с утешением предполагает, что и каждый из находящихся теперь в сем доме Божиим, входя во врата его, внутренно воспевал оную песнь: ибо для чего бы тому и ступать чрез сей священный праг, кто не чувствует, *коль возлюбленна селения Господа сил?* – Впрочем, если песни суть пища торжеств, чувственные – земных, духовныя – небесных, и если наш ум и чувства без утомления и многократно возвращаются к тому, что любезно сердцу, – то возобновим еще в заключение настоящего торжества, – возобновим некоторые звуки благолепнаго псалма Израилева, дабы, сколько можно, точнее и постояннее согласить с оными наши чувствования. Поучимся от песнопевца Божия, не столько устами, сколько духом и сердцем, и не только пребывая во храме, но и ходя в мире, воспевать сию песнь: *коль возлюбленна селения Твоя, Господи сил! Желает и скончается душа моя во дворы Господни.*

Все люди более или менее чувствуют, что им не достает прибежища, где блуждающее их сердце постоянно могло бы обитать и неусыпающия желанья – успокоиться, но многие не знают, или, лучше, не стараются знать истиннаго своего покоища. Расширяют свои жилища: – и производят только более прежняго пустоты. Ходят в дома пира, – и возвращаются или с бременем пресыщения, или с лютейшим прежняго голодом к сладостям чувств. Велят своей *душе почивать* на обилии благ земных, но все, что есть плоть, слишком жестоко и грубо для опочивания духа, и на таком одре, по минутной дремоте, он пробуждается с новым каждый раз беспокойством. Иные, находя область чувств, для своих желаний, тесною и скудною, переносятся в обширныя страны воображения; усматривают там некие храмы славы, вкуса, земной мудрости; устремляются к ним, – но, приближаясь, находят, что сии величественные храмы, в которых они думали обоготворить себя, суть или призраки воздушные, или здания на песке, на краю бездны, в которых не только жить, но и на время успокоиться не можно. Так всякая душа в мире *желает и скончается*, истаявает как воск от огня желаний, – и течет по предметам дольняго мира, истощаясь подобно потоку, разделенному на многия ветви и теряющемуся в дебрях, – истощаясь бесполезно, если не умеет дать единого истиннаго направления своему стремлению, или, по другому изображению Псалмопевца, она носится с своими желаньями по пространству сотворенных вещей, как *птица*, ищущая *храмины*, или *гнезда*, идеже *положит птенцы своя*.

Познай, бедная душа, всегда пришельствующая в мире, всегда томимая голодом, всегда обуреваемая страстями, всегда утомленная разнообразием сует, твое пристанище, твое жилище, твое насыщение, твое покоище, твое богатство, твое существенное благо. Един Бог есть все сие. Как вещи земного свойства естественно стремятся к земле и, только упавая на нее, приходят в покой, только на ней обретают свое постоянное пребывание: так небесное существо души, *яко дыхание жизни* от уст Божиих, естественно стремится взйти паки к Богу и в нем долженствует вечно жить, покоиться и блаженствовать. По той мере, как душа, решительно, и всеми своими силами, предается спасительному стремлению к своему началу: для препобеждения сопротивного стремления плоти, влекущей к земле, сам Бог, чрез Сына Своего, *посылает ей помощь от Святаго*: и, будучи воскреляема верою и любовью, она вземлется горе, дабы прейти все земное и все сотворенное и достигнуть в селения Господня, во дворы Его и в самый дом Его. На сем токмо горнем пути, сколь ни трудным и непроходимым он кажется очам плоти, – токмо на нем обретать можно то, чего бесполезно ищут на земле. Здесь многообразныя желания человеческой души, освобождаясь от брения и праха, подобно чистым токам, сливаются в один великий поток, скорее или медленнее, но верно долженствующий соединиться с морем безконечного блаженства. Не вотще она *желает*, и не в суетном разсеянии *скончается* – она *желает и скончается во дворы Господни*. Тогда она воспеваает с Псалмопевцем: *птица обрете себе хramину, и горлица гнездо себе, идеже положит птенцы своя*: так я – *олтари Твоя, Господи сил, Царю мой и Боже мой*. Как та веселится, находя гнездо себе, ибо предвкушает радости чадородия; так я утешаюсь, притекая к олтарям Твоим, ибо знаю, что если я принесу в жертву Тебе *сердце сокрушенно*, – Ты *созиждешь во мне сердце чисто* (Псал. L. 12 и 19), *изведешь от сердца каменного сердце плотяное*, – (Иез. XXXVI. 26) и возмешь его туда, где его сокровище.

Некоторые в темном ощущении познают важность олтарей и, по-видимому, не чуждаются дома Божия, но не разумеют ни того, как должно в него входить, ни того, как обращаться в нем. Поставив тело во храме, уверяют себя, что уже пребывают с Богом, но находящиеся в сем положении не более иногда принадлежат дому Божию, как – если позволено так изъясниться – истуканы украшающие только наружность его. Служат Богу, как рабы, не столько для того, чтобы совершить волю Его, сколько для того, чтобы токмо уклониться от гнева Его. Работают ему в уреченное время, как наемники, дабы получить от Него плату земных благословений, и потом на врагов Его – на мир и плоть, – иждивать дары Его. Какое несообразное с величеством и благодатию Божиею Богослужение! Какое нестроение в сравнении с благолепными славословиями верных рабов Божиих, друзей Его и присных Его дома! Кто желает истинно приблизиться к Богу, тот все существо свое должен устроить в священный орган, дабы воспеваать сию песнь дома Божия: *коль возлюбленна селения Твоя, Господи сил! – Сердце мое и плоть моя възиграшася к Богу живу*. Не рабский страх гонит меня к служению Твоему, Господи, но паче Твоя любовь, изгоняя страх мой, влечет во след Тебе. Не сокровищ и даров Твоих алкают мои желания, – мне вожделенны и возлюбленны Твои селения, Твоя близость, Твое общение. Не мню я приблизиться к Тебе одними устами, – Твоя любовь обдержит всего меня и все бытие мое восхищает к Богу живому.

Дабы вразумить нас более о сем в чистой любви совершающемся приближении к Богу, руководствующий настоящею беседою Псалмопевец дает нам приметить особенно два состояния любителей дома Божия. Одних представляет он живущими в нем: *блажени живущии в дому Твоем*. Других – приметающимися: *изволих приметися в дому Бога моего*. Взгляд на сии крайния степени пребывания в доме Божиим долженствует показать нам, до чего и как достигать могут стремящиеся к соединению с Богом.

Блаженни живущии в дому Твоем. – Но как можно, среди пришельствия в мире, жить в дому Божиим? – Дом Божий не чужд никому, разве кто сам отчуждает себя от него. В него можно входить и от Юга, и от Севера, и от Запада – к вечному Востоку. Дом Божий есть присутствие Божие. Кто живо и деятельно начинает ощущать сие святое и освящающее присутствие и молитвенно к нему обращаться, тот входит в дом Божий. Кто пребывает в сем ощущении постоянно и неуклонно или, по древнему слову Писания, *ходит пред Богом* (Быт. XVII. 1), тот живет в доме Божиим. Чем действительнее и плодотворнее ощущение присутствия Божия, тем внутреннее и совершеннее пребывание в доме Божиим. Наставляющий нас Псалмопевец указывает путь или лестницу сего духовного дома Божия, утвержденную в сердце верующаго в силу Божию и действию ея преданного человека: *блажен муж, емуже крепость его у Тебе: восхождения в сердце своем положи.* Пресечение Богопротивных дел, Богопротивных желаний, Богопротивных помыслов, восприятие Богоугодных помышлений, Богоугодных желаний, Богоугодных деяний образует различныя стези и степени восхождения в селения Божии, во дворы Его и в дом Его. Естественно, что подвизающийся в сем Божественном жительстве, дабы не уклониться от него чрез рассеяние в мире, колико можно, часто входит и в видимый дом Божий; покланяется ко храму Святому Его в сыновнем страхе и любви; прилепляется к сему Божию на земли селению так, что в нем находит свой покой, а вне его труд, вне его пришельствие, а в нем жилище, вне его мятеж, а в нем тишину: и тогда он живет, можно сказать, и в видимом доме Божиим, также как в невидимом Его присутствии. Видите жителя дома Божия.

Зрите и преимущество сего жительства – *блаженни живущии в дому Твоем*, восклицает Песнопевец дома Божия, *в веки веков восхвалят Тя.* – Миротлюбцы столь же мало понимают сие блаженство, как и состояние, которому оно принадлежит: им известно токмо человекоугодливое ласкательство, сугубое бремя, которым они отягчают в одно время и свою совесть и свое самолюбие; но не хвала праведная и Божественная, коею исполненные благ от Господа изливают в Него свое блаженство и в то же время в сугубую меру в нем оное почерпают. Хвала Богу есть цвет блаженства, которым *процветают насажденные в дому Бога нашего* (Псал. XCI. 14), и она же есть плод, в котором их блаженство созревает. Ибо когда корень и основание сих живых деревьев утверждены во благе, когда все сосуды ума и сердца, все стеблия и ветви желаний и помышлений орошены, исполнены, напоены водами благодати и спасения, – тогда на высоте духовных сил, устремленных горе, непрестанно возникает, расширяется и созревает в исполнении единое желание и единое действие – хвала и прославление Источника благих. – Воистину, Господи, *блаженни живущии в дому Твоем! Упьются от тука дому Твоего, и потоком сладости Твоя напоиши я. Яко у Тебе источник живота, во свете Твоем узрим свет* (Псал. XXXV. 9 и 10). – Помыслите, христиане, о сих неизреченных благах, даруемых друзьям и присным дома Божия, к которым и мы должны принадлежать. Если жизнь сладка и в сем скудном, непрестанно изсякающем потоке, от которого мы ея причащаемся по внешнему человеку: то колико сладостнее должна она становиться по той мере, как мы будем приближаться к самому источнику живота! Если приятен сей видимый стихийный свет, который один открывает нам чудеса телесного мира, открывает однакоже в некоем смешении света и тьмы: то какое уготовано нам зрелище, когда, как провидит Пророк, мы должны наконец видеть в духовном и святом свете Божиим, и видеть один чистый свет, не обезображенный никаким примешением тьмы! Не думайте, что сии блага совершенно заключены и запечатлены в едином небе: некою частию оне и на земли сокрыты *в дому Божиим*, – в непрестанном сердечном обращении к Богу и всецелом приближении к Нему человека верою и любовью. Некто из присных Божиих испытал на земли такое восхищение, которого, повидимому, небеса не вмещают. *Что ми есть на небеси?* – взывает он к Богу – *и от Тебе что восхотех на земли?* – Не землю только пренебрегает: *что восхотех на земли?* – самое небо не привлекает его: *что ми есть на небеси?* Чем же

только исполнен и доволен ты, друже Божий? – Мое сердце, говорит он, обрело и на века стяжало Бога своего: *Боже сердца моего, и часть моя Боже во век* (Псал. LXXII. 25 и 26).

Столь высокий и в дольнем мире нам показан жребий для привлечения нас пришельствующих и блуждающих в мире, в отеческий дом Божий; но да не возмнит кто-либо тотчас похитить оный жребий избранных от руки Божией. Дары милосердия подаются смирению и терпению. И посему сам Псалмопевец дома Божия, изображая блаженство живущих в сем доме, не дерзает приобщить себя к сонму их: *блажени живущии в дому Твоем*. Напротив, он предоставляет себе и в то же время, для последования за ним, указывает всем приступающим к Богу низшую и более доступную степень пребывания в доме Божиим: *изволих приметися в дому Бога моего*. Знаю, говорит, что я не достоин быть в числе присных Божиих, и входить во внутренняя дома Его: хочу по крайней мере стоять у врат его и присесть на праге его, как странник, ищущий места успокоения, или как нищий, ожидающий даяния от руки милосердия.

Но знаете ли, какое благо заключается и в сем, повидимому, отверженном состоянии любящего дом Божий? – *Изволих приметися в дому Бога моего*, сказал он, и присовокупляет: *паче неже жити в селениих грешничих*. Лучше, подобно безкровному пришельцу, хотя на краткое время, опочить на праге дома Божия, нежели жить и блаженствовать в мире без Бога и благодати Его. Лучше, подобно убогому, простирать просящую руку к Богу, нежели, отвратясь от Него, приобретать, обиловать и расточать. Лучше быть последним рабом Божиим, нежели божеством языческим.

Но уже время нам прервать глас Псалмопевца, ибо наш долг – не столько слушать чуждую, как воспевать собственную песнь во славу дома Божия, и не только воспевать Его блаженство, но и отверзать себе вход в сии блаженные селения и жить, или, по недостойнству нашему, хотя *приметися в дому Бога нашего*. Итак, *внидите* и не преставайте входить *во врата Его во исповедании, во дворы Его в пениих* (Псал. XCIX. 4) вы, которым должно быть известно внушаемое Апостолом искусство – *во псалмах и пениих, и песнях духовных глаголати себе* самим – в созидание и возбуждение, и паки, *воспевати и пети в сердцах ваших Господеву* (Еф. V. 19) – в жертву хваления и благодарения. Врата храма суть истинные врата дома Божия: *идеже бо аще два или трие собрани во имя Господа, ту есть и Он посреде их* (Матф. XVIII. 20): но входя во врата сии телом, *полагайте духовныя восхождения в сердце вашем*, чтобы дух не оставался вне священной ограды – *в селениих грешничих*. В искреннем обращении к Богу, в вере, в любви, в смирении заключены дивныя восхождения в тайная дома Божия. Аминь.

XXVIII.

15. СЛОВО

на день Введения во храм

Пресвятая Богородицы.

(Говорено в церкви Живоначальной Троицы, что в доме его сиятельства князя Александра Николаевича Голицына, ноября 21 дня; напечатано отдельно и в собр. 1820 и 1821 г.)

<1814>

Слыши дщи и виждь и приклони ухо твое, и забуди люди твоя и дом отца твоего. И

*возжселяет царь доброты твоя: зане той
есть Господь твой. И поклонииши ему.*
Псал. XLIV. 11 и 12.

Дивный в судьбах своих Бог, дабы облаженствовать сущия от Него бытия высочайшим и непостижимым блаженством, от века положил соединить естество свое с естеством человеческим, в лице едиnorodного Сына своего: дабы, чрез Него простирая сие соединение и на все исполнение Церкви, которая, по закону вочеловечения, *есть тело Его*, и таким образом срастворяя и как бы взаимно изравнивая *всяческая* Божества с ничтожеством *всяческих*, в *смотрение исполнения времен* (Еф. I. 10), как говорит Апостол, *возглавити всяческая о Христе, яже на небесех и яже на земли в Нем, да будет, наконец – Бог всяческая во всех* (1 Кор. XV. 28). Сие великое определение вечного совета, или, по Апостолу, сию *тайну*, хотя *сокровенную от век и родов* (Кол. I. 26), хотя и ныне *явленную* токмо святым и, даже в самом откровении своем, еще носящую на себе *семь печатей*, издревле впрочем открывал Дух Святый Своим таинникам, а чрез них и всему человечеству по толику, по колику ея постепенно возрастающее разумевание долженствовало соответствовать и споспешествовать ея постепенному исполнению. Так один из Пророков, видев человечество уже прошедшее дни младенчества и под пестунством закона возраставшее в то исполнение лет, когда оно долженствовало соделаться способным к предуставленному обручению своему с Божеством и рождению безлетного чада, представляет Сына Божия царем грядущим на брак, и, восприяв на себя лице невестоводителя или друга женихова, как бы с нетерпением убеждает человеческую природу – не отдалять более сего блаженного союза изменою и непокорностию, но предаваться ему со всею искренностию и верностию. *Слыши дщи и виждь и приклони ухо твое, и забуди люди твоя и дом отца твоего. И возжселяет царь доброты твоя.*

Долго еще сей Божественный глас отзывался в Церкви, как в пустыне, и, повидимому, не находил для себя отверстаго уха. Человечество не имело дерзновения торжественно изыти во сретение Божеству. – Что было бы с нами, еслибы не сердце благословенныя Девы Марии отверзлось неместимому глаголу воплощения, еслибы не безпредельная преданность ея в волю Божию отвещала небесному вестнику: *се раба Господня: буди мне по глаголу твоему* (Лук. I. 38)? Она неограниченно вручила Себя желанию Царя царей – и обручение Божества с человечеством на веки совершилось.

Отселе можем мы усматривать, христиане, каким образом толь частное, повидимому, происшествие – введение во храм и посвящение Богу трилетняя девы – становится предметом всеобщаго торжества в Церкви. Сие приключение младенчествуя Богоневесты есть некий начаток Ея обручения Святому Духу и потому, некоторым образом, первый залог обручения всего человечества Божеству. Правда, сия тайна еще глубоко долженствовала быть в ней сокрыта в сие время, подобно как цвет в своем семени; но Провидение, дабы показать непогрешительность путей своих, не редко предваряет существенныя свои действия некоторыми знаменательными событиями, вразумляющими о будущем: и благочестивое предание говорит, что, при самом введении Пресвятыя Девы во храм, она была уже оглашаема оными Пророческими словами: *слыши дщи и виждь* и проч.

Ныне, во дни совершения древних начатков и предзнаменований, желаете ли вы яснее видеть славу настоящего торжества? – Последуйте указанию Пророка. *Приведутся*, говорит он далее, *Царю девы во след Ея* (Пс. XLIV. 15). Не видите ли теперь, что приведение Пресвятыя Девы к Царю царей есть начало великаго торжественнаго шествия, в котором все чистыя, целомудренныя души за Нею последуют; что настоящее торжество, по намерению Церкви, есть часть и продолжение онаго великаго шествия; что

желающие участвовать в настоящем торжестве должны присоединиться к одному торжественному шествию, облекшись в качества сообразныя образу великия Ликоначалницы онаго: *девы во след Ея?*

Дабы не закоснеть нам, христиане, в священном шествии сем и не остаться токмо праздными зрителями чуждаго праздника, обратим мы к душе нашей оное Пророческое воззвание: *слыши дщи и виждь и приклони ухо твое, и забуди люди твоя и дом отца твоего. И возжелеает Царь доброты твоя: зане той есть Господь твой. И поклониишия Ему.*

И во-первых признай здесь, христианская душа, вечное право, по которому ты принадлежишь Царю царей, да приведешися к Нему повиновением и любовью. *Возжелеает Царь доброты твоя: зане той есть Господь твой.*

В царствии человеческом показалось бы странным, еслибы кто в самом доме и в присутствии царя своего вошел в исследование о его правах над подданными: не есть ли некоторая дерзость и в сем доме, и в сем хотя невидимом, но тем не менее близком и неотступном присутствии Царя царей, разсуждать о вечном праве господства Его над нами? Но что делать с человеками, которые благоговеют пред величеством человеческим, а *отмечаются господства, и не трепещут славы* (Иуд. 8) Божией? Толь многия надменные помышления, толь многия своевольныя желания, толь многия дела, в забвении Бога совершаемая, не говорят ли громче, нежели оныя обличаемыя Давидом *устны льстивыя и язык велеречивый: кто нам Господь есть* (Пс. XI. 4 и 5)? О еслибы могли мы хотя несколько утишить сей возмутительный вопль исповеданием и ощущением Божия над нами господства!

Бог есть Господь наш по праву сотворения, Господь по праву своего в нас образа, Господь по праву искупления, Господь по праву непрестаннаго хранения и промысления благодатнаго.

Бог есть Господь наш по праву сотворения. – Если мы почитаем собственностью дом, который созидаем, или сад, который насаждаем; то не без сравнения ли большее право имеет Бог, как собственностью Его, располагать всем, что мы имеем и что есмы? Еслибы дела рук наших могли состязаться с нами о нашей власти над ними, подобно как некоторые из нас хотят состязаться с Богом о пределах Его над нами владычества; то и дом наш мог бы сказать, что не мы произвели древо и камение, в котором обитаем, и сад наш, – что не мы возрастили плоды, которые собираем. Но *ты что имаши*, о человече, *егоже неси приял* (1 Кор. IV. 7) от Бога? Откажись хотя на минуту от даров Того, Котораго владычество над тобою желал бы ты ограничить; возврати то, что приял: что же осталось? – ничтожество и, что еще хуже ничтожества – грех, разоряющий создания Божии!

Бог есть Господь наш по праву своего в нас образа. – Как мы полагаем свою печать или на такая вещи, которая утверждаем в нашу собственность, или на такая, которая желаем сокрыть от других: так Бог запечатлел человека своим образом, как свою собственность, которую бы никакое существо не дерзало себе присвоить, и как рукописание, котораго бы никто не отверзал кроме едиnorodнаго Сына Божия. Хотя же человек сокрушил сию священную печать, обнажил сокрытую в себе тайну познания добра и зла и Божественную собственность продал под грех; но еще сохраняются и ныне в естестве человеческом некия, так сказать, сотрения Божественной печати, некие останки образа Божия, и сохраняются для того, чтобы по сим знамениям человек вновь усвоен был Богу и запечатлен для Него. В человеке непорочном образ Божий был источником блаженства, –

в человеке падшем он есть надежда блаженства. Он есть самое основание человеческого естества, которое хотя ныне засыпано прахом и сокрыто в земле, но которым однако держится все здание. Дабы лучше уразуметь отношение наше к Богу посредством Его в нас образа, представим себе образ тела, помощью окружающего света начертаваемый тению его на земле. Что была бы сия тень без тела и света? – сие-то есть перстный человек без силы и света Божия!

Бог есть Господь наш по праву искупления. – Случается, что мы, желая удержать за собою любимую собственность, на которую право у нас оспаривают, соглашаемся вновь приобрести ее куплею – и жертвуем другою собственностью несправедливым притязаниям, дабы обезпечить себе обладание тем, что любим. Так бесконечная любовь Божия дивным образом усугубляет вечное право свое над нами, в безпримерном деле нашего искупления. Человек не восхотел принадлежать Богу; похитил себя у Бога; отвергся господства Божия; возмечтал сам для себя быть господом и богом. Обличен святотатец и крамольник нелицеприятным правосудием, осужден и предан вечной смерти. Но любовь не хочет потерять человека. Она предприимлет отъять его у ада и вновь усвоить его себе паче прежнего. *Искупляет* преступника *от клятвы законныя* (Гал. III. 13), и как? – соделавшись сама *клятвою*; стяжывает возвратно проданного под грех, и какую ценою стяжывает? – *не истленным серебром или златом, но честною кровию, яко агнца, непорочна и пречиста Христа* (1 Пет. I. 18 и 19). О непостижимое господство любви, которая, дабы преобладать нами, предает нам саму себя; и приобретает нас для того, чтобы вся нам дарствовать! Христиане! Господь не мог соделать для вас большего блага, как то, что вы *несте свои* (1 Кор. VI. 19).

Бог есть Господь наш по праву непрестанного хранения и промысления благодатного. – Воззвание человека из ничтожества, его возвеличение образом Божиим и возстановление падшаго – составляют, по мнению сынов человеческих, древния права Божия над нами владычества, которые мы можем более чтить благоговейным воспоминанием, нежели ощущать в силе и действии. Но что глаголет Сын Божий? – *Отец мой доселе делает, и Аз делаю* (Иоан. V. 17). Для вечнаго нет прошедшаго: все и всегда настоящее. Все существует токмо непрестанным действием Сущаго. Человек может оставить свое дело; поелику он не творит, а токмо претворяет готовое; но Бог еслибы отвратил только взор от своих творений, то их бы не осталось. *Отвращишу тебе лице возмьются, и исчезнут* (Пс. CIII. 29). Далеко ли убо нам искать Тебя, Господи! Если мы только не исчезаем, то и сие уже служит знамением того, что лице Твое обращено к нам. Возгарается ли в нас чистое желание? Совершается ли нами благое дело? – Ты *действуешь в нас и еже хочети и еже деяти о благоволении* (Фил. II. 13). Возникает ли добрая мысль? – мы *не довольны есмы и помыслити, что доброе от себе, яко от себе, но довольство наше от Тебе есть* (2 Кор. III. 5). Минуют ли нас опасности, прискорбия растворяются утешением, побеждаются искушения? – Ты *не оставляеши нас искуститися паче, еже можем: но твориши со искушением и избытие* (1 Кор. X. 13). О, как чудились бы мы, христиане, каждую минуту, еслибы довольно имели проницания, дабы открывать тайные следы правления Божия во всем, что с нами случается и нас окружает!.. Некогда пророк Елисей, желая успокоить малодушие отрока своего, боявшагося врагов, молился: *Господи, отверзи ныне очи отрока, да узрит. И отверзе Господь очи его, и виде: и се гора исполнь коней, и колесница огненна окрест Елисея* (4 Цар. VI. 17). Еслиб и ныне вера отверзла очи духа нашего, – мы узрели бы окрест себя все небесныя силы подвигнутыми для охранения безопасности нашей и для споборствования нам противу царства тьмы, – так! все небесныя силы; ибо не *вси ли суть служебнии дуси в служение посылаеми за хотящих наследовати спасение* (Евр. I. 14)? Даже тот, кто не смеет, верить ничему, чего не осяжет, – и тот при постоянном наблюдении за всеми событиями, подобно Фоме, не долго будет ожидать

случая, чтобы, ощутив близость, исповедать истину являющегося повсюду владычества Бога и Христа: *Господь мой и Бог мой* (Иоан. XX. 28).

Толь мощный, толико благодетель, толь присущий нам Господь и Владыка чего не властен требовать от рабов своих, которых жребий в единой руке Его, и которые *о Нем едином живем, движемся и есмы* (Деян. XVII. 28)? Какое иго, Им возлагаемое, дерзнули бы мы назвать тягостию для нашей свободы? Какую дань, Им взыскуемую, – несоизмерною правам Его над нами? Какую жертву – довольною для Него? Еслибы Он сказал нам, что желает паки взять у нас все, что когда-либо даровал, – что могли бы мы отвещать Ему, кроме сего: да будет, Господи, воля Твоя, ибо мы не имели никакого права ни на единую крупицу даров Твоих, ниже на единое мгновение бытия? Но Бог не возлагает на нас никакого ига и бремени, разве *благое и легкое*; не взыскует никакой дани, кроме простертой руки для приятия даров Его; не хочет жертвы и всесожжения, удовлетворив сам себе за нас вечною жертвою своего Сына. И сей Сын Его, толикою ценою стяжавший право царствовать над нами, господствует нами токмо для нас, и Его безпредельное владычество, дерзнем сказать во славу благодати Его, – есть токмо разнообразное служение тварям своим. Чего же, наконец, желает Царь сей от рабов своих? – *Возжеляет*, говорит посланник Его к душе нашей, *возжеляет Царь доброты твоея*. Твой спаситель желает *обручить* (2 Кор. XI. 2) тебя себе *Деву чисту, обручити тебе во век* (Ос. II. 19). *Якоже радуется жених о невесте, тако желает возрадоваться Господь о тебе* (Исаии LXII. 5). Можешь ли ты пререкать сему блаженному для тебя желанию?

Итак, *слыши дщи и виждь и приклони ухо твое, и забуди люди твоя и дом отца твоего. И возжеляет царь доброты твоея. И поклонииши Ему*. Научися, христианская душа, – и сей есть второй предмет пророческого возгласения, – научися верности, которая должна привести тебя во благоволение Царя царей, как единственная возжеленная для Него *доброта* в нас, неимеющих никакой доброты собственной.

Слыши дщи и виждь. Но Пророк не изъясняет, что должны мы слышать, или где можем видеть возлюбленного Жениха душ. Сего и не можно было сказать единожды для всех. Не для всякого слуха единый глас, ниже для всякого взора единое видение. Иногда Господь является и глаголет душе, когда она Его и не чаяла: *явлен бых не ищущим мене, обретохся не вопрошающим о мне, рекох: се есмь, языку, иже не признаша имене Моего* (Исаии LXV. 1). Но иногда Он премолчивает и не обретается ищущей и призывающей Его: *возстану, и обыду, и поищу, егоже возлюби душа моя: поисках Его, и не обретох Его, знах Его, и не послуша мене* (Пес. III. 2). Но ты не унывай от сего, дочь милосердия Его: ты токмо *слыши*, внимай непрестанно всякому знамению Его присутствия, и *виждь*, – озирай все пути Его, да *взыщеша Его, егда обретается; и призовеша Его, егда близ есть* (Исаии. LV. 6).

Слыши дщи и виждь. Два только чувства из пяти оставляет тебе провозвестник воли Царя царей. Начинай исходить, яко Лот, из сих пяти градов, долженствующих вскоре погибнуть. Оставляй область чувств, отрешаясь от тех прежде, которые более плотяны и грубы. *Не коснися, ниже вкуси, ниже осяжи* (Кол. II. 21) в вожделение и наслаждение и пресыщение, но токмо за нужду и немощь плоти. Пресыщенные удовольствиями чувств дремлют пред чертогом небесного Жениха и не слышат гласа Его; елей в их светильниках истощается, и они не узрят лица Его.

Слыши дщи и виждь и приклони ухо твое. Внимай! Есть многие и благолепные гласы, поражающие внутренний слух; но не все есть *глас Господа Бога, ходяща в раи*, – дано было в раи глаголати и змию. Есть многие и светлые виды, встречающиеся духовному

оку, но не все есть истинный свет Христов; *и сатана преобразуется в ангела света* (2 Кор. XI. 14). Познай же, куда обращаться должно, чтобы не быть увлечену призраками: *приклони ухо твое*, или, яснее, *приклони*, с Давидом, *сердце твое во свидения* (Пс. CXVIII. 36) Господни. – *В научения странна и различна не прилагайся* (Евр. XIII. 9). Имамы известнейшее пророческое и апостольское слово, дабы *внимать ему, яко светильнику* (2 Пет. I. 19) чистейшаго света.

Начав духовное шествие наше к небесному Жениху и соблюдая нашу к Нему верность от прельщений чувств и от заблуждений ума, еще долго мы можем быть удерживаемы от приближения к Нему, пристрастиями нашего сердца. Но должно разрешиться и от сих уз: *забуди люди твоя и дом отца твоего*. Возможно ли сие? говорит страстная душа. – Но вопрошают ли о сем, когда тот же Бог законом любви супружеской повелевает *оставить человеку отца своего и мать* (Быт. II. 24)? Не делается ли тогда любящее сердце истолкователем и защитником так же строгаго, повидимому, закона? Для любви ли к Богу невозможно то, что возможно для любви к твари? Не должна ли первая быть несравненно сильнее последней? Если любовь к твари можно жертвовать другой любви к твари: то можно ли любви к Богу принести меньшую жертву, как все роды законной даже любви к себе и другим? И может ли Божественный Жених предлагать меньшия требования желающим обручения с Ним, как сии: *иже хочет по Мне ити, да отвержется себе* (Мат. XVI. 24). *Иже любит отца или мать паче Мене, несть Мене достоин: и иже любит сына или дочь паче Мене, несть Мене достоин* (Матф. X. 37). Не должна быть никакая преграда, никакое посредство, не должна падать никакая тень между Им и душою. *Брат мой мне, и аз Ему* (Пес. II. 16), воспевает она Ему в Песни песней.

Блаженна ты, если уразумеешь и воспоешь песнь сию, христианская душа. Тогда-то *возжелает царь доброты твоя*, и явит тебе сокровища любви своей. *Аз любящая Мя люблю* (Прит. VIII. 17).

Но брегись еще, о дочь благоволения, да не преткнешися в самом приближении к Царю твоему. Взирай с трепетом на славу, которую Он тебе обещает; и помышляй, что ты ничем не можешь заслужить ее, но малейшею неверностию можешь лишиться ея на веки. Поминай последнее наставление невестоводителя Царева: *и поклониися Ему*. Молися непрестанно *Исполняющему во благих желания твоя*, и, когда Он *венчает тебя милостию и щедротами*, ты упадай к стопам Его смирением. *Да покрывается*, по слову блаженного, *да покрывается любящее сердце твое страхом Господним, смиренномудрствующее, да не вознесшееся отпадет от Всецедраго*¹.

Сим верным путем и неуклонным шествием от мира к Богу и от тьмы ко свету – да *приведутся Царю* небесному *девы души наши, христиане, во след приведенныя* ныне во храм преблагословенныя Девы; и да *введутся* некогда в нерукотворенный и вечный храм Царев, Его благодатию, и щедротами, и человеколюбием. Аминь.

1815 год.

XXIX.

16. БЕСЕДА

в Великий пяток.

(Говорена в Александроневской лавре; напечатана отдельно).

*Видите, како праведный погibe,
и никтоже не приемлет сердцем.
Исаии LVII. 1.*

Есть предметы, для которых самое обильное человеческое слово так скудно, как немотствование младенческое, и которые сами о себе говорят более, нежели всякое человеческое слово. Таков, христиане, великий предмет, которым теперь должны быть исполнены наши мысли, сердца и самые чувства.

Чего, впрочем, не сделала с своей стороны Церковь, дабы *глас крове* Христовы, ныне пролиянные, *лучше глаголющая, нежели Авелева*, слышан был в сердцах ваших! Сколько раз открывались ныне пред вами писания пророческия и апостольския, и единое *слово крестное*, посредством разных звуков, искало согласить с собою ваши чувствования! Сколько возглашено пред вами песней, могущих питать сладкую и спасительную печаль, яже по Бозе! От заветной вечери, на которой хлеб и вино преложены в тело и кровь Господню, до вечери крестной, на которой тело и кровь Господня уготованы в брашно и питье духовное; от вертограда Гефсиманскаго, где дух Великаго Страдальца сражался со смертными ужасами, до вертограда Голгофскаго, где плоть Его успокоилась в объятиях гроба; от первого уязвления уст Его лобзанием Иудиним – до последнего уязвления сердца Его сквозь ребро прободенное; от молитвы, которою Он вручал оставляемых и сиротствующих учеников Своих Богу Отцу, до молитвы, которою предал Ему собственный дух, также *оставленный* и сиротствующий; от крепкаго гласа, низложившаго иудейское полчище, до крепчайшаго вопля, потрясшаго землю, – сколько таин страдания, сколько чудес долготерпения показано вам ныне в чистом зеркале слова Божия! Наконец, дабы внушить вам, что совершаемое здесь не есть одно воспоминание прошедшаго, но паче созерцание настоящаго, ибо *Агнец, заколенный от сложения мира* (Апок. XIII. 8), еще закалается и будет закалаться до скончания мира, – Церковь даже чувственно показывает вам плащаницу погребения Иисусова, с видимым изображением невидимаго ныне тела Его, и таким образом всех здесь предстоящих поставляет вместе с Иосифом Аримафейским и Никодимом.

После сего надобно ли служителю слова пролагать иной путь к вашему сердцу, как разве указать только на то, что уже видите в совершаемых ныне тайно действиях, и сказать словами пророка Исаии: *видите, како праведный погibe?*

Но пусть каждый из нас, христиане, войдет теперь в собственное сердце с испытанием: какое участие приемлет оно в неизреченных страданиях Божественнаго Икупителя? Верно ли сопровождали мы Его по всему скорбному Его пути благоговейным созерцанием и умилением? Облагаем ли мы теперь, как Иосиф, крестную наготу Его чистыми помышлениями? Приносим ли Ему, как Никодим, духовное благоухание молитвы? Не так ли токмо притекаем мы ко гробу Его, как гонимыя ветром волны притекают ко берегу и паки утекают? – Может-быть, при таком самоиспытании, недавно произнесенныя слова Исаии совсем иначе отзовутся в душах наших; может-быть, многим из нас Пророк сей представится стоящ между Распятием и нами, в сугубом изумлении с одной стороны о неизреченных страданиях сего Божественнаго Праведника, с другой – о нашем несказанном равнодушии к сим страданиям: *Праведный погibe, и никтоже не приемлет сердцем!*

Итак, может-быть, не излишне будет, если мы углубим несколько наше внимание в сии пророческия слова, дабы хотя обличение законопреступнаго невнимания расположило нас *принимать сердцем страдания и смерть нашего Спасителя.*

Смотрите, взывает дивящийся Пророк; вот зрелище, которому отнюдь не надлежало бы представляться в роде человеческого, и которого никто не должен пройти без внимания, когда оно уже представляется: праведника нет более. *Праведный погиб!*

О чем он говорит? – вопрошали без сомнения Иерусалимляне, услышав Исаиино восклицание, так как, вероятно, и ныне, при повторении слов его, некоторые спросят: о чем он говорит? О кончине ли некоего благочестиваго и добродетельнаго мужа? – так тут еще нет ничего необычайнаго, ибо мы смертны все, как грешные, так и праведные? Или о нечаянной и несчастной смерти праведнаго и невиннаго человека? – но и таковыя случаи не столь редки, чтобы можно было исследывать и оплакать каждый из них, а удивляться им было бы бесполезно. Или, наконец, дело идет о том, что число добрых и благонамеренных людей непрестанно уменьшается? – но жалобы на сие столь давни, что могут служить доказательством одинаковаго с давних времен состояния человеческого: люди – всегда люди; всегда видно в них не столько совершенств, сколько слабостей и недостатков. Так обыкновенно разсуждают сыны века сего, или, лучше, так они осуждают Пророка грозной для них истины прежде, нежели уразумели его. И как разуместь им? Они, как изъясняет тот же Пророк, занимаются множеством собственных дел, которыя непрестанно влагают в их руки суета и роскошь, а для исследования дел провидения Божия не имеют и времени. *С гуслими, и певницами, и тимпаны, и свирельми, вино пьют, на дела же Господня не взирают, и дел руку Его не помышляют* (Исаии V. 12).

Да не будет нам, христиане, толико слепотствовать, или толь лукавое иметь око для дел Господних. Будем взирать на происходящее пред нами не в искусственные стекла, увеличивающия или уменьшающия предметы по требованию наших страстей, но простым оком, да видим всякое событие так, как оно исходит из рук Провидения.

Праведный погиб! взывает Пророк. – Не будем заботливо исследывать, о потере ли одного из великих действователей царствия Божия говорит он, или о мученической кончине многих верных рабов Божиих, или вообще об уменьшении на земли праведных и умножении нечестивых, или точно, как думают некоторые учителя Церкви, о крестной смерти единственнаго под солнцем Праведника Иисуса. Дая словам Исаии самое простое знаменование, мы должны принять оныя с тем же чувствованием необычайности, с каким и произнесены оныя. – Как? *Праведный погиб?* надлежало бы погибнуть грешнику. *Хранит Господь вся любящая Его, и вся грешники потребит* (Пс. CXLIV. 20). *Мужие кровей и льсти не преполовят дней своих* (Пс. LIV. 24). *Рода неправеднаго лютаго окончания* (Прем. II. 19). Како убо *праведный погиб?* Если, по слову самыя Истины, и *един от вrabиев не падет на земли без Отца небеснаго, нам же и власи главнии вси изочтени суть* (Матф. X. 29 и 30) и ни один от них *не погибнет* (Лук. XXI. 18): то может ли Царь неба и земли без внимания уронить драгий камень из собственнаго своего венца, и оставить оный на поприще? А если уже и *праведный погиб*, то что наконец будет с грешниками? – Таковы естественно размышления, которыми, подобно грому, поражает нашу безпечность оная грозная весть, яко *праведный погиб*.

Долго бы конечно естественному разуму искать ключа к разумению сего необычайнаго в царствии Божием явления, в котором вышния силы находятся, повидимому, в споре сами с собою. Слово Божие озаряет светом сию тайну Провидения, и светом столь же ужасным оку грешника, сколько самый мрак, в котором она предстала ему прежде. *Праведный погиб!* вопиет Исаия; *мужие праведнии возьмются!* – Но почто, Пророче Божий, творит

или попускает Господь сие страшное дело? – Пророк отвечает: *от лица зла взялся праведный* (Исаии LVII. 1). Что значит: *от лица зла*? Или от лица зла содеваемого человеками, от которого праведные более иногда страдают в жизни, нежели в смерти, даже мученической; или от лица другого зла, которым правосудный Бог от времени до времени карает и прекращает зло, содеваемое человеками? – *Благоугоден Богу быв*, – так изъясняет Премудрый нечаянную кончину праведника, – *возлюблен бысть, и живой посреде грешных преставлен бысть. Угодна бе Господеву душа его: сего ради потицася от среды лукавствия* (Прем. IV. 10 и 14). – *Аз приложу тя ко отцем твоим*, глаголет сам Бог Иосии царю, *и соберешися во гроб твой в мире, и не узриши очима твоима всех злых, яже имам навести на место сие, и на живущия в нем* (4 Цар. XXII. 20). – Так и каждый раз, когда мы видим, или слышим, яко *взялся праведный*, мы должны видеть перст, или слышать глас Провидения, или обличающего зло *греха*, от которого праведный, как от смертоносной язвы, восхищен к вечному животу, или угрожающего злом *наказания*, от которого был он оградою. *От лица зла взялся праведный*. Бытие праведников между людьми есть тайный глагол Провидения, внятно некогда слышанный Авраамом: *не погублю целого града десятих ради*: как скоро хотя один праведный возьмется, *Господь престаёт глаголя* (Быт. XVIII. 32 и 33), и погибель висит над главами многих. *От лица взялся праведный*.

Есть еще надежда, когда праведный возьмется, и мир чувствует свою потерю. Тогда мир имеет случай лучше узнать людей, *ихже не бе достоин*, устыдить примером их лице зла в нем господствующаго и покаянием отвратить лице зла ему грозящаго. Но что, если окаменелы сердца и не чувствуют страданий невиннаго, и не сокрушаются погибелию праведнаго, и совсем не примечают, до какой безвестной малочисленности *оскуде преподобный* (Пс. XI. 2)? – Сие значит (оскуде), что зло греха всеместно и неисцельно, а потому и зло казни близко и неизбежно. Сие-то истинно гибельное состояние человечества видит Пророк и вопиет с изумлением и ужасом: *праведный погиге, и никтоже не приемлет сердцем!*

Здесь, христиане, дерзнул бы я внести светильник закона Божия и слова пророческаго в смутныя и темныя события наших дней, и, сколько позволяет недалёковидность, исследовать, каков ныне и между нами жребий праведников? Какой суд изрекаем мы на себя и наших современников, когда сами обыкновенно говорим, что наши времена не суть времена святых, что благочестие и нравы отцев наших остались почти без наследников; что бедствия, которыми толь многия невинныя жертвы восхищены от среды лукавствия, не остановили, если только не ускорили, успехов лукавствия, – и говорим о сих печальных явлениях, нас окружающих, с таким участием, как бы о ночных призраках во время дня? Какие наконец виды будущаго скрываются за сим блеском временных благ и чувственных удовольствий, который один мелькает пред нами в настоящем? Но сии разсмотрения удалили бы настоящую беседу от ея меты, к которой она поспешает возвратиться. Пред очами нашими образ Божественнаго Праведника, в присутствии которого все праведные человеки, с их судьбою, скрываются, как звезды при солнце.

Христиане! роде праведных! наследники и подражатели Праведника Иисуса! *Праведный погиге! взялся праведный!* Сей высочайший и единственный Праведник Тот, Ему же имя: *Господь правда наша* (Иерем. XXIII. 6), который есть самая *правда*, по существу своему, и *правда наша*, по благодати нам от Него подаваемой, *Святый святых и святая освящаемых, живой посреде грешных преставлен бысть!* *Краеугольный камень*, на нем же зиждется всякое создание Божие, о нем же и мы *созидаемся в жилище Божие духом, пренебрежен и отвержен зиждущими!* *Сын Божий возлюбленный, о немже благоволи Отец, возненавиден, поруган и умерщвлен сынами человеческими, сынами гнева и погибели!* Если тако чистейший цвет человечества, древо живое и плодоносное сожигается огнем суда Божия, – что же будет с остальным человечеством, с сим древом

бесплодным, прежде прозябения умершим и сухим хврастием? *Аще в сурове древе сия творятся, в сусе что будет?* (Лук. XXIII. 31).

Востани *лежащий во зле* и спящий мир, и виждь, *како праведный погиге: от лица бо зла взяся праведный*. Надлежало бы всему миру быть праведным, якоже *сотвори Бог* первого человека *праваго*; и тогда бы Сын Божий, глава праведных, обитал в человеках, и царствовал во всем мире, открыто и торжественно, и непрестанно проливал бы свет и силы небесныя на землю дотоле, доколе наконец соделал бы ее самым небом. Теперь, поелику мир есть владычество зла, то царство Сына Божия *несть от мира сего* (Иоан. XVIII 36). Посетил было сей Царь правды землю на краткое время, но и в сие краткое время. – *о роде неверный и развращенный!* – жаловался Он: *доколе буду с вами? доколе терплю вам?* (Мат. XVII 17). И не стерпел Он зла, или, лучше, зло не стерпело Его присутствия: и се – *несть zde! Потщася от среды лукавствия! От лица зла взяся праведный!*

Но почто взываю я к миру? Не подумали бы слышашие, что сие до них и не касается? – Нет! Кто бы ты ни был предстоящий здесь, хотя един Бог ведает твои дела; но, поелику слово Божие сказует и о тебе, также как и о всех прочих, яко *прилежит помышление человеку прилежно на злая от юности его* (Быт. VIII. 21); и поелику ты не можешь не примечать, чаще или реже, *исходящих от сердца твоего помышлений злых* (Мат. XV. 19); то реки Богу твоему и ты со мною: и я, Господи, виновен в том, что *взят от земли живот Праведника твоего Иисуса! От лица бо зла взяся праведный*.

Правда, Сын Божий взяся от лица зла для того, чтобы самое зло взять от лица земли. Смерть Иисуса Христа, будучи обличением растлившего весь мир зла, есть также и врачевство противу сего растления: слава Всемогущему, изводящему из глубины крайняго зла высочайшее благо! Праведный погиге, да спасутся грешники: слава Всемилосердому, отверзающему *преизбыточество благодати* тамо, *идеже умножися грех* (Рим. V. 20). Только благодать преизбыточествует не для греха, но для покаяния; и благо не сообщается злу, но произникает сквозь развалины зла *в новой твари*. Врачевство не врачует, заключенное в сосуде, но введенное с своею силою в тело болящего, посредством правильного употребления: подобно сему всеочищающая и всецелебная кровь Христова для необращающегося грешника есть врачевство в сосуде; и всеобъемлющая заслуга Икупителя спасает токмо тех, которые *приемлют сердцем* Его страдания и крестную смерть.

Впрочем, вашей, христиане, собственной совести должно быть предоставлено то, сердечным ли сокрушением более о своих грехах, или более сердечным упованием на заслуги Икупителя – пристойно каждому из вас, по его внутреннему состоянию, принимать страдания и смерть Христову. Одному хладному равнодушию не должно давать здесь места.

О Христе наш, искупивый нас неизчислимою ценою святейших Твоя крови! неужели, подобно ветхому Израилю, и сей новый Твой народ, на нем же наречется имя Твое, будет принадлежать Тебе только именем, и *приближаться к тебе* только *усты своими, сердцем же далече отстоять от Тебе*; и сие тогда, как мы видим Тебя на кресте с отверстыми к нам объятиями, с отверстым для нас сердцем? *Вси пришедшии народи на позор Твоих страданий, сколь ни чужды оные были таин Твоих, видяще бывающая, биюще в перси своя возвращахуся* (Лук. XXIII. 48): мы ли, приснии Тебе суще, отйдем от креста и гроба Твоего, как от бесполезнаго зрелища, с хладным и неумягченным сердцем? Целый мир разделяет с Тобою Твои страдания, и безчувственная тварь их чувствует: ибо *и солнце померче, и земля потрясется и камене распадется*; человек ли не будет иметь сердца, и

останется без чувства, которое самая безчувственная тварь хочет вдохнуть ему? О люте! есть человеки, которых укоряет слово Твое: *одебеле сердце людей сих! Никто же не приемлет сердцем! Еда мы есмы, Господи?* (Исаии VI. 10).

После ужасных страданий распятого Икупителя, нет ничего ужаснее, как безчувствие грешника при сих страданиях. Если страдания или смерть праведных человек, оставляемая без участия и внимания в мире, по судьбам Провидения, бывают грозным предвестием гнева Божия: *коliko, мните, горшия сподобится муки, иже страждущаго Сына Божия дерзновенным небрежением поправый* (Евр. X. 29)? Когда *вольный* и необузданный *грех* отвергает самую *жертву*, за него приносимую, – то, что иное остается ему, *разве страшно некое чаяние суда, и огня ревность поясти хотящаго сопротивныя* (Евр. X. 26 и 27)? Заветная кровь пролита за всех, и за праведников, и за грешников: но ни за кого не пролита напрасно. Течет она по всему миру; и если находит отверстыя для нея сосуды, то-есть, сердца сокрушенныя и верующия, то исполняет их светом и жизнью; встретит преграды? – воспламенится, и огонь суда пояст и тленное тростие и безчувственное камение.

Без сомнения, некоторые помышляют теперь, как бы достойно уготовать сосуды свои для сего живоноснаго источника, текущаго из ребра Спасителя; как бы вернее и Богоугоднее *приятъ сердцем* страдания и смерть Его. Благо им, якоже Иосифу и Никодиму, втайне уготовавшим покоеще для животворящаго тела! Если они желают руководства в своем подвиге, **и**да слышат наставление Апостола: *Христу пострадавиу за ны плотию, и вы в туже мысль вооружитесь: зане пострадавый плотию преста от греха, во еже не ктому человеческим похотем, но воли Божией прочее жити время* (1 Пет. IV. 1 и 2). И паки: *умертвите уды ваша, яже на земли* (Кол. III. 5), то-есть земныя вожеления и страсти.

Не говорите, что *жестoko слово сие*: в горьком слове крестном есть и *манна сокровенная*. *Понеже приобщаетея Христовым страstem*, говорит паки Апостол, *радуйтесь, яко да и в явление славы Его возрадуется веселящися* (1. Пет. IV. 13). *Воскреснет Бог, и расточатся врази Его, а праведницы возвеселятся* (Пс. LXVII. 2 и 4). *Вмале, и вы Его узрите, и возрадуется сердце ваше, и радости вашае никтоже возмет от вас* (Иоан. XVI. 19 и 22). Аминь.

1816 год.

XXX.

17. СЛОВО

**по освящении храма Воскресения Христова, устроеннаго при доме его
сиятельства графа Алексея Кирилловича Разумовскаго.**

(Говорено 30 июля; напечатано отдельно)

и в собр. 1820 и 1821 гг.)

<1816 год>

*Едино просих от Господа, то взыщу: еже
жити ми в дому Господни вся дни живота
моего, зрети ми красоту Господню, и*

Не дивно было бы, еслиб искомое Давидом *единое* было вечное пребывание в доме Отца небесного, ибо *единое* сие очевидно было бы все. Но Давид говорит здесь о благе, которым думает украсить *дни живота своего*; желает утешения *посещать храм Господень*, которое также принадлежит времени. А для времени мало ли чего можно бы *просить от Господа*? Например: долгоденствия, благоденствия, здоровья, богатства. И кто может исчислить желания и помышления, непрестанно исходящая из глубокого источника сердца человеческого? Мало ли чего *искать* имел бы нужду самый Давид? Например: избавления от врагов, побед, мира, счастья семейственного, блага народного, и еще более чего и действительно искал он в молитвах своих – *исторжения души своей от львов* (Пс. XXXIV. 17) невидимых, *избавления от тайных* (Пс. XVIII. 13) грехопадений, *сердца чистаго, духа праваго, радости спасения* (Пс. L. 12 и 14). Но вот его помышления, желания, молитвы, сближаются, соединяются и все сокращаются в едином прощении: *едино просих*. И дабы кто не подумал, что у него единое прошение на один только случай потребы, он присовокупляет, что и в иное время не *взыщет помыслов многих* (Еккл. VII. 30), а всегда того же, что назвал единым: *то взыщу*. И чего же столь прилежно просит и столь ревностно ищет? – *просих, и взыщу, еже жити ми в дому Господни вся дни живота моего, зрети ми красоту Господню, и посещати храм Святый Его*. Ищу, говорит он, и буду искать токмо близости к Богу.

Благословен *даяй молитву молящемуся* (1 Цар. II. 9), и сам же *творяй волю боящихся его* (Пс. CXLIV. 19). Вы стоите ныне, боголюбивые посетители новоявленного дома Божия, вы стоите здесь свидетелями того, как Господь благоволит нисходить к желанию ищущих общения с Ним. Се! *освятил есть селение свое Вышний* (Пс. XLV. 5), и, просившему, осязательно дарует *еже жити в дому Господни, зрети красоту Господню, и посещати храм Святый Его*.

Но войдем несколько далее, по колику возможем, в дух изречения Давидова о близости к Богу. Как, при толикой скудости человеческой и при толиких щедротах Божиих, близость к Богу есть единственное просимое? и как, при всегдашней близости Бога к человеку, близость человека к Богу есть всегдашнее искомое?

Единое просих от Господа, еже жити ми в дому Господни вся дни живота моего, зрети ми красоту Господню, и посещати храм Святый Его. Говоря о едином состоянии приближения к Богу, Пророк различает однако здесь три особенные вида, или степени, сего состояния.

Иное, – *жить в дому Господни*. *Живут* в великом доме и рабы: живут трудом своим и щедротами господина своего; чувствуют благотворное действие близости его к ним, но не видят себя в близости к нему; разве издавеча только *зрят* лице его и совсем не имеют дерзновения *посещать* его в его храминах внутренних.

Иное, – *жить в дому Господнем и зреть красоту Господню*. Видеть внутренния благолепныя храмины дома, предстоять лицу Домовладыки, собственным оком наблюдать манования Его, собственным ухом принимать Его повеления, – есть жребий высшего чина служителей и домочадцев.

Еще иное, – *жить в дому Господни, зрети красоту Господню и посещати храм Святый Его*, или по точной силе изречения Давидова на собственном его священном языке – *утреневать во храме Его*, не коснеть уже в преддвериях, и не ожидать в открытых храминах дома, когда явится Домовладыка, но находить отверстый себе вход в

сокровенное и всегдашнее место Его пребывания, иметь свободу с каждым пробуждением от сна устремляться в тишину присутствия Его, в сладость беседы Его, в тайны советов Его, в причастие благ Его, жить не токмо в близости к Нему, но и в непосредственном общении с Ним, у самого сердца Его, – есть преимущество друзей, присных и детей.

Жить рабом в дому Господнем конечно не есть верх блаженства. *Раб не весть, что творит Господь его* (Иоан. XV. 15). *Работает ли он Господеву?* – работает *со страхом*. *Радует ли Ему?* и – радуется *с трепетом* (Пс. II. 11). Любы совершенная, изгоняющая страх (1 Иоан. IV. 18), еще не его доля. Но и у земных владык не бывает ли рабов, которым лучше быть рабами в доме их, нежели свободными вне его? Не еще ли лучше дом Небесного Владыки, нежели дома земных богов? *Благословите же Господа вси рабы Господни* (Псал. CXXXIII. 1), не токмо *стоящие в храме Господни, но и во дворах*, только во дворах *дому Бога нашего*. О, Господи! восклицает познавший цену сего высокого рабства, я раб Твой, и более и более себя поработаю Тебе, потому что Ты меня измелешь из несчастнейших *рабов греха, не пребывающих в дому* (Иоан. VIII. 34 и 35) Твоем, и даруешь мне благодатную свободу: *аз раб Твой, аз раб Твой, и сын рабыни Твоея: растерзал еси узы моя* (Псал. CXV. 7). Мир не понимает сея свободы, в которой живут рабы Господни в дому Господнем, и потому продолжает носить узы, которых един Господь растерзать может; а дабы уверить себя, что и у него есть своя свобода, непрестанно гремит своими оковами. Напротив живущий в дому Господни в сем-то и находит одно из великих благ сего жительства, что там или не слышен, или по крайней мере тише слышен шум и радостей мира, и сетований его, равно нестройный и мятежный. *Коль многое множество благости Твоея Господи*, вызывает Он, *юже скрыл еси боящимся Тебе, соделал еси уповающим на Тя пред сыны человеческими! скроеши их в тайне лица Твоего от мятежа человеческа, покроеши их в крове от пререкания язык* (Псал. XXX. 20 и 21). Если даже мир, преследуя беглеца своего, поколеблет, так сказать, самую ограду дома Господня, – что может он сделать кроющемуся за нею, как разве побудить его скрываться далее внутрь и таким образом проникать в высшие, чистейшие, блаженнейшие обители? И чего подлинно не *скрыто* в крове Господнем для боящихся Господа! – все, что для блага их может премудрость изобрести, могущество соделать, благодать даровать, – все сие как бы само собою обретается в *тайне лица Его*, то-есть в глубоком сознании умом Его вездесущия и в живом ощущении сердцем Его близости. Ищут ли они просветить тьму *естественного* в поврежденном *человечестве неведения о Боге* (Прем. XIII. 1)? – *лице Его*, в тайне которого живут они сердцем, *просвещается* над их умом, и они спешно *научаются оправданиям Его* (Псал. CXVIII. 135). Оскудевают ли они в силах для правого действия по сим оправданиям? – взирая в присутствие Божие, они уподобляются рабам, которые, увидев стоящего над ними домовладыку, забывают свое утомление и усугубляют свое делание. Так некто дерзает засвидетельствовать пред самим Богом, что сохранил заповеди Его – силою непрестанного хождения пред лицом Его: *сохраних заповеди Твоя и свидения Твоя, яко вси пути мои пред Тобою, Господи* (Псал. CXVIII. 168). Так и сам Бог, приготовляя отца верующих и повелевая ему быть совершенным, не дает ему на то инаго средства или силы, как хождение в присутствии Божиим: *ходи пред лицем Моим, и буди совершен* (Быт. XVII. 1). Потребно ли для приобретения и охранения сего совершенства вести брань с противными силами? – если ближайшее присутствие подобострастного военачальника вливает иногда дух мужества и победы в малодушных дотоле воинов, – колико победоноснее тот дух, который сообщается духу человеческому присутствием и непосредственною близостию Господа сил? Посему-то духовный воин может – иногда и должен – и не смотреть на врага и грозящая опасности, но на вождя взирает непрестанно: *предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть* (Пс. XV. 8). Но как можешь ты, пригвоздив свой взор к одному присутствию Вождя, или отражать нападения, или уклоняться от стрел, или обходить преткновения. – Все найду я в очах Вождя моего: и меч, и щит, и безопасность,

и победу, и мир. *Предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся.*

Пусть предстанет искушение так близко, как предстало некогда Иосифу: кто имеет очи *предзреть Господа пред собою выну*; тот не поколеблется и низложит оное Иосифовым оружием: *како сотворю глагол злый сей, и согрешу пред Богом* (Быт. XXXIX. 9)? Но последовало ли уже и падение? – увы! *мняйся стояти, да блюдется, да не падет!* (1 Кор. X. 12)! – однако поелику *и праведник падает* (Притч. XXIV. 16), дерзнем сказать в утешение падающих: блажен, кто и в падении не повредил очей своих, но, и сокрушенный грехом, еще видит себя пред очами Того, Который *не хочет смерти грешника* (Иезек. XVIII. 32). Ибо может ли долго быть оставлен без помощи младенец, поверженный при ногах матерних? *Еда забудет жена отроча свое, еже не помиловати изчадия чрева своего* (Исаии XIX. 15)? кольми паче любовь Божия, более нежели матерняя, *не забудет* того, кто не отторгается от ея памятования собственным о Боге забвением, но, и низпадши далее своего естественного ничтожества, еще верует предстоять Сущему. Наконец взирает ли самое Вездесущее на предстоящих ему, оком суда? должно ли и *ходящим во свете лица Господня* (Псал. LXXXVIII. 16), по неисповедимым судьбам, проходить сень смертную? *страшно есть, еже впасти в руце Бога живаго* (Евр. X. 31)! – но испытавший хотя отчасти жительство дома Господня и причастившийся благодати присутствия Божия знает, что без сравнения было бы ужаснее бежать от правосудия Господня к неправосудию врагов Божиих. И что же он делает? – взирая во Христе на безконечное милосердие, предается всею силою воли безконечному правосудию, не отрекаясь никаких скорбей, страданий, умерщвлений, но признавая и в них дары небесные. *Да впаду в руце Господни, яко мнози суть щедроты Его зело* (1 Парал. XXI. 13). А таким образом из преданности у него произникает надежда: *аще и пойду посреде сени смертных, не убоюся зла, яко Ты со мною еси* (Псал. XXII. 4). Из скорбей рождаются преизбыточествующия утешения: *по множеству болезней моих в сердце моем, утешения Твоя возвеселиша душу мою* (Псал. XCIII. 19). Из страданий и умерщвлений жизнь и покой: *приидохом сквозе огонь и воду, и извел еси ны в покой* (Псал. LXV. 12).

Таковы суть некоторые виды онаго желаннаго Давидом жительства в дому Господни.

Надлежало бы простерть оные далее, расширить, возвысить и показать вам участь тех, которые не токмо *живут в помощи вышняго и водворяются в крове Бога небеснаго* (Псал. XC. 1), не токмо стоят с возведенными к Нему очами, *яко очи раб в руку господий своих и ожидают, дондеже ущедрит их* (Псал. CXXII. 2), но уже *веселятся радостью с лицом Его* (Псал. XX. 7), которые, протекши определенное им поприще очищения, вступили в высшая и чистейшая стези света; *зрят* не токмо власть и силу Божию, во всем действующую, но и *красоту Господню*, во всем являющуюся; измеряют близость Господа не столько страхом и трепетом, сколько любовью и восхищениями.

Надлежало бы отверсть *храм святой*, оное внутреннейшее святилище Божия на земли присутствия, где Бог открывается ближе, нежели яко владыка или домовладыка; где он благоволит быть познаваем избранными своими, яко чадолюбивейший отец, яко самая любовь, яко совершеннейшее единство; куда они восходят *утренневать* не по деннице сего стихийнаго неба, но по *деннице возсиявающей в сердцах их* (2 Петр. I. 19); где их собственная жизнь скрывается, как луна, и жизнь Христова восходит в них, яко солнце; где внятно слышат они, как Единородный Сын Божий *не стыдится братию нарицати их* (Евр. II. 11); где, как *присным Богу и друзьям своим*, Он *скажет им все, что слышал от Отца своего* (Иоан. XV. 15); где они *откровенным лицом славу Господню взирающе в той же образ преобразуются от славы в славу* (2 Кор. III. 18), и среди святейших церкви вездесущия сами освящаются *в церкви Бога жива, в которых живет Дух Божий* (1 Кор.

III. 16); где они даже и *не просят ниче соже*: ибо, находя все молитвы свои уже исполненными, еще прежде принесения их могут токмо говорить с Первородным: *Отче, хвалу Тебе воздаю, яко услышал мя еси* (Иоан. XI. 41); где наконец им, яко наследникам Божиим (Рим. VIII. 17), усвоится все, так что, *мир ли, или живот, или смерть, или настоящая или будущая, вся их суть* (1 Кор. III. 22).

Но вотще бы слово человеческое усиливалось извлечь и разсыпать по стогнам безценных и безчисленных сокровища дома Господня. Един *Святой Истинный, имеяй ключ Давидов, отверзет* (Апок. III. 7) их достойному, ищущему их по следам Давида.

Между тем уже мы можем усматривать, к наставлению нашему, сколь праведно Давид избрал единым достаточным предметом своих желаний близость к Богу, как область свободы и безопасности, как убежище от суеты и злобы мира, как открытое хранилище вышних сил, как твердыню от нападений, как дверь милосердия, как горнило чистоты, как чертог света, как святилище высочайших таинств, как небо еще на земли и вечность еще во времени.

И кто ж бы не пожелал следовать ему в искании сего *единого на потребу* (Лук. X. 42; Матф. VI. 33), за обретением коего все прилагается?

Взыщу, еже жити ми в дому Господни вся дни живота моего, зрети ми красоту Господню, и посещати храм святой Его. Чего хочет он искать? скажут может-быть. Если Бог вездесущ, то и дом Его везде. Долго ли надобно искать того, чего потерять негде? Те, которые стали бы говорить таким образом, чрез сие самое признались бы, что еще они, как должно, не искали жительства в дому Господнем. Иначе не думали бы обладать оным так безпечно.

Бог вездесущ: но могут ли жить в Его вездесущии те, которые не токмо не ищут близости к Нему, но еслибы могли, то сами повелели бы Ему оставить их: *отступи от нас; путей твоих вести не хотим* (Иова XXI. 14)? – Им возмерено будет избранною ими мерою. *Бог не хотяй беззакония Ты еси, Господи! не преселится к Тебе лукавнуя, ниже пребудут беззаконницы пред очима Твоима. Удаляющиеся от Тебе погибнут* (Псал. V. 5 и 6; LXXII. 27).

Бог вездесущ: но живут ли в Его вездесущии те, которые ни окрест себя, ни в себе ничего не видят и не чувствуют, кроме мира и тварей, в них полагают и весь свой труд и все свое успокоение; наслаждаются приобретенным, как своею собственностью, а не даром Божиим; ищут потребного себе только у тех, которые, подобно им, ничего не имеют собственного, и воспоминают о Боге разве только для роптания пред Ним на свои недостатки? – Нет! не рабы они Божии, но изгнанники дома Господня, которые мнят царствовать в своем заточении.

Бог вездесущ: но живут ли в вездесущии Его и те, которые хотя и познают Его вездесущие, но составляют о нем токмо скоропреходящие и никакого следа в сердце их не оставляющие, мысленные образы; хотя признают Божий промысл, но не хотят усматривать Его непрестанного милования и хранения над самими собою, и вместо того, чтобы *вкушать и видеть, яко благ Господь* (Псал. XXXIII. 9), хотя, кажется, *видят*, но совсем не *вкушают*? – Они суть чуждые зрители дома Божия, которые иногда могут даже показывать другим некоторые внешние чертежи Его, но сами не причащаются внутренних благ Его и не обладают Его сокровищами.

Бог вездесущ, и наипаче здесь во храме *есть имя Его, и очи Его, и сердце Его* (3 Цар. IX. 3): но да не будет сие сказано в оскорбление сего священного места – все ли точно и здесь приступают к престолу вездесущия? Умолчим, как о несущих от сего двора, о тех, которых может приводить сюда лицемерие или нечто сему подобное. Нет ли даже между искренними любителями дома Божия таких, которые во храме рукотворенном, в сем чувственном и осязательном представлении вездесущия, едва-едва обретают нерукотворенный храм Божия присутствия; удерживаются долгу тем самым, что долженствовало бы воскресить их горе; слышат *глаголы* Божии, но не ощущают в них *духа и живота* (Иоан. VI. 63); предстоят при славословиях, но не могут еще с Давидом сказать себе самим: *возстани слава моя, возстани псалтирю и гусли* (Псал. CVII. 3); или, наконец, когда и обретают нечто здесь, не умеют того износить отселе в напутствие себе?

Бог вездесущ, и, по неизреченному своему снисхождению столько приближается ко всем и каждому, что, по изречению Апостола, готов бы дать осязать себя, когда не могут видеть Его и внимать Ему: *да поне осяжут Его и обрящут, яко не далече от единого коегождо нас суща* (Деян. XVII. 27), но, несмотря на сие, многие ли дерзнут исповедать о себе гласом божественной любви: *обретох, егоже возлюбил душа моя; удержал Его, и не оставил его* (Песн. III. 4)?

Итак, истинная близость к Богу должна быть предметом ревностного искания и плодом неослабного подвига. *Взыщите Господа, и утвердитесь: взыщите лица Его выну* (Псал. CIV. 4).

Давид не сказал нам, как он будет искать жительства в дому Господни; но самые слова его: *просих, взыщу*, вразумляют нас, что средствами его были – и нашими должны быть – всегдашняя молитва и постоянное обращение к Богу всем существом своим, мыслию, сердцем, деятельностью.

К Тебе, Господи, воздвигаем души наши (Псал. XXIV. 1). *Тебе рече ныне сердце наше с сердцем возлюбленного Тебе Давида: лица Твоего, Господи, взыщу* (Пс. XXVI. 8). Взыщи Сам ищущих Тебе. Близ еси нам, Господи, паче, нежели мы себе самим. Введи убо нас во святое и страшное, но вкупе и вожделенное, вездесущее Твое, и даждь *еже жити в сем дому Твоем вся дни живота нашего. Отврати очи наши, еже не видети суеты* (Псал. CXVIII. 37): но устрой их *зрети несозданную красоту Твою*. Возбуди нас от смертного сна греховного, и даруй нам *утреневати* Тебе верою и любовью как в часы моления в видимом храме святыни Твоея, так и выну, в невидимом святилище благодатного присутствия Твоего. Аминь.

1817 год.

XXXI.

18. СЛОВО

в великий пяток.

(Говорено в Свято-Троицкой Александроневской Лавре; напечатано отдельно).

<1817 год>

Изыде же вон Иисус, нося терновен венец и багрянну ризу... И глагола им: се человек!
Иоан. XIX. 5.

Евангелие и Церковь провождают ныне нас, христиане, по всему последнему поприщу Великаго Страдальца Гефсиманскаго и Голгофскаго. Где станем мы, чтобы рассмотреть хотя некую часть таин и чудес, которыя целую вечность наполнят удивлением и славою? если еще непроницаемы для нас глубокия тайны Гефсимании, куда допускаются немногие токмо избранные таинники, уже знающие тайну Фавора, Петр, Иаков и Иоанн, но и их бодрственный дух воспящается немощною плотию, и воздвигаемая к молитвенному созерцанию очи тяготеют невольным сном; если еще неприступны для нас высокия чудеса Голгофы, где также возлюбленный токмо ученик и Божественная Матерь, с немногими подражательницами ея примера, могут стоять непоколебимо на колеблющейся земле, и причащаться в одно время любви и страдания, жизни и смерти страждущаго и умирающаго Жизнодавца, и где Иисус, простертый между небом, землею и адом, приступен токмо для тех, которых не привлекает земля, не страшит ад и не отражает небо: – станем в середине между оными великими пределами, там, где страждущий Иисус является и указывается всем желающим видеть его: *изыде вон Иисус, нося терновен венец и багрянну ризу, и глагола* Пилат народу: *се человек!* Воззрим со вниманием на то, что в сем непостижимом Страдальце может разсматривать каждый, кто не смежит упорно своих очей, – на человека страждущаго в Богочеловеке: *се человек!* Воззрим для того, что сей человек должен быть явлен и в каждом из нас: *сие да мудрствуется в вас, еже и во Христе Иисусе* (Фил. II. 5). Воззрим на Него с верою, да не будем принуждены воззреть на Него с отчаянием: *ибо се грядет со облаки, и узрит Его всяко око, и иже Его прободоша, и плач сотворят о Нем вся колена земная* (Апок. I. 7).

Но, прежде нежели последуем далее за оным знаменательным указанием на человека в Иисусе, остановим несколько внимание наше на том, кто, и как находит и дает сие указание.

Лице Иисуса высокое и святое не только по Божеству, но и по человечеству, закрыто было мрачайшими клеветами, когда Он предстал Пилату. Клеветники хотели указать Пилату в Иисусе, возмутителя общественного покоя, противника власти, похитителя имени Сына Божия, – того, кого ни небо, ни земля не могли бы терпеть между людьми. Но и Пилат не в таком был расположении, которое благоприятствовало бы открытию чистой истины. Повидимому он ищет ея; ибо вопрошает о ней: *что есть истина* (Иоан. XVIII. 38)? но или нетерпеливость, или легкомыслие представляют ему вопрос о истине праздным в суде над Истиною, и не позволяют дожидаться на оный ответа. Скоро молчание вопрошаемаго раздражит гордость судии: *мне ли не глаголеши* (Иоан. XIX. 10)? а угроза доносителей: *аще сего пустиши, неси друг Кесарев* (Иоан. 12), отнимет мужество у защитника невинности. Сам Иисус, провидя сие расположение, и не желая расточать сокровищ истины, не удовлетворяет изысканиям Пилата, то пребывая пред ним в молчании, то произнося некие глаголы на том языке таин, котораго внешние и слыша не слышат. Однако истинное и существенное во Иисусе с такою силою просиявало сквозь все многоразличные покровы, наипаче во время Его страдания, что и полуумраченное страстями око еще способно было собрать некоторые лучи света: и судия, не имеющий в его пользу ни одного свидетеля, не удовлетворяемый ответами его самого, преклоняемый своими страстями на сторону его врагов, при всем том ощущает присутствие истины, и, объятый ея силою, спешит из дома к народу провозгласить невинность Иисуса. – О, несчастная коловратность! Пилат оставляет Иисуса, дабы открыть самообретшуюся

истину другим, и теряет ее даже и для себя; заражается и сам духом злобы и ожесточения, возгосподствовавшим в народе, и возвращается мучить того, которого только теперь объявил ни в чем невиновным: *тогда убо Пилат поят Иисуса, и би Его* (Иоан. XIX. 1). Но конечно умножавшиеся страдания более и более открывали в сем Страдальце чистое и святое; конечно, каждая рана, Ему налагаемая, была новым отверстием света, в нем скрывавшагося: ибо вскоре мучитель его паки делается его защитником; и дабы заградить уста клеветникам, вразумить обманутых клеветниками, переменить мнение почти целого народа, не ищет средств убеждения нигде кроме самого лица Иисусова. Вновь провозглашает Его невинность, и, когда ожидают доказательства сея невинности, судия только указывает на обвиняемого: *се человек!* се тот, которого ваши лжесвидетели представляют недостойным жить между людьми! вернейшее о нем свидетельство находится в нем самом. Смотрите и судите! смотрите, в каком Он состоянии, как взирает Он на врагов своих, как приемлет свои страдания. *Се человек!*

Помыслим здесь, христиане, один ли Пилат, язычник и обладаемый страстями судия, мог видеть столько света в лице Иисусовом? – нет! нет! коликократно больший свет, уже просвещенному оку христианскому, должен сиять из человечества Того, *Иже есть сияние славы Бога Отца и образ Ипостаси Его* (Евр. I. 3). Итак, если кто из нас не познает сего света, не последует сему свету, не восприимлет в себя сего света: то сколько бы мы ни уничижали виновных в страдании и смерти Распятого, будет ли нам отраднее в день судный, нежели Пилату и подобным ему? –

Теперь оставим языческий суд и мятеж Иудейский и потщимся христианским оком рассмотреть то, что указывает язычник, и чего не хотят видеть Иудеи.

Се человек! Пилат сказал в сих словах более, нежели сколько сам разумел. Не удивляйтесь. Если и *Саул* некогда был *во пророцех* (1 Цар. XIX. 24) и Каиафа, думая сообщить своим соумышленникам тайну нечестия, открыл тайну благочестия, *яко уне есть, да един умрет за люди* (Иоан. XVIII. 14), и гибельнейшее дело Иудейского народа было служением святейшему делу спасения человеческого: то Владыка судеб также властен был соделать и то, чтобы судия и осудитель Иисуса был Его проповедником, хотя сам не все уразумел, что проповедал, и что разумел, тому не последовал. Судьбы поставили страждущаго Иисуса пред Архиереями, старейшинами и народом, пред Иудеями и язычниками не для того, чтобы умножить преступления, хулы и грехи соблазна; но чтобы показать Иудеям их спасение, и язычникам их чаяние, сколько их взоры то снести могли. Должно было кому-нибудь и проповедать о сем намерении судеб. Но не было тогда ни Иоанна, который бы указал Иисуса, крещаемого кровию, как некогда указал Его, крестившагося водою: *се агнец Божий, взявляй грехи мира* (Иоан. I. 29); ни Петра, который бы исповедал *Христа Сына Бога живаго* (Мат. XVI. 16). Итак слово Божие, не удержимое никакими преградами, или недостатком орудий, как молния сквозь облако, проторглось сквозь омраченную душу и устами человека неправды проповедало человека святыни: *се человек!*

Дабы почерпнуть из сего изречения, повидимому только земнаго, скрывающийся в нем свет чистаго небснаго познания, поучимся, слушатели, ведению человека от мужа, которого в сем наставил сам *человек Христос Иисус* (1 Тим. II. 5), показав ему свое Божественное человечество с небеси и собственным словом удостоверив его в истине сего откровения: *Аз есмь Иисус* (Деян. IX. 5). Апостол Павел в целом мире считает только два человека, из коих одного называет первым, а другого вторым и последним. Он говорит: *первый человек от земли перстен; второй человек Господь с небесе* (1 Кор. XV. 47); *бысть первый человек Адам в душу живу, последний Адам в дух животворящ* (45). Все прочие люди принадлежат к сим двум, как ветви к дереву и корню, или, по точному

изречению самого второго человека Иисуса Христа, как рождие к виноградной лозе: *Аз есмь лоза, вы же рождие* (Иоан. XV. 5).

Где ныне первый человек? – быв отторгнут от Бога преслушанием заповеди, он исторжен из святыя земли райския, повержен на сию землю пораженную проклятием, где сие славное некогда древо тщетно до безчисленности умножает листвие и ветви, непрестанно увядающие, и не может произвести никакого плода в жизнь вечную. Все те, которые по происхождению от первого Адама называются *сынами человеческими* (Псал. IV. 3), по истинному достоинству их деяний и самого естества, в Слове Божием именуются *семенем змия* (Быт. III. 15) древняго, прельстившаго человеков, *древом злым* (Мат. VII. 17), *при корени коего лежит секира* (III. 10) осуждения вечнаго, *плотию*, в которой *не пребывает Дух Божий* (Быт. VI. 3) и *уподобляются скотом несмысленным* (Псал. XLVIII. 13). И где же человек? веки и тысячелетия произвели ли его? общества сложили ли его в один состав? законы начертали ли образ Его? мудрецы вдунули ли ему душу живую? – Если бы род Адамов мог ощутить себя единым общим ощущением, – оно было бы ощущением беспомощнаго Иерусалимскаго разслабленнаго, и весьма естественно изобразилось бы его же словами: *человека неимам* (Иоан. V. 7)!

Но се пришел, наконец, столь долгое время ожидаемый, человек, долженствующий исцелить разслабленнаго или, лучше сказать, от смерти, которая по тому только могла называться жизнью, что была ощущаема, воздвигнуть к истинной жизни, превышающей чаяния и желания разслабленнаго. Явился второй человек, Господь с небесе, дабы первого человека, перстнаго, возвращаемаго *в землю, от нея же взят бысть* (Быт. III. 19), возвести на *новый и живой путь* (Деян. II. 28) возвращения к Богу, *вдунувшему в лице его дыхание жизни* (Быт. II. 7). Произрасла Лоза истинная, долженствующая отпадшее рождие соединить с собою, увядшее прозеленить, дивие удобрить, да будет *в ней, и сотворит плод мног* (Иоан. XV. 5). Бысть последний Адам, который един животворящим духом своим силен проникнуть и, проникнув, разрушить царство смерти, основанное на разрушении первого Адама, *возглавить себе всяческая* (Еф. I. 10) и сочетать конец с началом.

Сей небесный и Божественный человек, в высоком имени Единороднаго Сына Божия и в таинственном имени Богочеловека, представляемый Евангелием нашему верованию и созерцанию, указывается также и в простом имени человека нашему подражанию: *се человек!* и хотя таким образом во всяком состоянии, во всяком действии, во всяком мгновении святейшей жизни Иисусовы мы можем видеть чистейшие образы истиннаго совершенства человеческого, впрочем судьбы особенно указуют Его в то мгновение, когда Он *изшел из дома судии к народу, нося терновен венец и багряну ризу*.

Мгновение великое и подлинно требующее особеннаго указания, дабы оно в сокращенном своем величии не укрылось от нашей непроницательности! Иисус в таком состоянии, в которое приведен волею других; в чуждей одежде; не видно никакого действия Его; не слышно никакого слова Его; Его как бы нет. Что же здесь нам указывается в Нем? – то самое, что Иисус является без воли, без действия, без слова. Сие молчание, которое Он сохраняет между восклицаниями защитника, и между воплями клеветников и хулителей, сей глубокий взор, сквозь смятения человеческия погруженный в судьбы Божии, сии неподвижные члены, так-сказать, почивающие в страданиях, – все сие представляет нам образ человека высочайше терпеливаго, мужественнаго, кроткаго, смиреннаго, никакою всеобщю враждою непобедимаго в любви, непоколебимаго в мире со всеми, человека безстрастнаго, чистаго, святаго, и – чтобы соединить сии черты в одну их объемлющую, – человека совершенно преданнаго Богу.

Сею самую чертою описуется *образ красного добротой паче сынов человеческих* (Псал. XLIV. 3) и во всех Его состояниях. Он сам описует ея и дела свои: *якоже заповеда Мне Отец, тако творю* (Иоан. XIV. 31); и свои глаголы: *яже убо аз глаголю, якоже рече Мне Отец, тако глаголю* (Иоан. XII. 50); и свою волю: *не ищу воли Моея, но воли пославшаго Мя Отца* (Иоан. V. 30). Сею неограниченною преданностию Богу Отцу Иисус подобен сам себе и тогда, когда кровавый пот скрывает большую часть образа Его: *Отче, не Моя воля, но Твоя да будет* (Лук. XXII. 42). Она есть последняя живая черта в лице умирающего на кресте Иисуса: *Отче, в руке Твои предаю дух Мой* (Лук. XXIII. 46). И наконец сия же черта возсияет и на славном лице Иисуса воскресшаго, ибо и тогда, как Ему *дастся всякая власть на небеси и на земли* (Мат. XXVIII. 18), воспроят ли Его о *временах и летах?* – Он не коснется их, как *положенных во власти Отца* (Деян. I. 7); будет ли Он обещать Святого Духа? – Он повелит ожидать Его как *обетования Отца*. (Деян. I. 4).

Се едино из человеческих свойств Иисуса Христа, хотя впрочем оно есть и едино из Божественных Его свойств, указуемое ныне нам для подражания: *се человек! сие да мудрствуется и в нас*.

Христиане! быв ныне призваны Церковию воззреть и мысленным и вместе чувственным оком на образ Иисуса Христа, в жизни и смерти преданного Богу Отцу своему любовью и послушанием, – вспомняем, что когда и сам Он в сем образе предстал Иудеям, ожесточенны чада гнева не пленились добротой красного паче сынов человеческих, но удаляли от себя образ Его и желали потребить Его. Да внемлем прилежно и нашему, в безобразии первого Адама рожденному, сердцу, каким гласом отзывается оно к образу второго Адама, в который мы должны преобразиться. Но говорит ли оно, что в сем образе есть слишком печальные и страшные черты; что оно желало бы носить токмо приятныя и радостныя, а распятие воли предоставить Распятому за нас плотию; что из детской преданности Богу должно исключить Богом утвержденныя права разума и свободы? – Ведайте, что сии, или подобныя сим, чувствования и желания суть хотя тихие и отдаленные отголоски онаго вопля Иерусалимскаго против Иисуса: *возми, возми, распни Его* (Иоан. XIX. 15), – между подражателями и врагами распятого Иисуса нет среднего состояния: *иже несть со мною*, говорит Он, *на мя есть* (Мат. XII. 30). Должно взять один из двух жребиев непременно: или жребий Распятого, или жребий распинателей. Сам Распятый, нашего ради спасения, благодатию своею да дарует всем нам верою *разумети Его, и силу воскресения Его и сообщение страстей Его*, подражанием, *сообразуясь смерти Его* (Фил. III. 10), во умерщвлении воли своея и самопредании в волю Божию, да тако и мы *достигнем в воскресение мертвых*. Аминь.

XXXII.

19. РЕЧЬ

по освящении храма во имя праведныя Елисаветы, устроеннаго при сиротском училище 1812 года, находящемся в ведении Санктпетербургскаго женскаго Патриотическаго Общества.

(Говорена 27 мая; напечатана отдельно).

<1817 год>

Хвалите Господа – юноши и девы, старцы с

юнотами. Да восхвалят имя Господне: яко вознесется имя Того Единого, исповедание Его на земли и на небеси. Пс. CXLVIII. 7–13.

Когда придет наконец сие блаженное время, в которое не только вознесется имя Господне, но и *вознесется имя Того Единого*, и благоговейное *исповедание Его* будет едино на земли и на небеси? Когда единое имя *Единого истинного Бога и егоже послал есть Иисуса Христа* (Иоан. XVII. 3) повсюду соделается и немотствованием детей, и поучением старцев, и песнию дев, и воскликновением юношей? Когда все кумиры деревянные и каменные, наипаче же все идолы сердечные и мысленные, идолы страстей и грехов, сокрушатся от лица Бога живаго, и *исполнится славы Его вся земля* (Пс. LXXI. 19), подобно как все небо ея исполнено?

Доколе полнота сего блаженства, и на земли небесного, еще сокрыта в судьбах Вечного, благо нам, христиане, что хотя отчасти можем предварять сии блаженные события; что есть времена, в которых мы торжественно призываемся *величить Господа* со всею Его Церковию и *возносить имя Его вкупе* (Пс. XXXIII. 4). Есть места, которые не только посвящаются единому Его имени, но и освящаются Им, исполняются силою и славою сего великого имени и таинственно соединяют в себе исповедание Его земное с исповеданием Его небесным.

Се наречется имя Господне и на сем храме. Господь воцарился (Пс. XCII. 1) здесь благодатным своим присутствием; *Он облекся невидимо в сию видимую лепоту*. Кто прошед область телесных чувств, которые могут нас поставить токмо в предвории дома Божия, *вземлется духом веры и вводится во двор внутренний* – в духовное созерцание таин здесь совершающихся, – тот видит и здесь, что видел негде некто из древних созерцателей, – видит *полн славы дом Господень*; видит *место престола* Божия и *место стопы ног* Его, *идеже вселится имя Его*, не токмо на краткие дни рукотворенной храмины, но и *в век* (Иез. XLIII. 5–7).

И потому да не обратится радость настоящего события, – радость без сомнения общая всем здесь собравшим, – да не обратится в похвалу и славу токмо человеческую. Не будем здесь восхвалять сего благодетельного сословия, которое в незабвенные дни общественных бедствий основав свой союз для того, чтобы тем внимательнее и деятельнее *разумевать на нища и убога* (Пс. XL. 2), с щедрым человеколюбием, свойственным любви к отечеству, соединяет смиренное человеколюбие христианское, не стыдясь исходить из чертогов для посещения нищеты под ея нагбенным ветхостию кровом; и, по внушению того же христианского духа, и сию обитель человеколюбия украшает и возвеличивает сим святилищем благочестия. Не будем возносить – вознесенного впрочем – имени порфиноносной матери сирот, коея дух живет в составе сего сословия, и действует в его деяниях. Благодетели христианские конечно и не желают, чтобы мы проповедывали их *шуйце*, что *творит их десница* (Матф. VI. 3), и скудную мзду хвалы земныя ослабляли их право на мзду многую на небеси.

Какой же путь укажем мы чувствованиям сердец, подвигнутых настоящим событием? – Тот самый путь, по которому ныне здесь *вознесется имя Единого*, – путь молитвенного славословия Господу. *Хвалите Господа! Вознесем имя Его вкупе!*

Хвалите Господа вы, которым Он положил в сердце желание устроить сие место хвалы Его и которых благословил совершением сего желания. Не помышляйте, что вы принесли Ему какой-либо дар, в котором бы Он имел нужду; но паче веруйте, что Он даровал вам благодать принести Ему сие служение. Не вы избрали Его помощником и покровителем

ваших человеколюбивых деяний, – Он тайным, но вседержавным своим промыслом избрал и приял вас в орудия своего Божественного человеколюбия. И в какое высокое достоинство приял Он вас за то, что вы забываете ваши в мире достоинства, чтобы посвятить себя на служение убогим, немощным и сирым из уважения к забвенным в мире достоинствам – человека и христианина! Он приял вас в достоинство не токмо ближних, но и благодетелей Единородному Сыну своему. Избрание совершенно, – если только сохранится в ваших сердцах, – и самим Сыном Божиим возведено всему миру в Евангелии: *понеже сотвористе единому сих братий (или сих сестр) моих меньших, мне сотвористе* (Матф. XXV. 40). Итак, прославьте, благодетельствующия на земли, благодетельствующаго с небеси, благодетельствующаго вами, чтобы благодетельствовать вам. *Хвалите Господа!*

Хвалите Господа и вы, под сим благодетельным кровом водворенныя девы. Может-быть, *отец и матери оставили вас*, но тем очевиднее *Господь восприял* (Пс. XXVI. 10) вас. Его судьбы, нам непостижимыя, освятили ваших родителей в жертву отечественных опасностей, – но Его благость подвиглась в сердцах избранных дочерей отечества и даровала вам в чуждых родительскую любовь и попечение. Ваша жизнь обезпечена от нужд, охранена от опасностей, окружена средствами усовершенствования и, – что всего важнее потому, что истинная человеческая жизнь на земли есть путь к Богу – вас научают страху Господню, непорочному хождению в законе Его, приближению к Нему молитвою в вере и любви и, для сего приближения к Невидимому и Непостижимому, видимо вам отверзают здесь при самом жилище вашем *сей дом Божий, и сии врата небесныя* (Быт. XXVIII. 17).

Дети, дети! поспешайте пользоваться средствами приближения к Господу, столь милосердо вам даруемыми. Вы ближе к Нему, нежели думаете. Царствие Божие почти в руках ваших. *Оставьте детей приходить ко Мне*, сказал возлюбленный Спаситель наш, *таковых бо есть царствие Божие* (Марк. X. 14). Но тогда Апостолы возбраняли детям приближаться к Иисусу Христу, а вас ныне призывают и руководствуют к Нему. Возводите к Нему ваши мысли и сердца; прибегайте к Нему и с вашими печальми, и с вашими радостями; *поминайте Его на постелях ваших; на утренних поучайтесь о Нем* (Пс. LXII. 7); и наипаче здесь, в торжественный час общего моления, изливайте пред Ним сердца ваши со всею простотою и искренностию, толико свойственною вашему возрасту и толико любезною Господу, Который и не требует от нас более, как *сердца* (Прит. XXIII. 26), детски Ему преданнаго.

Господи, *совершай хвалу Твою из уст младенцев и ссущих* (Пс. VIII. 3), *открываяй младенцам то, что утаеваешь от премудрых и разумных* (Лук. X. 21), обещавай в последние дни *излить от Духа Твоего на рабы Твоя и на рабыни Твоя* (Иоил. II. 29)! Приими во благодать твою детей приходящих к Тебе во храме сем и отверзи в сердцах их сокровенное царствие Твое. Приявших же от Тебе благодать человеколюбия утверди в подвиге их и сподоби *приятти от исполнения Твоего и благодать возблагодарить* (Иоан. I. 16). Да и девы и матери, и старцы и отроки восхвалят превознесенное имя Твое во веки. Аминь.

XXXIII.

20. СЛОВО

**пред погребением тела генерал-лейтенанта графа Павла Александровича
Строганова.**

(Говорено в Благовещенской церкви Свято-Троицкой Александроневской лавры, в Высочайшем присутствии Его Императорского Величества Благочестивейшаго Государя Императора Александра Павловича и Их Императорских Высочеств Государей Великих князей Цесаревича Константина Павловича и Михаила Павловича, 5 июля; напечатано отдельно и в собр. 1820 и 1821 гг.).

<1817>

*Блажен муж, иже претерпит искушение:
зане искусен быв примет венец жизни. Иак.
I. 12.*

Ты знаешь, к чему теперь сие апостольское слово, если ты слышишь нас, безмолвный предначинатель сего слова; и ты не огорчишься, что, приветствуя тебя в сей последний на земли раз, мы не избрали для тебя другого приветствия, которое казалось бы более торжественным. Ибо лучше ли было бы ублажать тебя славой сих тленных венцов, когда они праздны носятся в воздухе и не достигают уже безсмертной главы; или сих знаков чести возданной заслугам твоим, когда Церковь подвигается в молитвах о том, чтобы ты сподоблен был *почести вышняго звания*; или сих громких имен, когда ты уже не носишь их, восприяв *новое имя, которого здесь никто не знает* (Апок. II. 17)? Довольно ли было бы теперь ублажать тебя воспоминаниями временного счастья, которое и прежде ты ценил токмо по способам творить добро, и которое хотя есть достояние избранных, коим принадлежат и *настоящая и грядущая* (1 Кор. III. 22), однако не есть их отличие, ибо в нем участвуют не редко и те, кои *восприемлют благая в животе своем* (Лук. XVI. 25)? Но что я говорю? Самое воспоминание твоих добродетелей не усладило бы для тебя нашей беседы, когда ты, может-быть, уже яснее нас познаешь, *кто постоит, аще назрит Господь беззакония* (Пс. CXXIX. 3)! Итак, мы приветствуем тебя преимущественно надеждою блаженства, предуставленного тому, кто не яко младенец токмо, питаем был земными благословениями, но паче яко муж, претерпением искушения очищен, укреплен и приуготовлен к венцу небесному. *Блажен муж, иже претерпит искушение: зане искусен быв примет венец жизни.*

Участники сего торжественного сетования! внесем отрадную мысль *о пути к блаженству чрез искушение*, яко светильник во мрак судьбы человеческой вообще, и особенно во мрак предстоящего нам гроба.

Некогда путь блаженства был пространен, как широта страны Едемской, и от начала своего до конца пролегал чрез рай сладости. Но семена запрещенного плода, вкушенного человеками, упали на землю, и путь блаженства зарос тернием и волчцами. Тщетно люди, следуя или темному воспоминанию, или обманчивым вожделениям, старались вновь устроить себе пространные пути: самая широта их, теперь уже неестественная, соделалась признаком того, что они ложны и не могут приводить к цели, – *широкий путь вводяй в пагубу* (Матф. VII. 13).

Поелику пространный путь, как видимый, более и более обольщал странников и привлекал в пагубу, а истинный путь жизни, как сокровенный и даже непроходимый без вышняго руководителя, более и более запустевал и становился совсем неведом; то наконец, по неизреченной благодати небес, чудесно явился на земли «Тот, Который есть» *Путь и Истина и Живот* (Иоан. XIV. 6). Однако и Он не очистил пути к блаженству от терния и волчцев, но предоставил сие тому времени, когда Он паки приидет *очистить* все пространное *гумно Свое* и все *плевы сожещи огнем неугасающим* (Матф. III. 12). Ныне же Он указал нам *тесный путь вводящий в живот* (Матф. VII. 14), и Сам прошел сим путем, *нам оставь образ, да последуем стопам Его* (1 Пет. II. 21).

Есть различные стези и части единого всеобщего пути к блаженству; но всегда вернее узнается он потому, что *тесен*, и требует *подвига* от проходящих по нему. Он лежит, там чрез воды слез: *блажени плачущии* (Матф. V. 4); здесь – чрез пустыню, в которой должно потерять все, чем когда-либо мы думали обладать в самих себе: *блажени нищии духом* (Матф. V. 3); инде – чрез дебри унижения: *блажени изгнани* (Матф. V. 10); *блажени будете, егда возненавидят вас человецы, и егда разлучат вы и поносят* (Лук. VI. 22). Должно иногда воинственною рукою низлагать преграды и напряженнейшими усилиями восходить на высоту совершенства: *царствие небесное нудится* (Матф. XI. 12); иногда преданностию веры повергаться в смертные опасности, чтобы достигнуть спасительного упования на Бога: *иже погубит душу свою, той спасет ю* (Марк. VIII. 35). То, что споспешествует в путях плоти, часто даже препятствует на пути духа, и колесницы мира устрояются большею частию не по размеру *узких врат, вводящих в живот*: так не удобь *уповающим на богатство в царствие Божие внити* (Марк. X. 24). Небесный Путеводитель требует от нас некоторого разлучения с ближайшими нашими спутниками: *приидох*, говорит Он, *разлучити человека на отца своего, и дочь на мать свою; иже любит отца или мать паче Мене, несть Мене достоин: и иже любит сына или дочь паче Мене, несть Мене достоин* (Матф. X. 35 и 37). Чтобы достигнуть в царство всеобъемлющей любви Божией, должно прежде остаться одному сердцем, как тот, кто сказал: *един есмь аз, дондеже преиду* (Пс. CXL 10).

Скажут ли на сие и ныне, как говорили прежде: *кто убо может спасен быти* (Матф. XIX. 25)? И ныне, как прежде, отвечает Подвигоположник спасения: *у человек сие не возможно есть, у Бога же вся возможна* (Матф. XIX. 26). Если человек возмнит сам соделать свое спасение, то, хотя бы ему известны были все средства спасения, скажем не обинуясь, для него невозможно спасение. Но сия невозможность самоспасения, признаваемая смирением и верою, становится возможностью спасения в любви и премудрости Божией: *не возможная у человек возможна суть у Бога* (Лук. XVIII. 27). Человек *не доволен и помыслити что доброе от себе, яко от себе* (2 Кор. III. 5); иногда он *работает умом Богу, но плотию закону греховному* (Рим. VII. 25); или *еже хотети прилежит ему, а еже содеяти доброе не обретает*; или *творит, но не еже хочет доброе* (Рим. VII. 18 и 19). Бог и знает, и может, и хочет, и творит. И зная лучше нас, чего мы требуем, Он не редко ведет нас, куда не знаем; и желая нам блага более, нежели мы самим себе, Он не редко творит с нами, чего не желаем. *Храняй младенцы духа Господь* (Пс. CXIV. 5), и *заповесть Ангелом своим, да на руках возмут* (Пс. XC. 12) их; питает их *млеко утешений* и, как только *расширяют уста свои*, Он *исполняет я* (Пс. XXX. 11). Зрит *врагов наших, сильных, и ненавидящих нас утверждающихся паче нас, и предваряет нас в день озлобления нашего, и изводит на широту* (Пс. XVII. 18–20). Но когда видит нас способными вступить в училище высокого Божественного воспитания, или на самое поприще духовных подвигов, тогда *егоже любит Господь, наказует; бьет же всякого сына, егоже приемлет* (Евр. XII 6); тогда крест и искушение предлагается нам непременно, и от времени «до времени» обильнее, как *твердая пища совершенных* (Евр. V. 14). Скорби, лишения, болезни, события внезапные и поражающие нас посещают, как наставники в уроченные часы, и поучают нас в силе и существе самоотвержению, презрению мира, безстрастию, преданности в волю Божию – знаниям неведомым в мире, кроме их имени. Мы проводимся *сквозе огонь и воду*, да будем белы, яко снег, и чисты, яко злато; *да искушение наша веры многочестнейше злата гибнуща, огнем же искушена, обрящется в похвалу и честь и славу, во откровении Иисус Христове* (1 Пет. I. 7).

Кто еще *не мыслит яже суть Божия*, пусть судит хотя токмо по человечески, или слагает буквы стихийной природы, и читает хотя в окаменелых и раздробленных скрижалях, единый всюду закон духовный. Какая земля благословеннее? – та ли, которая хотя под благотворным небом, но без возделывающего если не лежит в запустении, то производит

только дикое бытие или служит пажитию безсловесным; или та, которая, будучи раздираема ралом и утруждаема питанием вверенного ей семени, приносит наконец жатву, питающую человека? Какое древо любезнее вертоградарю? – не то ли, которое более страдает для вертоградаря? Какая вода неповрежденнее сохраняет естество свое? – не та ли, которая менее покоится и более стонет, будучи гонима судьбою, изреченною ей в законе тяжести, и сокрушаема о камни? Какая сила более возрастает и укрепляется? – не та ли, которая более находится в борьбе с трудом и утомлением? Что более возвышает и совершенствует добродетель? – благополучие ли, которое большую часть сил ее приводит в покой, или бедствие, которое поставляет ее на поприще, ее достойное, и вводит в подвиг, ей свойственный? Кто не мужествен, когда нет брани? Кто не великодушен, когда не о чем сетовать? Внезапно является враг, и воздремавшее мужество едва находит свое оружие. Постигает скорбь, и мечтательная твердость духа, как утлое древо, сокрушается. Испытание, посылаемое Провидением, есть соль земного счастья; в избытке своем она уязвляет вкус, но без нея в том, что услаждало вкус, осталась бы одна гнилость и смрад. Так бывает в порядке естественном, так и в духовном. *Отнимите искушения, и не будет спасаемых*, сказал один из тех, которых испытание соделало искусными.

Не удивимся же и тому, что знающий цену даров Божиих, как бы пренебрегая благодеянием, просит себе дара быть испытуемым: *искуси мя, Боже* (Псал. СXXXVIII. 23); паче же и сами последуем совету и увещанию Апостола: *всяку радость имейте братия моя, егда в испытания впадаете различна* (Иак. I. 2).

Но если и вступать на путь испытания должно с радостью, – кольми паче справедливо ублажать тех, которые уже прешли его, достигли своего предела с терпением и потому починут в мире и во уповании венца жизни? *Блажен муж, иже претерпит испытание: зане искусен быв примет венец жизни*.

Напрасно, и в жизни и в смерти ближних наших, мы преимущественно любим смотреть на их счастье, которое и, блистая, ослепляет нас и, скрываясь, оставляет во мраке. Еслибы мы более взирали на испытания, коими Бог очищает их и совершает в жизнь вечную: мы бы во всяком случае могли почерпать «отсюда» и наставление, и утешение. В сем расположении дерзнем простерть гадательный взор в тайну жизни, запечатленной в сем гробе, доколе *не отверзется великая книга жизни* (Апок. XX. 12).

Отрасль рода благословенного и служением Отечеству и благодарностию Отечества, счастливый сын счастливого родителя, радостный отец достойного сына, верный и украшенный доверенностию сперва в высоком доме царевом, а потом в просторном доме царства, гражданин стяжавший славу воина, воин, которому не время принесло звания и почести, но который восхитил их неутомимостию в подвигах, наконец муж по сердцу владычествующего сердцами Россиян, – в таких наиболее чертах являлся очам света в течении жизни своей знаменитый боярин и вождь граф Павел. Где ты ныне, светлый вид счастья и славы? и что миру осталось от тебя, разве горькое утешение воспоминания о том, что возвращено быть не может?

Но зрите посреди украшенных цветами путей человеческих сокровенные следы пути Божия, покрытого священным тернием. Бог *даровал* рабу своему, да скажем словами Апостола, *не только еже веровати, но и еже страдати* (Фил. I. 29). Собственною рукою, как и большею частию бывает, из невидимаго хранилища судеб извлек он таинственный жребий, не ведая, что это будет жребий испытания. Благовременно для отечества, но неблагоприятно для него самого, ревность к подвигам исторгла его из спокойной, впрочем довольно уже деятельной, жизни гражданской; он взял долго покоившийся меч свой, и, поспешая им поражать врагов, неприметно усекал собственные дни; по

необозримым полям брани, с которых собрал венцы побед, невозвратно расточил свою крепость и здоровье. Между тем пламень, наполнявший сердце отца, объял и сердце единственного сына его, который хотел наследовать прежде всего живой пример отеческих добродетелей. Казалось, будто предугадывал благополучный дотоле родитель страшное определение судеб, когда с тем токмо согласился видеть сына своего воином, чтобы никогда не видеть его под своими знаменами. Но *яже Бог святой советца, кто раззорит, и руку Его высокую кто отворотит* (Исаии XIV. 27). Суждено было – мы не знаем закона, но видим действие сего вышнего суда – суждено было, чтобы, как некогда корень сего знаменитого рода истрыен был неистовством зловерных утеснителей России, так ныне высшая отрасль его сокрушена была бурей, воздвигнутою безверными губителями Европы; чтобы, как благословенный начаток сей благородной крови принесен был в жертву вере, так чистейший останок ея пролит был за отечество; чтобы муж, сподобленный дара *не токмо веровати, но и страдати*, по мере сего дара, поучился высокому чину жертвоприношения Авраамова. И се бранный вихрь, вопреки человеческой заповеди, приносит юнаго ратоборца под знамена родителя, и приносит токмо для того, чтобы он пал под знаменами родителя! Какое искушение веры и терпения – видеть смерть сына, и даже не оплакивать его; видеть смерть достойного сына и проститься с приятнейшими надеждами; видеть смерть единственного сына, и вдруг пережить свое потомство! Однако никакое малодушие, никакой ропот на судьбу, не возмутили жертвоприношения по чину Авраамову, и сиротствующий отец, с преданностью воле Того, *из Негоже всяко отечество на небесех и на земли именуется* (Еф. III. 15), возвратился в дом, чтобы делить печаль и утешение с верною супругою, и чтобы приведением в порядок обширного своего домостроительства как бы приготовить Вышнему Домовладыке последний *ответ о приставлении домовнем* (Лук. XVI. 2). Здесь новый плод искушения веры его явился в том, что он многого лишил себя самого, дабы не сократить руки своей для тех, которые благоденствовали посредством непрерывных его благотворений.

Но путь искушения его, по судьбам Божиим, не иначе долженствовал окончиться, как вместе с его жизнью. Болезнь, порожденная трудами и, может-быть, возвращенная печалию, была орудием Провидения, колико тяжким для плоти, толико же без сомнения спасительным для духа. Ей поручено было не токмо ежедневно воспоминать сыну времени о вечности, но даже некоторым видимым образом расторгнуть все узы, привязывавшие его к миру, и еще во плоти отделить его дух от всего земного, чтобы приуготовить к соединению с Богом, не терпящему никакого посредства или чуждаго влечения. По внушениям сей, впрочем еще не довольно понимаемой, наставницы, он оставляет дом и отечество. *Крепкая, яко смерть, любовь* увлекает за ним его супругу; но вскоре, истиннее почувствовав свое состояние, он укрепляет дух свой христианскими таинствами и, чтобы освободить себя и ее от тягостного состояния – непрестанно умирать в ее глазах, переносит тягостное же состояние – оставить ее, так сказать, кораблекрушением надежды повержену на брег иноплеменный⁶. Тогда равнодушно сходит он в море, как бы взывая с Давидом: *един есмь аз дондеже преиду*; и прешед не более двух дневных поприщ, подкрепясь новым напутствием духовным, тихо входит в покой свой.

Что помыслим мы, христиане, взирая на сей путь Провидения, столь мало сходный с чертежами нашего легкомысленного разума, но столь же, без сомнения, правый и благий, яко начертанный и указанный Премудрым Отцем! *Повинемся Отцу духовом* (Евр. XII. 9), как повинулся Ему единый от сынов Его, к Нему нами провождаемый, *и живи будем, как и ему и молим и чаем венца жизни*.

Повинитесь Отцу духов и вы, которых, может-быть, сие самое событие поставляет на новый путь искушения. Пути искушения выходят один из другаго; но также не оскудеют и венцы жизни, если терпеливо пойдем до предела искушения.

И ты, супруга и мать, сугубо сиротствующая! в каком бы уединении ни скрывала тебя твоя печаль, но ты услышишь глас Церкви, простираемый к тебе в вере и любви: *повинися Отцу духов* и проходи еще продолжающийся для тебя путь *искушения*, взирая на *венцы жизни*. *Верен же Бог, иже не оставит искушиться паче, еже можеша* (1 Кор. X. 13).

Отче духов и Боже всякия плоти! *приими* дух раба Твоего боярина и вождя графа Павла, *яко всеплодие жертвенное*; зане *искусил* еси его *яко злато в горниле* (Прем. III. 6). Сподоби его блаженства претерпевших искушение и подаждь ему *венцы жизни вечныя*. Посли сетующим о нем духа утешения Твоего. *Ты бо еси Отец щедрот и Бог всякия утехи, утешаяй нас о всякой скорби нашей* (2 Кор. I. 3 и 4). Аминь.

1818 год.

XXXIV.

21. СЛОВО

пред приведением к присяге Санктпетербургскаго дворянства и граждан для избрания судей.

(Говорено в Казанском соборе, января 20 дня 1818 года, Филаретом, епископом Ревельским, викарием Санктпетербургским; напечатано отдельно).

<1818 год>

И рече судиям: видите, что вы творите, не человеческий бо вы суд творите, но Господень, и той с вами в словеси суда. И ныне да будет страх Господень на вас.
2 Пар. XIX. 6 и 7.

Судиям говорил сие благочестивый царь: не сие ли сказал бы он еще прежде избирателям судей, еслибы не сам совершил дело избрания, а вверил бы оное вельможам и гражданам? Избирателям судей не так же ли нужно знать и чувствовать важность суда, как и самым судиям? Собрание судей есть сеяние того, что должно принести плод в суде; а суд есть жатва того, что посеяно в избрании: можно ли надеяться доброй жатвы после худаго сеяния и может ли быть доброе сеяние, когда сеятель не думает о том, что сеет? Сеятели правды и мира! не посеять бы вам неправды и раздора, клеветы и мздоимства? — Благородные мужи и граждане, облакаемые ныне в сан избирателей и таким образом поставляемые судьями будущих судей! готовясь произнести торжественную клятву в верности сего чрезвычайнаго служения вашего престолу и отечеству, рассмотрите прежде внимательно, какое важное дело предлежит вам. *Видите, что вы творите.*

Разсматриватели невнимательные видят в деле суда только человеческое дело. Не все видят они здесь, что можно и должно видеть. Но если даже смотреть только их очами, то и тогда не трудно усмотреть, что устройство суда чрез избрание блюстителей общественного порядка и правосудия есть одно из важнейших дел человеческих. От него

много зависит благо или зло многих людей, благоустройство или нестроение общества, совершенство, или несовершенство союза между главою и телом, то-есть между государем и государством.

Суд есть ограда собственности и личной безопасности, а судия есть страж сея ограды. Без суда всякая земля была бы, подобно как некогда земля Ханаанская, *землю поядающую живущия на ней* (Чис. XIII. 33); не было бы другой собственности, кроме добычи хищника, до которой не достигла еще рука другого хищника; не было бы другой безопасности, кроме безопасности вооруженного и бодрствующего воина, или безопасности сильного притеснителя, доколе он не встретился с сильнейшим. Суд, будучи хранилищем права собственности для каждого, делает то, что и присвоенная хищником собственность еще не потеряна для обладателя; а чрез сие обеспечивает обладание и тою, которая могла быть похищена. Будучи убежищем обиженных или притесненных, отражающим и поражающим притеснителей, он ограждает чрез сие безопасность и тех, которые могли быть обижены или притеснены. Но что есть и крепкая ограда, если страж ее ненадежен? Что есть и укрепленный законами суд, если в нем действует недостойный судия? Правда, закон поставлен не только для подсудимых, но и для судии, дабы вразумлял его и управлял им; но мудрость и справедливость закона суть заключенныя сокровища, если не отверзутся мудростию и справедливостию судии. Закон подчинен необходимости и не может подвигнуться, чтобы удержать при себе судию; но судия свободен и может уклониться от закона. Как искусный ловец, и хитрых зверей уловляет, и поражает сильных, и приводит в безопасность кроткое стадо: так искусный судия, простирая мудрую сеть законного изыскания и действуя силою законов, и уловляет коварных, и низлагает дерзких преступников, и приводит в безопасность добрых граждан; а у неискusstного или невинные увязают в сети простираемой для виновных, или виновные расторгают ее. Судия справедливый, изъясняя закон совестию, делает добро и невинному, которого оправдывает, и виновному, которого осуждает, пресекая для одного зло, которое он претерпевал, в другом – еще более существенное зло, которое он делал: а судия несправедливый бедственнейшим образом умножает зло, которое должен был истреблять, или хотя уменьшать, ибо самый суд наполняет тем, чему не должен был оставлять места и за оградю суда; делает незаглаженные обиды и ненаказанные преступления как бы безконечными; превращает самый закон в орудие беззакония, добычу хищника в законную собственность, обиды притеснителя в поступки справедливые, – и чрез то приводит добрых в уныние, малодушных в отчаяние, а посползновенных в искушение – искать счастья злодеев. Сии виды суда, светлые, или мрачные, по качеству судии в нем действующаго, предварительно должны быть пред очами каждого, участвующаго в избрании судей. *Видите, что вы творите.* Вы поставляете стражу к собственности и безопасности каждого, а следственно и к вашей собственности и безопасности.

Не ограничиваясь благом частных людей, которое и не может быть без общаго, суд есть также орудие общественного благоустройства и благосостояния. Общество, будучи единым многочленовным телом, отличается от тел естественных тем, что его состав образуется и сохраняется не столько силою необходимости естественной, сколько силою разума и свободы. И если тело человеческое, управляемое необходимостью природы, для благосостояния своего, имеет нужду в суде, который бы определял членам его род и меру деятельности и покоя, содержал общия и частныя его требования в пределах справедливости и пользы, наблюдал за его здоровьем и, открывая болезни его, употреблял врачевства, или совсем отделял чуждое для жизни целаго: кольми паче искусственное тело общества человеческого для своего благоустройства и благосостояния непрестанно требует суда, который бы определял и содержал в равновесии определенные права и обязанности его членов, так чтобы обязанности не стесняли прав, и права не разрушали обязанностей; способствовал бы удовлетворению потребностей общества, неразлучных с

его бытием, и пользам его членов, не нарушающим блага общественного; употреблял бы награды и наказания не как принадлежности токмо частного правосудия, но и как средства, предохранительныя для общественного здоровья, которое состоит в господствующей любви к порядку и добродетели, и врачebныя для общественных болезней, которыя суть господствующия склонности к порокам. Из сего видно, что судия, как блюститель общественного порядка, должен объимать и проникать мыслию весь состав общества; должен постигать единство сего многочисленного тела в самом основании онаго, и потребности его во всем их разнообразии, дабы мог быть надежным охранителем его жизни и врачом его болезней. Если мы осмотpительны бываем в избрании врача и для легкой болезни, даже малейшаго из членов нашего тела, – кака́я осмотpительность потребна вам, избиратели, в избрании врача, которому более или менее вверится здравие и жизнь великаго тела общества. *Видите, что вы творите.*

Орудие благосостояния для целаго тела общества и членов его есть особенным образом орудие верховной власти, которая есть глава и сердце сего тела. И все члены тела соединены со главою и покорены ей; но не важнейшие ли между прочими те, которые, покорствуя ей, способствуют ея благотворному владычеству над прочими? Все они почерпают силу жизни от источника сердца; но не важнейшие ли те, которые, будучи ближайшими приемниками ея, должны распространять ее по всему составу? Судия есть око верховной власти, дабы назирать благосостояние всего тела государства и каждаго из членов его; ея мышца, дабы приводить их в правильное движение; ея рука, дабы простира́ть ее для охранения их; он есть приемник и сопроводитель животворной силы, текущей от сердца во все тело государства, – любви государя к подданным. Но какой будет союз главы или сердца с целым составом тела – верховной власти с обществом, если тусклое или померкшее око не будет представлять главе ни состояния, в котором находятся члены, ни опасностей, которыя им угрожают? – если разслабленная мышца не будет подымать тяжести членов, которые чрез нее должны быть приводимы в движение, или будет производить только беспорядочныя содрогания? – если рука, по воле главы долженствующая покрывать и охранять члены, будет их обнажать или терзать? – если орудия мудрости и благодати государя будут преграждать их благотворныя влияния, а не распространять по всему составу государства? Вам, избиратели, предлежит, посредством избрания, представить достойныя орудия верховной власти, представив ей таковыми еще прежде самих себя, в самом избрании; ваше дело долженствует если не укрепить уже теснейший союз государя с государством, по крайней мере способствовать к сохранению его совершенным и ненарушимым, – союз, всегда вожделенный, но тем более драгоценный в нашем отечестве, чем очевиднее основывается он на любви и украшается доверенностию государя к подданным, как свидетельствует самое право избрания, вам дарованное; ибо не любовь ли побуждает самодержавную власть оставлять подданным столько свободы и, так сказать, независимости, что они могут сами себе давать управление? Не доверенность ли изъясляется в том, что самодержавная власть из рук подданных приемлет орудия своего действия на подданных? Вам, избиратели, предлежит оправдать сию высокую доверенность, не огорчить сию державную любовь. *Видите, что вы творите.*

Доселе мы открыли некоторыя, человеческия только, виды суда и его только земное устройство. Но есть и в земном суде, как и во всем земном, нечто небесное; или, по изречению благочестиваго царя, суд не есть просто человеческое дело, но дело Божие, при коем Бог неотступно присутствует. *Не человеческий вы суд творите, но Господень, и Той с вами в словеси суда.*

Божественное и в человеческом суде усматривается из происхождения суда. В начале Бог непосредственно был царем и законодателем человека; дал ему право обладания всею

землею; положил предел сего права и закон воспретительный, в древе познания добра и зла. Сделано первое на земле преступление, и Бог явился первым на земле судиею. Сам изыскал и преступников и преступление: *где еси? – что сие сотворила еси?* Сам произнес определение суда на искусителя и прельщенных: *проклят ты; – умножая умножу печали твою; – проклята земля в делех твоих*, и пр. Сам Бог также произвел суд над первым человекоубийством и против непризнающего преступника поставил свидетелями пролианную кровь и свое всеведение: *глас крове брата твоего вопиет ко мне от земли*. Бог непосредственно судил растленный первый мир и определил ему казнь потопа; судил гордых Вавилонян и наказал смешением языков; развращенных Содомлян и, яко прозорливый врач душ и телес, целые грады их, как неисцельные и заразительные струпы на лице земли, выжег огнем и жупелом. Поелику виновные уклонялись от его суда, Он приносил его иногда, так-сказать, на место преступления. *Сниде Господь видети град и столп* (Быт. XI. 5) Вавилонский и когда умножился к Нему вопль беззаконий Содомских и Гоморрских: *сошед*, сказал Он, *узрю, аще по воплю их грядущему ко мне совершаются* (Быт. XVIII. 21). Когда все народы забыли истинного Бога и суд Его: сей суд открывался еще во Израиле, то чрез вождей и судей, воздвигаемых самим Богом, то чрез Пророков, Им посылаемых, то чрез Царей, Им освящаемых. Дело Божие не может быть разрушено; потому и дело суда, переходя от избранных Божиих к избранным человеками судиям, не теряет и в их руках своей Божественной важности. Так Моисей велел народу избрать судей; но избранным сказал, что *суд Божий есть* (Втор. I. 17). Иосафат поставил их сам, но также сказал им: *не человеческий вы суд творите, но Господень*. Но Бог не может оставить своего дела; следственно во всяком суде, который Его есть, Он и присутствует и действует. *И той с вами в словеси суда*.

Почему, спросят, может-быть, Господь столь особенным образом усвоил себе и обыкновенный человеческий суд? – Потому, что Он столь же особенным образом усвоил себе человека, так что нет ни власти, ни любви, которой бы человек столько принадлежал, как власти и любви Божией; и также потому, что нет никого, кому бы совершенно могло быть отдано сие дело. Судии земные требуют свидетеля, защитника, закона; и весьма часто недостает у них или свидетеля, или защитника, или закона; виновные не приносят своих преступлений пред очи их; невинные приходят к ним с своею невинностию, но она также невидима; кто нашел неподвижную точку равновесия между ревностию по правде и милосердием к виновному? Но Бог, и един Бог сам для себя есть все. И потому един всеразрешающий закон суда – премудрость Божия; един свидетель верный и истинный – всеведение Божие; един непременный ходатай – милосердие Божие; един судия всей земли – вечное и всемогущее правосудие Божие. Итак по необходимости Господь с судиями в словеси суда: блаженны судии, если и они с Господом в словеси суда!

Видите ли, наконец, что вы творите, избирающие судей и устрояющие суд. Вы уготовляете орудия самому Богу; для Него устрояете вы святилище. И понеже устройство суда, также как и самый суд, Его есть, то и вы сами становитесь орудиями Его; ваше сословие сонм Господень есть; Господь с вами в словеси избрания, подобно как и в словеси суда. Зрите, имеющие очи видети, зрите сего вездесущаго Судию, невидимо стоящаго в сонме сильных земли, судящаго судей и избирающаго или отвергающаго избирателей. *Бог ста в сонме богов: посреде же боги разсудит* (Пс. LXXXI. 1). Он услышит не токмо каждое несправедное слово, но и несправедное молчание; не утаится от Него ни беззаконное искание, ни своекорыстное уклонение; безпечной недеятельности Он также не оправдает, как и своевольной деятельности. И если восхощет обличить – кто станет против обличения Его? Если же и умолчит, – кто снесет тяжесть гнева Его, когда она возрастет вместе с продолжением попущения, и грехи недостойнаго судии возвернутся и на главу пристрастнаго избирателя.

Спасайтесь, устроители земного суда, от сего страха суда небесного, и да будет спасителем вашим сей самый страх. *И ныне да будет страх Господень на вас.* Он есть *начало премудрости* и поможет вам усмотреть истину; он *чист* и сохранит вас от неправды, и как вас соделает чистыми орудиями Промысла, так и вами устроит чистыя орудия священного дела суда.

С сим страхом и верою произнесите ныне обет верности в избрании достойных блюстителей частного и общественного блага.

Бог же, *даяй царице суд свой и правду свою сыну цареву*, да не отымет от сынов царствия Российскаго правды своя и милости своя во веки, ибо *Господь правда наша* (Иер. XXXIII. 16). Аминь.

1820 год.

XXXV.

22. СЛОВО

**по освящении соборнаго Христо-Рождественскаго храма, воздвигнутаго
тщанием ея превосходительства Агафоклии Александровны Полторацкой.**

(Говорено архиепископом Тверским Филаретом в Тверском Рождественском монастыре, 18 июля;
напечатано в собр. 1820 и 1821 гг.).

<1820 год>

*Слава же Господня вниде в храм, по пути
врат зрящих на восток. И взя мя дух, и введе
мя во двор внутренний: и се исполнь славы
дом Господень. И страх, и се глас от храма
глаголющаго ко мне, и муж стояше близ
мене, и рече ко мне: сыне человек, видел ли
еси место престола Моего, и место стопы
ног Моих, идеже вселится имя Мое среде
дому Израилева в век? Иез. XLIII. 4, 5, 6 и 7.*

Сии слова суть часть повествования, в котором пророк Иезекииль описывает великое видение храма. Для лучшего внимания, представим главнейшия обстоятельства видения и повторим содержание прочитанных теперь слов. Храм Иерусалимский, разрушенный Вавилонянами, лежал в развалинах. Пророк был в плену Вавилонском. Однажды, по собственному его выражению, *была на нем рука Господня*, и он в Божественном видении приведен на землю Израилеву. Здесь, на горе, представляется ему как бы здание города и храма. Является некто и измеряет храм во всех его частях. За сею частию видения, в которой показан Пророку план и долженствующее последовать создание новаго храма, следует другая, в которой представлено ему освящение храма. Пророк выведен из него восточными вратами, и теми же вратами входит в него слава Господня. По сем Дух опять берет пророка во храм, и он видит, что полн *славы дом Господень*. Наконец, к довершению видения и для изъяснения виденнаго, слышится из храма глас, и сам Господь храма говорит Пророку: *сын человеческий! видел ли еси место престола Моего?*

Не трудно усмотреть, что совершившееся ныне во храме сем имеет сходство с сим пророческим видением. Сходство может-быть, не случайное. Вероятно, Богомудрые чиноположители Церковные, дабы внушить нам, что освящение храма точно есть дело Божественное, в чине освящения сего подражали чину Божественного видения Иезекиилева. После того, как вместо измерения всех частей храма, мы знаменали все части его святым крестом, который есть всеобщая мера всего здания церкви Христовой, – после того, как дух тайнодействия вывел нас из храма, – провозглашено *шествие Царя славы*, и слава Господня, слава Иисуса распятого, яко на Херувимской колеснице, почивающая невидимо на священных останках пострадавших за Него мучеников, действительно вошла во храм, только *не по пути врат зрящих на восток*, но путем врат ведущих к востоку, ибо Церковь Новозаветная уже не ожидает посещения Востока с высоты, как ожидала Ветхозаветная, но паче сама шествует к Востоку высоты, по следам *возшедшаго на небо небесе на востоки* (Псал. LXVII. 34), к новому высочайшему откровению славы Его. Итак, теперь еслибы кто имел очи Иезекиилены, тот без сомнения и здесь увидел бы *полн славы дом Господень*.

Вообрази же, зритель сего новоявленного дома Господня, что Господь наполняющий теперь сие место Своею Божественною славою, и тебя, как Иезекииля, вопрошает: *сыне человек, видел ли еси место престола Моего?* Но для чего я сказал: вообрази? Как будто мы заставляем тебя воображать то, чего нет действительно. Не по произволу нашему истязуем тебя сим вопрошением: мы приближаемся к тебе только для того, чтобы сделать оное для тебя более вразумительным; *глас* сей исходит из храма, из самой внутренности его, из самой сущности его. Если чин освящения не есть цепь праздных обрядов, но тайнодействие одушевленное Духом Господним; если храм Божий не то, что здание художника, но Дух Господень воистину дышет здесь и тебе, присутствие Божие воистину глаголет и тебе: *сыне человек, видел ли еси место престола Моего?*

Для чего сие вопрошается? спросит кто-либо взаимно. Ответствую: вопрос, предложенный Богом Пророку, не мог и не может быть бесполезен. Углубим внимание и почерпнем наставление.

Дело состоит в том, чтобы каждый тщательно и безпристрастно испытал самого себя, видит ли он духом и ощущает ли, как должно, во храме Божиим присутствие славы Божией.

Не сказал бы кто на сие, что в таком испытании совсем нет нужды, потому что слава Божия невидима и непостижима. Не знаю, находил ли кто сию мысль в уме своем: но приметно, что она лежит у сердца многих, как мягкое возглавие, на котором они дремлют во храмах, пребывая в них без внимания и чувствования и не сокрушаясь о своей разсеянности и безчувствии. Испытаем, нельзя ли пробудить их ясным светом сей самой славы, которую они почитают совершенно невидимою. Посмотрите, сколь видима она в скинии Моисеевой и в храме Соломоновом. *И сконча Моисей*, говорит книга Исхода, *вся дела. И покры облак скинию свидения, и славы Господни исполнися скиния. И не можаше Моисей внити в скинию свидения, яко осеняше над нею облак, и славы Господни исполнися скиния* (Исх. XL. 33, 34 и 35). *И внесоша*, повествует книга Царств, *иереи кивот завета Господня на место его в Давир храма, во святая святых, под крыла херувимов. И бысть егда изыдоша иереи из святилища, и облак исполни храм Господень. И не можаху иереи стати служити от лица облака, яко исполни слава Господня храм* (3 Пар. VIII. 6, 10 и 11). Так вселялась слава Господня в скинию и храм во время их освящения, и с сего времени обитала в них безысходно так, что истинные богопочитатели для того и входили в сии священные места, чтобы видеть славу Господню, чтобы ощущать ее присутствие; и не находили для себя ничего возжеленнее, как быть в сем блаженном ощущении. *Тако во*

святее явися Тебе, взывает Давид к Богу, видети силу Твою и славу Твою (Псал. LXII. 3). И в другом месте говорит: *едино просих от Господа, то възвещу: еже жити ми в дому Господни вся дни живота моего, зрети ми красоту Господню и посещати храм святой Его* (Псал. XXVI. 4). Что-ж? неужели слава храма и скинии кончилась со скиниею и храмом? Неужели Божество более присутствие свое открывало во святилище ветхозаветном, нежели в Церкви Христианской? Не может быть! Ибо весь закон Моисеев, по изъяснению Апостола, *имел только сень грядущих благ, а не самый образ вещей* (Евр. X. 1) небесных и божественных: следственно и в святилище ветхозаветном виден был не открытый свет славы Божией, но только тень сего света, почему слава Божия и являлась там в виде облака. А нас, говорит тот же Апостол, Бог удоволил *служители быти нову завету, не писмене, но духу: писмя бо убивает, а дух животворит* (2 Кор. III. 6). Из сего заключает он далее, что слава новозаветного священнослужения далеко превосходит славу ветхозаветного: *аще ли, говорит, служение смерти писмены образовано в каменех бысть в славу, яко не мощи взирати сыном Израилевым на лице Моисеево, славы ради лица его престающая: како не множае паче служение духа будет в славе?* (7 и 8). Наконец присовокупляет он, что мы можем не только видеть славу Господню, но и сами приобщаться ей и постепенно преображаться в ее подобие: *мы же вси откровенным лицем славу Господню взирающе, в той же образ преобразуемся от славы в славу, якоже от Господня Духа* (18). Итак, не верьте лукавой слепоте, которая смеет уверять, что нельзя видеть на небе солнца, и что пред ним все равно слепы; ибо хотя то правда, что пред ним и ясное око слепотствует, однако слепотствует не по недостатку, но по преизбытку видения. Не верьте лжеименному разуму, который, будучи слеп для созерцания славы Божией и убегая стыда признаться в слепоте своей, дерзает уверять, что и вера не больше его видит в Церкви. Не верьте лукавой и ленивой плоти, которая, не терпя принуждения, долженствующаго разсеять ее чувственную дремоту, мечтает для своего успокоения, что и ходящие по духу не больше ее бодрствуют. Есть таинственное видение невидимой славы Божией в храме для ока веры; есть живое ощущение присутствия в нем Божия для чувства духовного. И потому, христианин, если возжеленно для тебя состояние веры, если драгоценно уверение, что ты на пути духа: то поставь себя со всею строгостию в сие Божественное испытание, видишь ли ты славу Божию, ощущаешь ли присутствие Божие во храме? *Видел ли еси место престола Моего?*

Вижу я и еще убежище, куда некоторые хотят уклониться от сего трудного испытания. Возможно ли, говорят, от каждого требовать видения того, что показано было Пророку? О, еслибы сия темная куща, которую хотят поставить на Фаворе, созидалась точно в жилище смирению, а не в покров плоти, *отягченной сном* и среди Фаворского света! По крайней мере, как Петр о поставлении на Фаворе кущей для себя и соучеников, и для Самого преобразившагося Спасителя, но не для Моисея и Илии, бывших тут же *во славе*, предлагал, *не ведый, еже глаголаше* (Лук. IX. 33): так не знают, что говорят, и те, которые на горе Господней, *в селении славы Божией*, хотят поставить себе мрачную кущу неведения, и думают, что здесь-то им *добро есть быти*. Почему вы думаете, что при полуденном (или может-быть уже вечернем) свете христианства вам прилично скрываться от видения славы Божией, которой зарю, еще в ночи ветхозаветного времени, жаждали видеть патриархи и пророки, *и видели, и радовались* (Иоан. VIII. 56)? Посещение Востока с высоты, воплощение Сына Божия открыло миру более, нежели что видели пророки; как Он Сам говорит Апостолам: *блажени очи видящии, яже видите. Глаголю бо вам, яко мнози пророцы и цари восхотеша видети, яже вы видите, и не видеша, и слышати, яже слышите, и не слышаша* (Лук. X. 24). Облак, который *подъял Его от очию Апостолов*, ничего не закрыл от веры их и нашея. То, чем блаженны были очи Апостолов, и по вознесении Христовом осталось видимым в Его славных обетованиях: *се аз с вами есмь во вся дни до скончания века* (Матф. XXVIII. 20); *идеже еста два или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреде их* (Матф. XVIII. 20). И потому Апостол не пророкам только и

апостолам усваивает видение славы Господней, но всем, только, разумеется, истинным и достойным христианам: *мы вси откровенным лицем славу Господню взирающе, в той же образ преобразуемся*. Внимай, христианин, и разумеи, что не требуют от тебя пророческого достоинства, но качества *всем* истинным христианам общего требуют, когда вопрошают: видишь ли ты славу Божию во храме? *Видел ли еси место престола Моего?*

Нет убежища, нет извинения. Или скажи, что ты видишь, и тогда мы скажем тебе: *блажени очи видящи!* Или признайся, что не видишь, и тогда ищи *коллурия помазать очи твои, да видиши* (Апок. III. 18); а если и о сем нерадеть будешь, то знай, что слепоту твою ожидает тьма кромешная.

Войдем же наконец в самое действие духовного испытания; и дабы посредством сего испытания могли узнать себя и те, которые не имеют еще духовной опытности и не обладают даром различения духов и духовных действий, то прежде обратимся не к состоянию видения и ощущения духовного, может-быть, незнакомому многим из нас, но к состоянию невидения и нечувствия, не только всем общему по плотской природе, но не редко встречающемуся и с теми, которые стараются ходить по духу. Вспомним, что сие место за три часа пред сим было не более, как состав камней, древ и металлов, и если жил в сем составе какой дух, то разве дух художника и строителя сего здания. Помыслим, что теперь оно уже совсем не то; *несть сие*, скажем словами Боговидца Иакова, *но дом Божий и сия врата небесная* (Быт. XXVIII. 17). Вспомним, с каким чувством взирали мы здесь прежде на простое дело рук человеческих. Сравним с оным то чувство, с каким теперь здесь же взираем на святилище Божие, новосозданное силою тайнодействия. Если тот же, как прежде, чувственный взор измеряет пространство здания, или покоится на блистающих украшениях; если та же, как прежде, рассеянная мысль проходит от преддверия до олтаря храма, и не знает, на чем остановиться; если сердце остается в хладном равнодушии ко всему, что здесь совершается, или возбуждается только любопытством, питается только новостью; если дух, не чувствуя себя, продолжает дремать на *камне* и никаким внутренним движением не пробуждается, дабы узнать, что он очутился *во вратах небесных*, – то нечего далее испытывать; должно сказать решительно, что мы не видим селения славы Господней и места престола Господня; мы совсем не были при освящении храма; преграда непроницаемое каменной стены отделяет дух наш от духовного святилища Божия, хотя телом и стоим мы в стенах рукотворенного храма. Вот состояние подобное состоянию идолов и идолопоклонников, как описывает их Псалмопевец: *идоли язык сребро и злато, дела рук человеческих: очи имут, и не узрят; уши имут, и не слышат; подобни им да будут творящи я, и вси надеющиеся на ня* (Псал. СХIII. 12 и 16). Сколь же и стыдно, и горестно, и страшно пред лицом Бога живаго быть в состоянии безчувственного идолопоклонства!

Кто по благодати Божией примечает во внутренности своей нечто лучшее, тот измеряя степень и испытуя чистоту своего видения по видению истинных Боговидцев; и, видя свет духовный, благодари Светодавца Бога, а от призраков духа лживаго бегай не менее, как и от тьмы плоти.

Когда Пророк, давший нам предмет настоящей беседы, в чистом, Божественном видении увидел славу Божию, тогда, повествует он сам о себе: *падох на лице мое*. Подобно сему и другой Пророк, когда *увидел Господа сядяща на престоле высоте и превознесенне, и исполнь дом славы Его; тогда воскликнул: о окаянный аз, яко умилхся, яко человек сый, и нечисты устне имый, посреде людей нечистыя устне имущих аз живу, и Царя Господа Саваофа видех очима моима* (Исаии VI. 1 и 5). Если и ты, христианин, с той минуты, как провозглашено во вратах сих шествие *Господа сил, Царя славы*, повергся духом твоим пред Его величием, так что, подобно падшему ниц, видишь и чувствуешь только свою

низость и высоту Покланяемого и сокрушаешься о своем недостойнстве быть в Его присутствии: то дерзай веровать, что сие чувство своего ничтожества и недостойнства впечатлено в тебя близостию и присутствием, хотя еще не видимой, славы Божией; и что если ты утвердишься в сем смиренном состоянии, то и тебя, как Иезекииля, воздвигнет дух и покажет тебе *полн славы дом Господень*.

Когда святое чувство присутствия Божия посещало Божественного Псалмопевца, тогда он находил, что никакая, даже малейшая, часть существа его не была упражнена собою или другими тварями, но все без остатка было в нем обращено к приятию и возвещению славы Божией: *вся кости моя рекут: Господи, Господи, кто подобен Тебе* (Псал. XXXIV. 10). Если и в тебе, христианин, и ум о Боге только помышляет, и сердце только Бога взыскует, и в самых чувствах только сии духовныя движения отражаются, то благо тебе: уже дух возьмет тебя, и скоро, может-быть, явственно узришь ты место престола Божия.

Когда Иисус Христос, по славном воскресении Своем, явился двум ученикам Своим на пути, тогда хотя телесныя очи их не узнали Его, но сердце их воспылало неизъяснимым чувством присутствия Его. *Не сердце ли наше*, говорили они после, *горя бе в нас, егда глаголаше нама на пути* (Лук. XXIV. 32). Так и в вас, братия, светом ли радости озаряется и расширяется сердце, стремящееся молитвою к Богу; пламенем ли любви возгарается и растопляется, и особенно тогда, когда вы земную радость и любовь видите для вас умершими: то благословенна ваша радость и любовь, и благословен Тот, Кто в ней сокровенно является и явно сокрывается. Се Тот, Который сказал Своим: *узрю вы, и возрадуется сердце ваше* (Иоан. XVI. 22). Се Тот, Который обещал: *любай Мя возлюблен будет Отцем Моим, и Аз возлюблю его, и явлюся ему Сам* (Иоан. XIV. 21).

Ни время, ни предмет не позволяет нам более говорить о высших степенях таинственного видения славы Господней. *Тайна Господня боящимся Его, и завет Его явит им* (Псал. XXIV. 14). Он Сам в духе покажет им то, о чем язык плоти тщетно немотствует.

Но что скажем для тех, которых душевныя очи или совсем слепотствуют неверием, или повреждены и омрачены разсеянием и нерадением? Где найдем *коллурий* для их врачевания? Пророку, после видения храма, Бог дал для лишенных сего видения повеление: *Сыне человек, покажи дому Израилеву храм, и да престанут от грехов своих* (Иез. XLIII. 10). Как бы так сказал Господь: дом Израилев не видит храма и сетует на Вавилонян, которые лишили его радости сего видения. Скажи дому Израилеву, что не Вавилоняне лишают их видения храма: грехи их лишают их видения храма. Покажи им показанный тебе чертеж новаго храма: и если они желают узреть славу Его, то пусть очистят для сего чувства и сердца, грехами омраченныя и оскверненныя. *Покажи дому Израилеву храм, и да престанут от грехов своих*. Если и мы, хвалящиеся именем новаго Израиля, подобно древнему, за нечистоту греховную лишены духовной радости духовно созерцать славу дома Господня и место престола Его, то и для нас сказано: *покажи дому Израилеву храм, и да престанут от грехов своих*. Взирая на священное благолепие храма видимаго, будем помышлять о несравненной славе внутренней, таинственно в нем обитающей; и если дух наш не просвещается Божественным видением, если сердце не оживляется небесным ощущением, то, дабы исцелить душу нашу, употребим все тщание сохранить себя от грехов, которые омрачают ее и повергают в духовное нечувствие.

Царю Господи Саваоф! Ты един еси свет светов, жизнь жизней. Просвещай выну и исполняй жизнь Твоею как послуживших Тебе созданием сего храма во славу Твою, так и всех посещающих храм святой Твой, да видят ныне славу Твою *в зеркале и гадании* священных тайнодействий, а некогда *узрят* и Тебе Самого, *якоже еси*, и будут жить в

Тебе, *Господи Вседержителю*, егда Ты Сам будеши *храмом* (Апок. XXI. 22.) Иерусалима Небеснаго. Аминь.

XXXVI.

23. ПРИВЕТСТВЕННОЕ ПОСЛАНИЕ

к Ярославской пастве.

(напечатано в книге «Иерархи Ярославской паствы»).

<1820 год>

Божиею милостию смиренный Филарет архиепископ Ярославский и Ростовский, – церкви Богоспасаемых градов Ярославля и Ростова и прочих городов и сел сея духовныя паствы, и сущим в ней начальствам, начальствующим, священству, монашеству, всему причту церковному и всем православным христианам. – Благодать вам и мир от Бога Отца и Господа нашего Иисуса Христа и Святаго Духа! – Благословен Бог, Единый, в Троице славимый, и благословен Господь и пастыреначальник наш Иисус Христос, который дал есть Церкви своей *овы убо апостолы, овы же пророки, овы же благовестники, овы же пастыри и учителя к совершению святых, в дело служения, в созидание тела Христова, дондеже достигнем вси в соединение веры* (Еф. IV. 11–13). Верую, что чрез соборное избрание Святейшаго Синода и чрез державное соизволение Благодетельнейшаго Государя, и аз недостойный от руки Господни приемлю жребий служения Церкви Ярославской и Ростовской. И хотя жребий сей есть уже не новый, а только вместо другого мне дарованный в премену: однако не могу не исповедать, что со страхом приемлю сей жребий, ведая мою немощь и недостойнство, а служения сего святость и трудность, о которой и полный благодати сосуд Святой Апостол Павел взывает: *к сим кто доволен* (2 Коринф. II. 16)? Сего ради молю всех вас, братия: споспешествуйте мне молитвами вашими, да дарует мне Господь свет и разум в познание тайны Христовы, силу в изглаголении ея пред вами, правду и чистоту в деле и слове управления и жития, да не будет служение мое у вас вам в тщету, а мне во осуждение, но да будет вам во благодать и спасение, мне в помилование и оправдание в день Христов, вам и мне совокупно в мир и взаимное утешение, Богу во славу. – Молю вас, сослужители пред олтарем и соучастники дела пастырского, споспешествуйте служению моему и общему преспеянию верным и неленостным прохождением вашего служения, внимательно поучаясь и поучая заповедям и Евангелию Господню, молитвою своею вдыхая дух молитвы и в других, в исправлении собственном почерпая искусство исправлять вверенных вашему духовному исправлению. Не так напоминаю о сем, аки-бы сомневался в сем, или не надеялся сего от вас; но, повинуюсь настоящему званию и случаю, *возбуждаю воспоминанием ваш чистый смысл* (2 Петр. III. 1). Молю вас, монашествующие: споспешествуйте общему совершенствованию в святости, предшествуя живущим в мире примером ревностных подвигов в благочестии, являя им истинный ангельский чин в ангелоподражательном житии, в послушании, в братолюбии, в Боголюбии, в безстрастии. *Молю вас*, все православные люди: *тщитесь достойно ходити звания, в неже звани бысте* (Еф. IV. 1), т. е. святого звания христиан; ходите в страхе Божием, в мире и любви друг ко другу, в послушании к Святой Соборной и Апостольской Церкви, коей *непослушный* судом самого Иисуса Христа *осуждается яко язычник и мытарь* (Матф. XVIII. 17). Христиане! тщитесь быти воистину Христовы, прилепляйтесь ко Христу всем сердцем чрез последование учению и житию, открытому в Евангелии, и чрез усердное приобщение Божественных таинств, которых Он оставил Церкви своей. Православные! тщитесь воистину быти правы в вере и праведны в житии. *Елицы правилом сим жительствуют, мир на них и милость*

(Галат. VI. 6). Сам Господь мира да даст вам мир всегда во всяком образе: мир душам вашим – чрез очищение совести и прощение грехов, мир сообществам вашим – чрез взаимное любление, вспомоществование и терпение, мир упражнениям и трудам вашим – чрез благословение свыше и благопоспешество во всем добром и полезном. Господь со всеми вами! Аминь.

ОТДЕЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

СЛОВА и РЕЧИ,

НЕНАПЕЧАТАННЫЕ

ПРИ ЖИЗНИ ПРОПОВЕДНИКА.

1803–1808 гг.

XXXVII.

1. СЛОВО

на день преподобного Сергия

<1803–1808>

*Приидите ко Мне вси труждающиеся
и обремененнии. Матф. XI. 28.*

Животворные слова живаго Бога.

Вера есть золотая стамна, которая вмещает в нас вселяющееся Божество, есть орлины крылья, которыми душа парит за восходящим Господом. Возносится ли с Возносящимся, удостоивается ли приять Нисходящего, но все с Богом. Сила веры непостижима; она приемлет нас в объятия свои мертвыми, – одушевляет; видит младенчествуящими, – возвращает; видит преткновенных боящимися, – ведет по пути ровному; чувствуя мужами соделавшихся, – соединяет терпкое с легким, с ровным стропотное, – и что имамы, чего не прияли от руки веры? Вера есть *сущность вещей(?)*. Чему веруем, то и будет: веруем – и горы преставляти *можем*; не веруем – и иота не пройдет; веровал Лазарь, – и воскрешен от мертвых, не веровал Иуда – и не мог не потерять жизни. Не нужны верующему пособия природы: бесполезно без веры вседействие естества. Пространство веры неудобнообъемлемо. Оно не ограничивается в тесных, токмо пределах мертвого понятия о Божестве и человеческом естестве. Такому объемлющему все тайны Божию кивоту не довлеют обширные умы небожителей вышних. Поступим далее и далее, но только оком Божиим, а не стопами человеков. Внутренняя веры красна. Высочайшая, изящнейшая дарования не всегда еще доказывают христианина и богоугодного человека. *Не в словеси царство* (1 Кор. IV. 20). Превратить жезл, провести чрез море и источить воду из камене, говорить огненными языками – суть действия Божия, но не всегда благоволительныя; суть Божия, но не в огни Господь; суть Божия, но о сем не радуйтесь. При сем вспомните, что Мариам была пророчица, Саул пророк и Валаам глаголаше притчу. Веру можно уподобить прекрасному дереву, обогащенному удивительными плодами. Плоды сии толико единственны, что вкусивший от них не иное что может сказать, как то, что плоды сии

возрасли от семени неистленного, на полях небесного Едема, изготованы десницею Вышнего.

Зело красный добротами ума и сердца! *Аще вопросят мя: что имя ему; что реку к ним*, гласит древний вожь сынов *крепкого* (Исх. III. 13; VI. 1): подобно сему аще вопросят мя люди, любвам мира преданные: где та добродетель на земли, которой научает слово твое? Аз реку: се яко избранный!

Скажет дух кичливый, где пример кротости твоя? Аз возглаголю: научитесь от него, яко кротость и смирение в сердце его. Аще возопиет рабствующий воле похотений своих: где образ воздержания твоего? Аз покажу: се благий пример благаго Учителя! Его благодетельная в преклонных летах жизнь – плод всегда благорасположенной жизни: благослови убо и мене, отче, благословением твоим, да возглаголю в славу Бога, тобой подражаемого.

Плод духовный есть любви, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание (Гал. V. 22 и 23). Разсмотрим, почему сии плоды называются духовными.

Любовь есть горлица, кокош, орел, дух, носившийся вверху воды; совоздыхает воздыхающим, как горлица; созывает птенцов малосмысленных, как кокош; возносится горе к Богу, как орел; благоустраивает в подобии Бога. Она обладает Богом, есть также обладательница и всех человеческих вещей; все ей принадлежит, о всяком счастье, как о собственном, веселится; о всяком бедствии, как о своем, печалится. Се первый плод веры! Ужели мните, что неверствующие кого-нибудь любят? Ни Бога, ни мира, ни людей, ни самих себя; любят, правда, мир, но так, что чрез сие себя ненавидят; любят себя, но с тем, чтобы погубить; любят других, но любящих. Любовь невинная с небесе приниче. Предвечный, страждущий на Голгофе, жаждущий оставления грехов своим распинателям, есть первый и единственный учитель науки любить. *Плод духовный есть любви.*

Радость есть блаженное спокойствие совести, происходящее от *успокоенного* (примиренного?) Божества. Неверствующий никогда не чувствовал радости в своем сердце. *Проклят всяк, иже не пребудет во всех писанных в законе* (Гал. III. 10). Какое же проклятому спокойствие, какая погибшему радость? Может-быть они и радуются, но не своею радостью. Смеющееся счастье, рукоплескание льстецов, благословение окружающих есть радость чужая. Видали мы восхищенных победами Римлян; но равнодушно смотреть на трупы мертвых, восхищаться, смотря на льющиеся кровавые реки, на царей, колесницы везущих, значит предаваться безчеловечному изступлению, а не радости. Видевшие Иисуса, радующагося радостью великою о том, что ни один погибе от врученных Ему, кроме сына погибельного, те только научаются, якоже подобает радоваться. *Плод духовный есть радость.*

Ничего не делать, ни говорить, ни мыслить в противность уставам Богочеловека есть то, что означает мирное сердце. Так ли живут нечестивые – без веры? Несть мира в царствах, градах и весях, в домах...

Несть мира в нечестивых, несть мира от нечестивых. Он исходит от Сионской облагодатствованной горницы, где из уст небесных провозглашен в первый раз истинно-Божественный мир. *Плод духовный есть мир.*

Долготерпение есть единообразное пребывание в веровании тому, что достойно всякого приятия, в люблении того, что любовь нашу достойнейше привлекает. Сыны естества не

такое. Благоволение счастья кичит умы, легкая противность приводит в отчаяние. Да и откуда придти к ним долготерпению? Не видали они на Голгофе Страждущаго, не вопрошали о роде, сане и могуществе Его; не знали, что там было два креста: на одном понесено страдание за грешников, на другом страдали спасаемые грешники. От Голгофы изыде закон долготерпения. *Плод духовный есть долготерпение.*

Сердце, желающее охотно предать себя истинной пользе человечества, есть сердце благое. Не хочу спасать себя, не спасая соотечественников моих, вопиет Моисей (Исх. XXXII. 32), повторяет Павел (Римл. IX. 3). Такое благорасположенное сердце свойственно только Моисеям и Павлам: поелику они видели Благаго, слушали благое, пребывали всегда в Благотворящем. – Но бесспорно можно сказать, что между патриотами, столь многолюдными общества языков созидателями, богатыми и возвышающими, не было и не будет толикотворной десницы. Древа осенняя, дважды умершие, ни листьями не одеваются, ни плодами не украшаются; безводные облака живительного дождя не выпускают; в изменниках несть души благодеющей. *Плод духовный есть благодать.*

Душа, тихо прикасающаяся ранам болящих, возливающая вино и елей на струпы смердящие, есть душа милосердая. Отворотившийся от болящего Левит, и возливший вино и елей на раны его Самарянин представили две различные между собою картины сострадания и ожесточения к человеку. Почему мимо шел Левит? Потому что не знал, что делать с болящим, не видал Самарянина, возливающего целительный елей. Сей Самарянин есть тот самый Целитель небесный, который из единого благоутробия сошел к страждущему миру, больному, по всему свету простертому, и сонмы неизлечимых болезней врачевал помазанием своею безценною кровью. До Его прихода кому милосердствовать? *Сынове человечестию тяжкосердию* (Пс. IV. 3) и не чувственны, жестоковыи и не смотрят на попираемого несчастного. Все страдают в одно время в одной целебнице, а посему должны, кажется, быть состраждущие; но всякой безчеловечным забвением других хочет показать себя исцелевшим – тяжкосерди сынове человечестию. *Плод духовный есть милосердие.*

Носить всяческая глаголом силы своея, и быть вознесена на древо Голгофское есть чудный пример неподражаемого, непостижимаго, прямо Божескаго снисхождения. Но от неприступнаго отступим. Довольно несколько начертывающей в себе горняго страдальца Иисуса кроткой человеческой душе забыть древним змием обещанное божество и непрестанно памятовать, что она и нага, и слепа, и бедна. – Сыны исполинов, стнящие под водами потопными, не тако помышляют. Вышний покрывает землю морем, а сии созидают стовратный Вавилон. Вышний емлет оружие, а дольнии – щит; небесный – гнев, а земные – сопротивление. Они кротости не знают, поелику не от кого было научиться: вождь их, небесный изгнанник Люцифер вооружается против Вседержителя; праотец их, первенец Адамов, ученик денницы подъял убийственные руки на единогоутробнаго; второй предводитель Немврод возобновил было древнюю брань сатанину. Я не хочу говорить о смирении лисием, жесточайшем и опаснейшем самаго буйнаго насилия. Но чтобы научиться смиренномудренной, забывчивой к собственным добротам кротости, должно идти по другой дороге. Сойди во Иудею, вниди в претор, посмотри на вопрошаемаго тамо от Пилата, послушай, как он отвечает на беззаконный глас; иначе как можем изобразить лепоту ея, никогда не видав оныя. *Плод духовный есть кротость.*

Дух, царствующий господин в дому своем, безопасно правящий необузданною толпою похотений товарища своего, есть дух воздержный. Сия добродетель есть также отрасль от горняго древа. Не прозябло древо сие, и не было плодов таких во вселенной. Помним мы, что и сын Софронисков учил забывать тело, учил разумный, но не разумно. Какой дому господин, прилагая попечение о жителях, не попечется о самой храмине? Возвещают

также, что Ликурговы воспитанники были жизни так-сказать безчеловечной к самим себе. Но сие для того, чтобы привыкнуть к безчеловечию, над другими совершаемому. О воздержании!.. Начиная со вкусивших запрещенный плод не было еще воздержного. Не прежде Моисей начал поститься, как острыми очами благодати за несколько веков усмотрел в Иудейской пустыне чрез čtyредесять дней пищи не вкушающего сына Мариина (Исх. XXXIV). *Плод духовный есть воздержание.* Духа плоды, плоды духовные. Без самой веры не быть бы плодам.

Сии чудотворные плоды были единственною, сладчайшею, нетленною пищею сего в райском вертограде ныне торжествующаго, а в земнодольных селениях превозносимаго подвижника Божия Сергия. Ведал он, что естественная пища превращается в плоть ядущаго, но манна Божественная самага вкушающего пресуществляет в естество Божеское. Он веровал, поелику вера горы претставляет; любил, яко Бог любы есть; радовался, яко в Боге несть тьмы ни единыя; миролюбив был, яко Христос мир есть нам; долготерпел, поелику видел терпение на главе Божией; милосердствовал, поелику спасен милосердием; кроток был, яко известися, что реки благодати текут низу, а не верху; воздержен был, яко весь Богом обладавший. Се путь, верным подлежащий, се путь – и пойдем по нему. Аминь.

1806–1808 гг.

XXXVIII.

2. СЛОВО

в день Рождества Богородицы.

Едино есть на потребу. Лук. X. 42.

Ничто так не обыкновенно в мире, как жалобы на жизнь многопопечительную. Еслибы все воздыхания в сию минуту из сердец озабоченных, совокупясь, коснулись ушей наших, какую страшную бурю мы бы услышали! Когда удовлетворение вещественных надобностей – пища, одежда, образование духа и обязанности общественныя не стоят нам великаго труда, наше воображение бывает плодовито, дабы родить нам безпокойства мечтательныя; жажда богатства, славы, наслаждения занимает так, что самый праздный имеет столько дела, как и самый трудолюбивый.

Легкомысленный смертный! Ты суетишься как Евангельская Марфа, и насчитываешь тысячу нужд. Сквозь шум попечений, которыя, так сказать, роятся в смущенных мыслях твоих, допусти в душу твою голос истины, желающий тебя упокоить: *едино есть на потребу.* А Ты родившая Господа субботы, – коей мы если не целый день, по крайней мере час сей субботаствуем от работы сует! – Необманутая мать Ноя, который должен *упокоить нас от дел наших и от печали рук наших и от земли, юже прокля Господь Бог* (Быт. V. 29), – низведи ныне деятельным ходатайством тишину в сердца наша, дабы безпрепятственно могли ощутить, как обладание единым успокоивает от попечений безчисленных.

Странное, равно как и бедственное свойство человеческих желаний есть то, что редко и разве на время остаются оне в известных границах. Тот, Который водам *положил предел, егоже не прейдут, ниже обратятся покрыти землю* (Псал. СIII. 9), кажется, не положил предела стремлениям человеческого сердца. Оно простирает их от предмета к предмету с

такую неудержимую скоростью, как брошенный в тихое море камень рождает от себя круги, один другого преследующий и теряющийся в отдалении. Иногда, пробежав круг возможностей, мы находим его довольно тесным, и касаемся невозможного. Сперва ищем необходимого, потом думаем о полезном и приятном, наконец, излишнее нам представляем необходимым. Раб вздыхает о том, что не имеет свободы, свободный сокрушается о том, что не имеет рабов; золотых гор мало для любостяжания; престолы низки для честолюбия, чертоги не вмещают человеческих желаний, так же как и хижина, хотя и сия могла бы быть еще менее для человеческого тела.

Но да не падет сия укоризна на одно своенравие и неопытность человеческую. Глад желаний не утолим, потому что пища не питательна и не свойственна. Могут ли быть желания постоянны и умеренны, если предмет их подвержен безпрестанным переменам и оскудению? *И мир преходит и похоть его* (I Иоан. II. 17). Можно ли быть спокойну и не искать всегда большего, если приобретенное не удовлетворяет и обманывает? Чистый дух и грубое вещество, бытие бессмертное и удовольствие мгновенное, существо мыслящее и прелесть чувственная – есть ли тут какая сообразность? Мир есть коловратный круг; наша душа есть образ троичного божественного единства. Круг положенный в треугольник не может занять всего пространства, так целый мир не наполнит души человеческой; не осмелимся решить, больше ли в сем гнева карающего или вразумляющего. Милосердия дело есть то, что человек поставлен среди таких опасностей; только мы должны признавать в сем состоянии нашем вместе и наказание и указание. Наказание – поелику чадолюбивый Отец без причины не заточает детей своих в страну глада и жажды; указание – поелику премудрый Создатель не мог сотворить глада, не приуготовив соответственной ему пищи; и следовательно каждый вопль обманутых и неудовольствованных желаний есть тайное наше поучение: человек не для мира, хотя мир и для человека; все в нем приобретения суть только трата времени; одна та потребность, которую все здесь открывает, но ничто не может удовлетворить, заслуживает все внимание: *едино есть на потребу*. Сие внушает каждому здравый разум, но он уже не в состоянии руководствовать нас; сие внушает каждому Откровение, оно нас приемлет там, где сей вождь изнемогает. Едино сие, говорит оно, которое составляет всегдашнюю, существенную нужду человека, есть царствие Божие, или благодатное с Богом соединение. Человек некогда обладал сим несравненным счастьем, но с тех пор, как неблагодарный, отвертаясь единаго, впал в многочисленность тварей, тот мир, в котором он, вне Бога, хотел основать собственное владычество, сделался его темницею, а каждая вещь его орудием. Напрасно вы теперь ищите вкуса в плодах земли: рано или поздно отверзутся очи ваши и плоды сии будут желчию в устах ваших; ибо после того, как сорван запрещенный плод, на земле растут одни проклятия. Одно только нужно – приобрести царствие Божие, восстановить внутреннее с Богом соединение посредством веры, любви и упования: тогда во внешнем вы получите все возможные выгоды и удовольствия; ибо все для вас обратится в дары и благословения Отца небесного: *ищите прежде царствия Божия и правды его, и сия вся приложатся вам* (Матф. VI. 33).

Промысл показал первый опыт онаго в таких обстоятельствах, в которых оно менее всего было вероятно. Мир дольний удивлялся, как горний рукоплескал, взирая на людей, кои признавались всему свету, что они *и алчут, и жаждут, и наготуют, и скитаются* (Кор. IV. 11) *лишени скорбяще, озлоблени* (Евр. II. 37), и кои в то же время уверяли торжественно, что они были *яко нищи, а мнози богатяще, яко ничтоже имуще, а вся содержаще* (2 Кор. VI. 10).

Чего в самом деле может не доставать обладающему Богом?.. Одна мысль у него – Бог; одно желание – наслаждаться Им; одно начало действия – Его любить; одна цель – угодить Ему; Богомыслие – пища его, вечность – поле славы его, небо – сокровище его: с

сей высоты духа низводит он взоры свои на свое внешнее состояние и мнимыя блага, которые составляют предмет наших забот. Он смотрит на все иначе, нежели малодушныя чада мира. Власть, разсуждает он, не для властелина, но для подчиненнаго: убо ничего не имеет в себе лестнаго, – кроме удовольствия делать добро, но сие удовольствие и без нея возможно; богатство, кроме необходимаго и нужнаго – есть собственность сирых и бедных: и если же небо не благоволило мне даровать его, оно блюдет меня или от искушения, или вернейшия имеет руки. Пышность более бремя, нежели украшение; удовольствия чувств более суть залог будущих болезней, или раскаяния: чем менее я имею к ним случая, тем менее труда охранять себя от опаснаго излишества. Убожества, несчастия, оскорбления, гонения... Ах! не Провидение ли посылает все сие? Буди имя Господне благословенно!..

Ах! для чего мы не все так думаем? для чего, совершая путь немногих дней, какова жизнь наша, одни безразсудно обременяют себя годовым запасом, другие поднимают с земли блестящую безделку и подавляют себя бесполезною тяжестью; иные избирают стези, где бы можно идти по цветам, несмотря на то, что они ведут к пропасти; иные ходят по высоким горам и стремнинам – какое разнообразие мучить самих себя? Для чего мы ныне не помышляем о единственном Существе, которое бы облегчило наше путешествие?

Приидите ко Мне вси труждающиися и обремененнии, и Аз упокою вы, глаголет Господь (Матф. XI. 28). Аз есмь путь и истина, и живот (Иоан. XIV. 6). Се всем едино есть на потребу. Аминь.

XXXIX.

3. СЛОВО

на день обретения мощей Преподобнаго Сергия.

Возсияет во тме свет твой и тма твоя будет яко полудне: и будет Бог твой с тобою присно: и насытишися, якоже желает душа твоя, и кости твоя утучнеют, и будут яко вертоград напоеный, и яко источник, емуже не оскуде вода: и кости твоя прозябнут яко трава, и разбоотеют, и наследят роды родов. И созиждутся пустыни твоя вечныя, и будут основания твоя вечная родом родов. Исаии. LVIII, 10 и 12.

<1806–1808>

Тако глаголаше Господь чрез уста Исаии.

Кому глагол сей? Кому сии благословения? Друг Божий! не тебе ли сие прорицала вера, когда она сопутствовала тебе в дикия некогда и необитаемая места сии? Великое событие дает право отнести и к тебе предсказание великое. Ты сокрылся от света, оставил в нем порок, тобою ненавидимый, но свет добродетелей твоих проник в него из мрака твоего уединения; ты был светильник Церкви по святости, хотя с непреклонною решимостью отрекся быть таковым по состоянию. Твоя душа взыскала и возжадала к Богу крепкому и живому, и она вкушала присно сладость Его присутствия. Орошаемый струями благодати, ты был *яко вертоград напоеный, и яко источник, емуже не оскуде вода*, кропил других росю духовною. Наконец, чтобы течение времени не могло удалить от нас примера твоего, ты, восходя горе, оставил здесь некоторую тень бессмертия, там тебе принадлежащую. *Прозябли кости твоя*, и останки плоти, еще умерщвленной в животе твоём, кажутся нам живыми по смерти твоей; и созданныя тобою пустынные хижинны превратились в громаду зданий, постыждающих грады своим великолепием. Века прошли мимо сих памятников и не смели коснуться им, разве для умножения блеска их. Столь

знамениты, столь обильны, столь непреложны, столь вечны в самом времени обетования, данная верою! Она едина обещает и не изменяет обещаниям. Она только прорицает истину, когда множество различных обещательных гласов потрясают сердце наше ложным обнадеживанием сделать нас довольными и счастливыми. *Насытиишия, якоже желает душа твоя*, – объясним сие.

Насытиишия: говорит плотоугодие, только не простирай взоров твоих далее видимости; умственное блаженство есть блаженство вымышленное, существенное принадлежит чувствам. Если мы сотворены для счастья, то должны искать его близ себя. *Почивай, яждь, пий, веселися*: в сем заключается наука быть довольным.

Как опасно слушать таковые уроки! Когда коварный змий, подавая нам плод запрещенных удовольствий, обещается нас сделать почти богами, тогда бедственное для нас определение уже подписано: терние, труды, болезни, смерть, помещены в нем. На поле сладострастия и роскоши растут только такие розы, которые по услаждении чувств оставляют в душе острые терны, рано или поздно ее уязвляющие; на нем надобно проливать пот долго для кратковременной жатвы. Посреди слез, больше изнуряющих, нежели удовлетворяющих забот или дряхлая застигает старость, или бедность и немощи, которая еще ближе оной ходят по следам невоздержания. И земля тем скорее требует всего своего долга, чем более у нея занимать старались. Ах! не сие ли наши легкие умы называют развязной, веселою жизнью! Боже мой! сии мнимые утехи суть не иное что, как семя горестей; оне суть не пища, но яд для слабого сердца. Еслибы не было совсем другого средства к насыщению алчущих желаний, и тогда безразсудно было бы пользоваться сим; лучше томиться безконечным голодом. *Насытиишия*: обещает любостяжание. Умей только пожинать там, где не сеял, собирать там, где не расточал; а когда можешь считать тысячи в руках твоих, призови пышность, покажи другим твои блага, – и ублажай судьбу тебе благотворную. Горе тому, кто поверит сим прорицаниям златаго кумира! Что есть блаженство человека пристрастного к богатству? В чем состоит бытие его? – Положить в грудь металла сердце свое столь холодное, как сей металл; собирать вместе с драгоценными безделками проклятия убожества, слезы вдовиц и вздохи сирот; трепетать в ожидании роковой минуты, когда или татие из сокровищниц, или смерть из тела похитит душу его; быть произвольным страдальцем и в море изобилия, подобно одержимым огневицею, с каждым дыханием испускать стон или повторять во внутренности: жажду! *Насытиишия*: твердит честолубие. Когда возвысишься из круга народа, когда все будет к твоим услугам, когда почтение будет сопровождать тебя, – какой тогда можешь почувствовать недостаток. Может ли тот быть несчастлив, от кого многие ожидают счастья? Самая зависть, возбуждаемая знатными в низких, свидетельствует о преимуществе их состояния. О, когда бы сии размышления были столько же истинны, сколько привлекательны! К сожалению, оне только льстят надеждою не менее опасною, как лживою. Завидное счастье располагать жребием других – есть тяжкое бремя, и стремление к возвышению – неукротимая сила, которая, когда предаются ей влечению, столь мало знает пределы, что ей обладание вселенной представляется еще малым уделом. И должно ли сему дивиться? Если некогда сей адский глад на небесах не мог быть утолен, то найдется ли когда-нибудь довольно пищи на сей убогой земле? *Насытиишия*: вопиет слава. Нет совершеннейшаго благополучия, как всегда стремиться к великому, заслужить внимание современников и обезсмертить имя свое в потомстве. Любовь к похвале есть побуждение божественное, ея удовольствие есть ангельское. Вот мысли, которая обыкновенно почитают благородными чувствами! Что бы впрочем ни говорили в пользу сей благородной страсти, но хотя бы она и не была источником вражды и соперничеств, не повергала в опасности, не возмущала тишины общественной, не колебала тронов, – однако плод ея все еще был бы сомнителен, удовольствие мечтательно. Не безразсудность ли – полагать основания своего благополучия во мнении других,

которые или по неведению, или по своим особенным видам часто нам не отдают справедливости? Не изступление-ли – не иметь во всю жизнь покоя для того, чтобы нескольким праздным людям подать материю к разговорам? Утешаться смертному существу безсмертием имени – не значит ли сегодня лишить себя пищи в ожидании завтра? *Насытишися*: учит премудрость мира. Дерзай поднять завесу, скрывающую от взоров непросвещенных истину, возлюби красоту ея; тогда-то познаешь ты удовольствие разумного существа, почувствуешь гармонию природы, предпишешь звездам законы, будешь лобызать следы благодати Творческой, поймешь свою цену, соделаешься гражданином всего мира. Какой прекрасный план! Какой пространный путь ко спасению! Так, мудрецы мира! ваши упражнения были бы самая приятная, ваша участь самая счастливая, еслибы страсти никогда не закрывали единым облаком светлаго лица истины, еслибы никогда, вместо любви к ней, не управляло вами тщеславие, соревнование и ненависть; еслибы перо никогда не могло действовать так же, как меч. Но когда большую часть вашего знания составляют бесполезные вопросы и неудовлетворительные ответы, сомнения и гибельное искусство обращать в словопрения священнейшие истины: то может ли ваше мнимое просвещение принести сердцу спокойствие? Доколе убо, сынове человечества, доколе будете любить суету? Доколе будете внимать сим обманчивым предвозвестникам счастья, которых лукавый мир посылает к вам? – Доколе сих послушаете студных пророков. *Дух лжив во устех их*, доколе ненасытны ваши желания будут скитаться без цели и вопрошать: *кто явит нам благая*. Вера! Божественная вера! тебе предоставлено положить конец страданиям человека, ты едина даешь узреть *благая*; ты едина призываешь свыше благословения, – и оне нисходят на нас. «*Будет Бог с тобою присно, и насытишися, якоже желает душа твоя*». Се сладчайшее обетование, центр всех желаний, верх блаженства, единственная пища духа! *Насыщуся*, Господи! *всегда явитимися славе Твоей* (Пс. XVI. 15)! Насыщуся, когда Ты придешь в сердце смущенное, сотвориши в нем обитель Себе и явиши Себя токмо хотя в зеркале и гадании. Какого счастья мне требовать после сего блаженства? Какого благодеяния после сего безценного дара? Просвещения ли? – *Ты еси свет, просвещающий всякого человека* (Иоан. I. 9). Безсмертия ли? *У Тебе источник живота*. Богатства ли? Но даровавший верной душе возлюбленна Сына, в залог щедрот Своих: *како убо не и с ним вся дарствует* (Рим. VIII. 32)? Чести? величия? Но какия отличия, какия блистательныя титулы могут сравниться с сими высокими наименованиями: *род избран, царское священство, язык свят, люди обновления* (1 Петр. II. 9), *наследницы Богу, наследницы же Христу* (Рим. VIII. 17)?

Благословим, сл., милосердаго Царя царей, благоволившаго толико почтить непотребных рабов Своих; прославим Бога, ниспославшаго нам веру возставить падшаго, – исцелить страждущих, – напитать алчущих, – осчастливить несчастных, – оживить мертвых, – прославить не столько хвалением и песнию, не столько тимпаном и псалтирю, сколько духом и сердцем, ревностию к вере и добродетели, да не всею благодать сию прияхом. Аминь.

XL.

4. СЛОВО

в неделю 19 по пятидесятнице.

<1806–1808>

Любите враги ваша и благотворите. Лук.
VI. 35.

Чего бесполезно домогался высочайший из ангелов света, чем прельстился бессмертный человек в раю сладости, то вам, счастливые смертные, обещает, вам заповедует Божия любовь ныне. *Буду подобен Вышнему* (Исаии XIV. 14), говорит мечтатель денница; но Бог истины ответствовал громом Своим: *во ад снидеши* (Исаии XIV. 15). *Будете яко бози* (Быт. III. 5), ласкал коварный змий праотцев; но Бог истины говорил: *смертию умрете* (Быт. II. 17). Се тот же Бог обещает нас усыновить Себе и хочет и требует, чтобы мы были Ему подобны. И как мало стоит, сл., нам столь великий дар! Его цена есть любовь ко врагам нашим: *любите враги ваша и благотворите... и будете сынове Вышняго: яко той благ есть на неблагоприятныя и злыя* (Лук. VI. 35 и 36), *будите убо вы совершени, якоже Отец ваш небесный совершен есть* (Матф. V. 48).

Итак вы, которые имеете счастье быть ненавидимы! славою чад Божиих умоляю вас остановить движения гнева и негодование вас порывающее, дабы обозреть путь совершенства, открытый для вас милосердным Промыслом: *любите враги ваша и благотворите*.

Удерживать мстительный удар, но не простирать руки для помощи, проливать с языка сладкую лесть и носить желчь во внутренности сердца, не значит любить врагов. Любовь есть живое и деятельное участие в благосостоянии другаго. *Аще алчет враг твой, ухлеби его, аще ли жаждет, напой его* (Рим. XII. 20). Вот образ истинной любви! Не называйте себя напрасно готовыми к услугам вашего соперника, – будьте такими в самом деле. Говорите к нему сердцем и подтверждайте ваши уверения делами. Вкрадывайтесь нечувствительно в душу его, употребите сию благочестивую хитрость, дабы отнять у него желание делать зло, дабы возвратить невинность и спокойствие сердцу возмущенному злобою. *Любите враги ваша и благотворите!*

Мудрость мира находит здесь затруднение, представляя такую любовь не естественною; ибо она должна основываться на представлении видимых или воображаемых совершенств своего предмета: но как можно любить тех, в которых мы ничего не видим, кроме коварства и злобы? Конечно, мы не можем любить зла, да и кто сего требует? Чувствуйте все омерзение к порокам, какое они заслуживают, – сего не запрещают, но еще требуют; только не смешивайте их с самими людьми, в которых замечаете их: отделив оные, вы еще найдете в них то, что достойно любви вашей. Сколько бы ни казалось неестественным любить врага, – разве менее противно природе ненавидеть человека?

Человек! какое имя, какое обаятельное слово для обезоружения самого разъяренного мщения! Природа разве не связала тебя с ним тысящею нужд житейских? Разве она не говорит за него в твоём сердце? Сам Бог любит его, печется о нем, хранит его, – и ты не страшишься, ненавидя слабого, вооружить против себя Всесильного? Или ты думаешь, что Всевидящий не вступится за Свое стяжание? Хотеть наказать врага – есть наглým образом входить в права Вседержителя, – это есть род возмущения против воли Его и власти священной. Присвоив Себе человека безмерными благодеяниями, Он хочет тою же рукою, которою дает ему блаженство, совершать ею же и наказание: *Мне отмщение, Аз воздам*, глаголет Господь (Рим. XII. 19).

Но для чего Бог благости и милосердия приемлет столь грозное титуло – Бога отмщений? Не по недостатку ли любви Своей? – Нет! Он сделается врагам нашим врагом от избытка любви для обезопасения нашей свободы и спокойствия...

Какое жалкое состояние – платить ненавистию за ненависть, обидою за обиду! Что, если враг сильнее тебя?.. К чему тогда послужит твоя любомстительность? Разве к ускорению твоей гибели? И при равных силах чего ожидать, если не взаимнаго падения и

бедствия? Наконец, хотя бы он был и не в состоянии противостоять тебе, – разве менее страшны тайные ковы, нежели открытое нападение? А терзающие заботы, а ухищрения, а замыслы, а предприятия, обращающиеся на собственный вред, а мучительные мысли даже о невозможной удаче своей, и еще мучительнейшие – о удаче противника, и наконец самая удача, сопровождаемая самыми великими угрызениями совести, а иногда всеобщим презрением? Ах, сколько терзаний для сердца ненавидящего, – оно есть ад на земле, пламя геенское!

Что же остается нам для отвращения сих самопроизвольных мучений? Предаться Богу и ответственать на ненависть любовью, на коварство простотою, на злоумышления доброжелательством, на укоризны полезными советами, на обиды благотворениями, на проклятие молитвами. Вот истинные оружия противу врага! *Сие бо творя*, по выражению великаго Апостола, *углие огненно собираеши на главу его* (Рим. XII. 20). Сколько бы он ни был жесток и окаменен, – твоя кротость поразит нечувствительное сердце, заставит раскаяться в нанесенных тебе оскорблениях. Она обращает гнев его на него самого, – стыд сожигает его. Таким образом любовь ко врагу не только служит средством к твоему спокойствию, но и сильным для него наставлением; ты вступаешь тогда в некоторый род апостольства и делаешься оружием его обращения к добродетели!

По сей-то причине милосердный Бог за одну любовь ко врагам, как бы вменяя нам и те добродетели, к которым возбуждаем других, за одну сию добродетель обещает прощение наших грехов: *аще отпущаете человеком согрешения их, отпустит и вам Отец ваш небесный* (Матф. VI. 14).

Удивительно, сл., действие благодати! Как древле израильский народ, угрызаемый змиями, возрев на медное изображение змия, мгновенно исцелялся от смертоносных своих язв: так человек, уязвленный эдемским змием и зараженный ядом греха, единым воззрением любви на его подражателя, врага своего, возвращает здоровье душе своей. Убо в нашей воле есть – иметь врагов и благодетелей. Если мы великодушны и кротки, то они ничего не могут сделать, разве подать случай загладить пред Богом наши преступления. Они сеют плевелы, а мы пожинаем пшеницу: их обиды суть наши заслуги.

Почто же мы теряем из виду столь великое преимущество, которое можем иметь над нашими врагами? Мы смотрим в увеличительное стекло на малейшие невыгоды, от них претерпеваемые. Не требует ли благоразумие взирать на все с той стороны, которая нам более полезна, а менее огорчительна? Злословят? Благодарите нескромнаго врага вашего: вы узнаете способ исправить погрешности, которых лучшие друзья вам бы не показали. Безчестят, лишают доброго имени? Будьте спокойны; – какой вред для солнца, если какой безумец скажет, что оно мрачно? Так, если неблагонамеренные находят в вашей добродетели пятна, которых она не имеет, это их, а не ваше безчестие. Лишают имения? Нет нужды, если не считали его собственным, но если и иначе думали, то имеете случай узнать истину. Лишают детей, друзей? Сохраните добродетель, и вы соединитесь в вечности; иначе вы и сами для себя потеряны. Угнетают, гонят? *Господня земля, и исполнение ея* (Псал. XXIII. 1). Гонения человеческия только приближают к царству Божию. *Блажени изгнани правды ради, яко тех есть царство небесное* (Матф. V. 10). Угрожают смертью? Не бойтесь! жизнь и смерть в одной руке; а кто живет Христу, для того *смерть есть приобретение* (Фил. I. 21).

Если сии размышления не убеждают вас взирать на врагов ваших без смятения и гнева, взгляните на Голгофу, где небесная премудрость от невежества, невинность от адскаго преступления, Творец от твари, Господь Спаситель от врагов погибших страждет и

умирает. Гнушайтесь убо врагами Божиими, поражайте врагов отечества, *любите враги ваша*. Аминь.

XLI.

5. СЛОВО

в неделю 28 по пятидесятнице.

<1806–1808>

Имей мя отречена. Лук. XIV. 18.

Так ответствовали все званные на вечерю! Какая нечувствительность! Еслибы человек убогий – людей неизвестных приглашал к своей трапезе, такой отказ не был бы удивителен. Владыка дому, Отец семейства зовет уже званных, – зовет детей своих, зовет на вечерю велию. Какая же причина удерживает вас, рабы непокорные? *Село купих; волов купих* (Лук. XIV. 18 и 19) они отвечают. Но или забыли вы чей это дар, чье благословение – *ищите прежде царствия Божия*, сей великой вечера, и *вся*, разумея гораздо более, нежели село и воны ваши, *приложатся вам* (Матф. VI. 33). Притом не говорит уже: *ищите*, избавляя нас труда сего; но *грядите, яко уже готова суть вся* (Лук. XIV. 17). *Грядите*; но один отвечает – *жену поях* (20); эта-то жена, которая помощницею дана на пути к сей вечери, теперь делается идолом, которая сердце своего мужа отнимает у Бога, которая сделала тебя уже прелюбодеем, заставив изменить благости Божией. Это Евва падшая, дающая Адаму невинному снедь запрещенную в приданое – и приносит проклятие, рождает болезни, оставляет в наследство смерть. Оставь ее! Напрасныя убеждения: уже воля в плену, сердце в оковах. Он отвечает вестнику Божию с первыми: *имей мя отречена*. Боже мой! наша ожесточенность не только меру Твоего терпения, но и всякий степень удивления нашего превышает. Согласимся ли мы взять крест Твой, принять хотя одну каплю от той чаши, которую Ты выпил за нас до самого дрожidia, когда самая блага Твои не пленяют нас? Пойдем ли мы с Тобою на Голгофу, когда отрелись идти к Тебе на вечерю?

Вот горькие плоды неверия! Сердце неимущее веры, не только трудностей в подвиге Иисуса Христа, но и самых благ Его страшится и, подобно преступнику, подозревает самого Отца небеснаго. Одна вера приводит нас к Богу. Если мы истинноверны, то не только *село, воны, жена*, но и весь мир, ни ангелы, ни настоящая, ни грядущая не возмогут разлучить нас от Бога. Обратим внимание на сей предмет, откроем сердце к принятию его.

Вы, может-быть, сего не ожидали, а некоторые сочтут за излишнее говорить о вере верным?.. Но что, если вера зреет у них только в устах, а на делах нет ее и листвия, а в сердце еще не возникла? Дай Бог, чтобы опыт обманул нас – и тогда говорить о ней будет излишне. *Обличай премудра* (Притч. IX. 8), говорит Премудрость, тогда не будет нужды отвращать от пороков, пленять красотою добродетелей: *аще корень свят, то и ветви* (Рим. XI. 16). Не может древо добро плоды злы творити (Матф. VII. 18).

Обратимся к той минуте, когда исконный враг и человекоубийца позавидовал счастью невинности, обольстил прародителей. Это не ошибка Премудрости, но ход высочайшей Ея экономии: определено в предвечном совете получить человеку царствие, уготованное от сложения мира. Дабы получить его, дабы обладать и наслаждаться Самим Богом, не

довольно было нашей невинности: для сего нужны были заслуги. Не только правда, самая любовь Божия сего требовала. Ибо чрез сие она еще хотела усугубить сладость благ небесных; то добро и не бывает особенно приятно нам, которое без труда приобретается. Сии заслуги, еслибы предоставить собственным каждого силам, то когда должны оне совершиться? – В состоянии невинности? Но какой подвиг определить ему, когда и столь малаго – воздержаться от запрещенной снеди – не мог исполнить, когда сие из праха и персти составленное творение, любуясь собственною красотою, возмнило себя достойным славы и чести божеской? Согласился ли бы он добровольно из Эдема идти на Голгофу? Он бы верно отказался столь дорогою ценою покупать блаженство на небесах, живя и на земле в раю. По падении? Но какой подвиг, какое пожертвование, чья жизнь, чья смерть могли удовлетворить суду раздраженной правды? Какой жертвы кровь могла угасить хотя несколько геенны нашей, не только купить мир агнца Божия? Сияние славы Отчи, Сын предвечный оставил для Себя доставить нам право на блаженство. *В последок дний* Он совершает сие великое дело, да у зреть *небесным, земным и преисподним, како возлюби мир* сей. Наконец правосудие удовлетворено, преступление Адамово омыто, наши грехи забыты... Херувим, изгнавший праотцев из рая, отверзает врата царства небеснаго. Вместо пламеннаго оружия приемлет ветвь мира. На жертвеннике крестном вечными сияет буквами: *Совершишиася* (Иоан. XIX. 30). Таким образом совершив сие, Ходатай наш чего от нас требует? – Одного согласия принять новое величайшее благодеяние; сие сердечное принятие заслуг Его с полным на них упованием есть – вера наша.

Сия-то благодатная вера Адаму в невинности была ограждением: еслибы праотец верил, что *смертию умрет, в онъже еще день снесет от древа* (Быт. II. 17), не внял бы гласу прелестника; по падении – единственным утешением. Если бы не верил, что *семя жены сотрет главу змия*, то его живаго поглотили бы бездны адовы с его дражайшим наследием; Святии *вси послушествовани быша верою* (Евр. XI. 39). Сия самая вера гремела в уста пророков, пронесла проповедь Апостолов до конец вселенныя, озлатила уста пастырей Церкви, в исповедниках и мучениках победила весь мир, наконец и до наших сердец достигла. Теперь посмотрим, сия столько живая вера жива ли в нас?.. А дабы узнать сие, открой нам, сосуде избранный, божественный Павле, ту веру, в ней же свидетельствовани быша древнии! *Верою*, начинает он, *множайшую жертву Авель паче Каина принесе Богу* (Евр. XI. 4). Мы приносим ли жертву?.. и какую? Давид поет: *жертва Богу дух сокрушен* (Псал. X. 19). И Сам Господь глаголет: *милости хочу* (Матф. IX. 13). Но сколь часто дух наш в надмении возносится выше небес, в грубых удовольствиях плоти нисходит даже до ада. Сколь часто Лазари в язвах, от глада, от жажды издыхают пред вратами богатых. Сколь часто мы равнодушно слышим стоны больного – все кроме сердец наших воплями своими пронзающие: *человека не имам* (Иоан. V. 7). *Верою Сарра паче времени возраста роди* (Евр. XI. 11): наша неплоды – душа не только паче времени возраста, но и *во время благоприятно, во дни спасения* (2 Кор. VI. 2) не приносит плодов покаяния и дел благих. *Верою Авраам единокровнаго приношаше* (Евр. XI. 17): мы, оставляя долу *осля* и *отроча* – плоть и буйный разум, восходим ли с ним на гору и приносим ли Исаака – собственное сердце? Ах! не только для Бога, но для собственного блаженства, не только своего сердца, но осла и волов своих нам жаль оставить. *Верою Моисей остави Египет* (27). Нас вместо Моисея ведет Христос, вместо столпа огненнаго праведное нам возсия Солнце. И мы, осуждая ропот древняго Израиля в пустыни, сами еще не трогаемся из Египта, не престаем работать миру сему прелюбодейному и грешному и диаволу. *Верою*, продолжал он; но довольно, ученик неба, ученик земли! Закрой сие зеркало, в коем очень ясно видим, каковы мы. Да и возможно ли ждать плодов веры, когда есть из нас такие, кои едва ли получили и зерно ея? Как можно искать ее в делах, когда часто не даем ей места в уме? Есть в наш век довольно таких, кои сами не желают и других учат ничему не верить, чего не может видеть ни око плотское, ни мудрость мира обьюродевшая. Несмысленные! Или не знают они, сколько нужна вера в

делах даже видимых и естественных! Стал ли бы земледелец сеять, когда не знал бы, что земля возвратит сторицею? Кто бы стал плавать по морю, когда не верил бы кораблю и кормчему? Кто бы мог излечиться от болезни, не имея доверенности ко врачу? Кто бы мог изучиться какому-нибудь искусству, если бы не верил художнику? И если отнять веру в сих делах, что выйдет из сего мира прекрасного? – Пустыня смерти, гроб, который живых нас погребл бы себе! Итак, если требуют веры от нас земля, вода, воздух, ближний наш для нашего же блага, то для чего мы отказываем Богу? Вы имеете ближних, друзей: не видя сердца их, им верите. Для чего же Бога лишаете того удовольствия, в коем не отказываете людям, во всем вам подобным? Чем Он заслужил такую недоверенность? Напишите другие уставы для вечной Премудрости, как Ей поступить с нами, и как нам соделаться блаженными. Или о богатстве благодати Божией и кротости и долготерпении не радите? Вы слышали в чтенном ныне Евангелии суд Его о званых отрехшихся: *Глаголю вам, сказал он, яко ни един мужей тех званых вкусит моей вечери* (24). Подивитесь теперь особенной Его любви к нам. Мы многократно отрицались идти на вечерю к Нему, и Он доселе гласом Церкви не престаёт звать нас: *грядите*. Се наступают дни покаяния! Он усугубит глас Свой, не ожесточая сердец наших: *изуим сапоги от ног своих, совлечемся греху, станем на месте святе чистыми, приимем дух веры – это есть одеяние брачное*. Потом приступим к сей трапезе вкусить вечери Господней; приобщимся крови заветной и Агнцу Божию. Приняв сие напутие живота вечного, поспешим на ту вечерю велию, где блага, *ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человека не взыдоша* (1 Кор. II. 9). Поспешим, не умедлим, и во взаимное уверение сердцем и устами скажем друг другу: аминь.

XLII.

6. СЛОВО

в неделю Мясопустную.

<1806–1808>

Идите от Мене проклятии во огонь вечный, уготованный диаволу и аггелом его. Матф. XXV. 41.

Бог есть любви (I Иоан. IV. 8) в существе Своем и милосердие в Своих действиях относительно к человеку; сколько ни многообразны сии действия, они имеют единое начало – благодать, и единый конец – благо. Посему Бог является то в образе отца и дает нам славное имя сына: *даждь ми, сыне, твое сердце* (Притч. XXIII. 26); то в образе врача и покупает нам здравие собственными болезнями: *язвою его мы исцелехом* (Исаии LIII. 5); то в образе пастыря, и не забывает глашать по имени овец, забывших Его в своем заблуждении: *ины овцы имам, яже не суть от двора сего; и тыя ми подобает привести* (Иоан. X. 16); то в образе гостя и усильнее старается внити в убогую хижину нашу, нежели мы в славный чертог Его: *се стою при дверех и толку* (Апок. III. 20); то в образе жениха и всюду приближается к невесте Своей, куда-бы она ни удалялась: *прииди ближняя моя* (Песн. II. 1).

Но видели ли вы ныне в зеркале слова Божия последнее явление Вечного во времени? О, как оно ужасно и не подобно предшествовавшему! Души не соответствовавшие любви Жениха небесного, вы скоро испытаете пламень Его ревности! Сердца не приявлявшие Божественного посещения, *се оставляется вам дом ваш пуст* (Матф. XXIII. 38)! Овцы

слышавший глас Пастыря своего, но ему не внимавший, Он предаст вас зверям хищным! Больные члены, отвергнувшие помощь врача душ и телес, Он уже приемлет железо, дабы отсеци вас и извергнуть из града безсмертия! Непокоривые дети, презревшие спасительные советы Отца, вы увидите в Нем строгаго судию! Се Он слагает с себя свою кротость, и облачается в славу! Се Он взирает молниєю, громом вещает, ужасом окружен! Смерть поселяется там, откуда он отвращает очи! Вы, которые не хотели прийти к Нему, когда Он звал вас: *приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы* (Матф. XI. 28), – вот, Он теперь увольняет вас от Себя: *идите от Мене проклятии во огнь вечный, уготованный диаволу и аггелом его*.

Так, сл., в сем страшном действии Бог более не есть любви и милосердия. Таже любовь, которая приходила *не судить миру, но да спасется Ею мир* (Иоан. III. 17), придет осудить тех, *иже любви истины не прияха, во еже спастися им* (2 Солун. II. 10). Осудит злых, поелику любит добрых. Милосердый судит нераскаянных, потому что милует кающихся. И для чего иначе возвещает Он погибель отверженных, если не для того, что не хочет ничьей гибели? Посему за несколько еще веков дает нам услышать последнее проклятие на шую страну, дабы заблаговременно спастись бегством на десную!

Блажен, кто слушает сие проклятие, не уклоняясь от намерения любви Божией! Тогда и проклятие рождает благословение. Мы должны внимать ему сердцем и умом, а не слухом. Должны познавать в нем ужас состояния отверженных: не ждть для ясности сагаго опыта.

Итак, Праведный Судия лишит осужденных права и возможности наслаждаться Его лицезрением: *идите от Мене проклятии*. Сию великую потерю нельзя довольно чувствовать не испытавшим высокога блаженства – видеть Бога! Когда мы видим совершенное произведение ума человеческого, порываемся любопытством видеть творца; когда слышим о достохвальных человеколюбивых деяниях, наши взоры желали бы почитать на груди, в коей бьется сердце столь доброе; когда внемлем славе сильных земли, наше воображение устремляется в места их пребывания, и мы почитаем себя счастливыми, если можем поставить себя пред ними. Впрочем, видя лице мудреца, еще не видят его мудрости; взирая на добродетельнаго, не видят добродетели, обозревая великолепие, окружающее сильных, не видят того сильного духа, который проходит и движет огромные члены государственнаго тела. Телесный взор объемлет только тело, но видеть Бога – конечно уже не сим бранным оком – есть созерцать (по возможности ограниченной твари) и Его премудрость – и озаряться от нея всегда новым светом познания, и Его благодать – и исполняться от нея любви и радости безсмертныя, и Его величие – и возвышаться до блаженства чистейших духов.

Если не ослепленный страстями, не омраченный предразсудками разум находит удовольствие, рассматривая следы Божества в царстве природы; если верующая душа погружается в восторгах, проходя мысленно чудесные пути благодати в ея таинственном царстве: то что должен чувствовать тот, кто, оставя сии неотдаленныя области Вседержителя, проник бы во внутренность державы Его, вступил бы в Его безсмертный град, ощутил бы всюду и окрест себя и в себе Его славное присутствие? Если мы любим слушать, как сии видимыя небеса в безмолвии *поведают славу Божию* (Псал. XVIII. 2), малейшее насекомое возвещает величие Творца; то что, еслибы в небесах небес, вместо сияния мертвых тел, мы узрели свет безсмертных духов, – вняли бы немолчному их славословию, соединили бы с хором их наши гласы, научились бы, изливая, так сказать, хвалы в Бога, почерпать из Бога неизсякаемую радость?

Богодухновенный царь, который, кажется, научился у серафимов песням их и старался, сколько можно, совершеннее испытать на земле небесное их упражнение – славословить Царя царей, не ожидает и там другого блаженства, как быть ближе к Нему, и вечно хвалить Его. *Блажени, поет он, живущии в дому твоём, в веки веков восхвалят тя* (Псал. LXXXIII. 5). Апостолы, утверждая нас в вере, думали, что сказали все, когда сказали, что мы узрим Бога лицом к лицу, узрим Его, якоже есть. Сам Божественный Учитель их описывает высокое состояние Ангелов сею одною чертою, что они *выну видят лице Отца небеснаго* (Матф. XVIII. 10).

Судите посему, сколько теряет тот, кто теряет право видеть Бога? Мы, не видя Его ныне, по грубости наших чувств и естественной немощи, сколько от того терпим! Какая тьма в разуме! Какая пустота в сердце! Какой глад в желании! Но какой ужасной крайности достигнут сии бедствия, когда они будут не слабостию нашею, но бесконечными следствиями гнева Божия, когда сии случайности существа нашего перейдут в самую природу! Авессалом, отверженный Давидом, просит Иоава, чтоб он или испросил ему позволение видеть царя и отца своего, или убил бы несчастного. Так отверженный Богом грешник предпочтет смерть своему состоянию; только он не найдет ее. Он будет умирать непрестанно, а не возможет умереть и один раз. Совекупите тысячу геенн, восклицает Златоуст, это отнюдь не так тяжело, как быть извержену от славы, быть ненавидиму Богом!

Наказание осужденных на страшном суде не состоит в одном лишении благ и лицемерия Божия, но в действительном претерпении зол. Судия посылает их в огонь.

Так угодно будет строгому Правосудию, чтобы человек весь был подвержен действию Его мщения, так как он весь предавался действию беззакония. Такое же различие полагает оно в наказаниях, какое мы производим во грехах. Из них одни рождаются в душе и чрез нее поработают себе телесные силы, какова есть гордость, или злоба; другие совершаются в теле и оскверняют душу, чрез участие которого она приемлет услаждение, как, например, роскошь и сластолюбие. Так отчуждение от Бога, угрызающее воспоминанием не порядков жизни, совершенное отчаяние, суть казни, снедающая душу, и потоплику простираются на тело, поколику сие соединено с нею. Огонь есть вещественное мучение, которое терзает тело и чрез него проходит в душу.

И посему напрасно изъясняют сей огонь действием совести; напрасно вопрошают: какая это мучения? какой это огонь, который бы мог действовать на бессмертного человека? Но разве пределы разума человеческого должны быть пределом Божия всемогущества? Кто может сие тленное *облеци в нетление* (1 Кор. XV. 44 и 53) и сделать тело духовным, тому трудно ли приготовить столь тонкий и пронизательный огонь, чтобы также был ощущаем бессмертным составом, как нынешний огонь нынешним телом. Кто хочет подробно знать свойство одних мучений, тот пусть изъяснит мне прежде в точности свойство блаженства небеснаго. Но если бывший на третьем небеси не описал того, что там уготовано любящим Бога, и признался, что это совсем невозможно постигнуть человеку более или менее плотскому; то может ли равно представить себе свойство ужасных последних действий гнева Божия тот, кто не нисходил в преисподняя? Мы можем, и довольно для нас, знать только то, что гнев сей бесконечен: идите в огонь вечный, глаголет Вечный Судия.

Тщетно некоторые, для смягчения сей страшной угрозы, прибегают к милосердию Божию. Но какое милосердие для тех, кои с непреодолимым упорством отвергают милосердие? Бог есть единое, бесконечное благо; уклонение от Него единое бесконечное зло. Бог создал человека для Себя; грехопадение удалило человека от Бога; милосердие паки

открыло путь соединиться с Ним. Кто не следует по сему пути, тот, по закону Правосудия, остается подверженным вечному злу, как необходимому последствию удаления от Бога.

Поздно будет искать сего пути во мраках ада. Путь к бессмертию лежит в юдоли смертной жизни. Здесь можно иметь светильник, дабы найти его и безопасно продолжать по нему шествие. Смерть для каждого человека, а последний суд для всего рода человеческого – отвергает дверь судьбы. Мудрые девы входят на брак жениха бессмертного – буии же изгоняются. Чтобы получить помилование, должно принести покаяние. Но кто может принять за чистое раскаяние вопль, исторгаемый муками? Чем тягостнее сии муки, тем менее способно сердце иметь другия чувствования, нежели чувства лютейшей скорби. Оно едино подавляет все мысли и желания отчаянием. Итак, смертный, доколе ты носишь смертное тело, и вместе с ним подлежишь переменам, ты можешь соделаться лучше или хуже. Но когда сложишь с себя одежду тления и смертности, тогда останется в тебе или бессмертное чувство добра или бессмертное чувство зла. Ни на небе не родится новых безбожников, *ниже во аде кто исповестся Господеву* (Псал. VI. 6).

Представьте же себе, сл., сколько можете сию страну непроницаемого мрака, кипящую огнем и жупелом и червями, шумящую скрежетом зубов и яростными столами: там минуты проходят как годы: но проходят годы – и это еще начало мучения; проходят веки – и это еще начало мучения; пройдет столько тысячелетий, сколько пылинок составляет нынешний мир – все еще будет начало мучения!..

Подумайте также, с кем будут разделять грешники сие безконечное проклятие на вечныя мучения: это огонь уготованный диаволу и аггелом его. Губительные взоры врага безпрестанно будут пронзать жертву им убитую! Лютый змий гнусным жалом своим будет лобызать сердце, им отравленное, и в новыя раны всегда будет проливать новый яд.

Но да удалятся сии страшные виды, и да не будут они для нас, сл., едиными мечтаниями воображения! Отверзите слух ваш, и в самых грозных вещаниях правосудия внушите сладкий глас: *Приидите благословеннии Отца моего*. Слышите ли, что говорит любовь? Не для вас устроены жилища адовы, но диаволу и аггелам его; не для вас возжено геенское пламя, но для князя тьмы устроено царство тьмы: для вас уготованы обители райския от сложения мира. Почто ревнуете жребию тех, кои заслужили свое состояние? Обратитесь, *покайтесь, приближибоя царство небесное* (Матф. III. 2). Аминь.